12
282

МУХАММЕДАНСКІЙ ПОСТЪ

ВЪ МѢСЯЦЪ

РАМАЗАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ОСТРОУМОВА.

КАЗАНЬ.

Печатано въ типографіи *Коковиной*.

1877.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 15 Іюня 1877 года.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи,

Василій Миротворцевъ.

Заповѣдь о постѣ была извѣстна еще въ ветхозавѣтной религіи. Христіанская церковь считаетъ постъ необходимымъ религіозно-нравственнымъ упражненіемъ человѣка и придаетъ ему высокое нравственно-воспитательное значеніе въ жизни христіанина. Мухаммеданская религія, сложившаяся въ главныхъ и существенныхъ своихъ чертахъ изъ постановленій іудейства и христіанства, предписываетъ своимъ послѣдователямъ соблюдать въ извѣстное время года постъ подобно тому, какъ дѣлаетъ это христіанская церковь и какъ поступала церковь ветхозавѣтная. У мухаммеданъ постъ относится къ первымъ и самымъ главнымъ обязанностямъ человѣка въ отношеніи богопочтенія [1]) и въ ряду другихъ чисто нравственныхъ обязанностей занимаетъ почти срединное мѣсто: постъ ниже молитвы и милостыни и выше хаджа. Молитва считается у мухаммеданъ самою главною обязанностію человѣка въ отношеніи къ Богу; затѣмъ слѣдуетъ милостыня; далѣе постъ и наконецъ хаджъ. Въ такомъ порядкѣ излагается обыкновенно первая часть мухаммеданскаго практическаго законовѣдѣнія, извѣстная подъ именемъ „*Гыбадатъ*“ т. е. Богопочтеніе. Иногда, впрочемъ, при

---

[1]) Всѣхъ такихъ обязанностей мухаммедане насчитываютъ сорокъ (кырыкъ фарызъ قرق فرض) см. Шарайту-ль-ламанъ, стр. 20—22.

перечисленіи религіозно-нравственныхъ обязанностей человѣка, постъ упоминается прежде милостыни. Это, по нашему мнѣнію, доказываетъ именно то, что постъ, какъ мы сказали, занимаетъ *срединное* мѣсто въ числѣ главныхъ религіозно-нравственныхъ обязанностей мухаммеданъ.

Подъ именемъ *поста* у мухаммеданъ разумѣется воздержаніе постящагося отъ пищи, питія и супружескихъ сношеній въ теченіе дня, а именно: начиная отъ перваго проблеска утренняго свѣта и кончая наступленіемъ вечерней темноты. Съ наступленіемъ вечерней темноты постящемуся разрѣшается все: и пища, и питіе, и супружескія сношенія. Выраженіе *„саумъ“* (صوم) постъ [1]), по употребленію въ арабскомъ языкѣ, означаетъ вообще воздержаніе, возбраненіе себѣ чего-нибудь, будетъ ли то пища, питіе или что нибудь другое, напр. разговоръ, прогулка; по употребленію же въ законѣ (шаригатѣ), выраженіе *„саумъ“* означаетъ воздержаніе отъ пищи, питія и сношенія съ женой съ утра до заката солнца. Подъ *утромъ* въ этомъ случаѣ разумѣются первые проблески утренней зари, а подъ *закатомъ солнца* наступленіе темноты на восточной сторонѣ горизонта [2]). Такимъ об-

---

[1]) Такъ называется постъ въ Коранѣ (гл. 19, ст. 27), гдѣ есть и другое названіе его: *„сыямъ“* (صيام) гл. 2, ст. 179. Оба эти названія поста происходятъ отъ глагола *сама* (صام), означающаго первоначально вообще воздержаніе, прекращеніе извѣстнаго рода занятій. Казанскіе татары называютъ постъ словомъ: *„ураза“* отъ персидскаго *„руза“*.

[2]) **См. Georgii Wilhelmi Freitagii, Lexicon arabico-latinum (Halis Saxonum, 1833) t. 2, p. 534; Beidhawii Commentarius in Coranum, ed. H. O. Fleischer (Lipsiae, 1846) V. 1, p. 101;** Китабу „Джамигу-р-рюмюзъ“ лиль маули шамсу-д-дини Мухаммяди-ль-кахистани. 1291 Гиджры. Стамбулъ, стр. 213.

разомъ, мухамеданскій постъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Кантеміръ, состоитъ не въ количественномъ и не въ качественномъ воздержаніи отъ брашенъ, но во временномъ удаленіи себя отъ всего позволеннаго человѣку непостящемуся [1]). Не смотря на такое странное пониманіе мухаммеданами воздержанія во время поста, постъ у нихъ считается весьма угоднымъ Богу нравственнымъ упражненіемъ человѣка. Одно мухаммеданское преданіе называетъ постъ „*вратами богопочтенія*“: „*У каждаго предмета*, говорится въ преданіи, *есть врата: врата богопочтенія—постъ*“[2]). Другое преданіе еще нагляднѣе представляетъ высокое значеніе поста въ дѣлѣ богопочтенія: „*Для Бога*, говорится здѣсь, *и дурной запахъ изо рта постящагося пріятнѣе запаха мускуса*“ [3]).

По различію побужденій и по неодинаковой степени обязательности для мухаммеданъ, въ ихъ нравственно-религіозной практикѣ различаются разные виды поста: *постъ добровольный* (сауму-н-няфль), *постъ по обѣту* (сауму-н-надзръ), *постъ очистительный* (сауму-ль-кяфаратъ), *постъ вознагражденія* (сауму каза) и наконецъ *постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ* (сауму-ш-шагри Рамазанъ). Постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ и есть именно самый главный видъ мухаммеданскаго поста; соблюденіе его вполнѣ опредѣлено по времени и совершенно обязательно, за нѣкоторыми немногими исключеніями, для всѣхъ послѣдователей Мухаммеда, находящихся въ состояніи обязательности и вмѣняемости, для всѣхъ *мюкяллифовъ*. Соблюденіе поста въ мѣсяцъ Рамазанъ, кромѣ избавле-

---

[1]) Книга Сустіма или состояніе мухаммеданскія религіи С.-ПБ. 1722, стр. 181.

[2]) **Eduardi Pocockii Specimen historiae arabum. Oxonii, 1806, p. 300.**

[3]) **Pocock, p. 300.**

нія отъ отвѣтственности предъ закономъ, доставляетъ постящемуся разныя многочисленныя награды на землѣ и на небѣ, а несоблюденіе его влечетъ за собою разныя наказанія. [1])

Постъ этотъ заповѣданъ мухаммеданамъ ясно и опредѣленно въ Коранѣ [2]), словами котораго также опредѣлено на всѣ времена неизмѣнно и время совершенія поста, именно мѣсяцъ Рамазанъ, девятый мѣсяцъ луннаго года, употребляемаго до сихъ поръ всѣми мухаммеданами, не смотря на успѣхи современной астрономіи и на всѣ неудобства луннаго календаря. Лунный календарь современныхъ мухаммеданъ ведетъ свое начало со временъ Мухаммеда, но былъ извѣстенъ арабамъ гораздо ранѣе. Арабы язычники, какъ народъ, не имѣвшій точныхъ астрономическихъ познаній, съ давнихъ временъ дѣлили свой годъ, подобно евреямъ, на двѣнадцать лунныхъ мѣсяцевъ; годъ арабовъ былъ такимъ образомъ короче солнечнаго года на одиннадцать дней и потому арабы, побуждаемые необходимостію совершать хаджъ всегда въ одно время года, стали съ пятаго вѣка по Р. Хр. [3]) уравнивать лунный годъ съ солнечнымъ, прибавляя къ первому чрезъ каждые три года тринадцатый мѣсяцъ. Такъ дѣлали арабы, подражая евреямъ, лунный годъ которыхъ заключалъ въ себѣ 354 дня, 8 час. 48 мин. и 38 сек. и раздѣлялся на 12-ть мѣсяцевъ; иногда черезъ два, иногда черезъ три года годъ евреевъ дополнялся еще тринадцатымъ, добавочнымъ, мѣсяцемъ. Дѣлалось это для того, чтобы уравнять лунный годъ съ солнечнымъ; а уравненіе годовъ въ свою очередь необходимо было для того, чтобы жатва и собираніе винограда, тѣсно связанныя съ главными праздниками перваго,

---

[1]) См. ниже гл. IV.

[2]) Самый текстъ корана приведенъ ниже.

[3]) **Lenormant. Manuel d'histoire ancienne de l'orient. Paris. 1869. T. III, p. 348.**

третьяго и седьмаго мѣсяцевъ [1]), всегда приходились въ одно тоже время года. Годъ евереевъ начинался (кн. Исх. гл. 12, ст. 2) мѣсяцемъ колосьевъ (нисанъ), въ который израильтяне вышли изъ Египта и по которому, какъ первому, считались остальные мѣсяцы года [2]). Въ концѣ двѣнадцатаго мѣсяца каждаго года обыкновенно осматривались засѣянныя поля, чтобы судить о томъ, можетъ ли въ половинѣ слѣдующаго мѣсяца созрѣть ячмень. Если на это можно было надѣяться, то слѣдующимъ за тѣмъ новолуніемъ начинался новый годъ; въ противномъ же случаѣ старый годъ дополнялся тринадцатымъ мѣсяцемъ. Впослѣдствіи же такое удлиненіе годовъ зависѣло отъ распоряженія синедріона, который при этомъ держался правила никогда не удлинять субботнихъ годовъ [3]). Мухаммедъ, не поладившій въ Мединѣ съ іудеями, на которыхъ онъ очень много сначала разсчитывалъ, хотѣлъ отличить свой календарь отъ календаря арабовъ-язычниковъ и отъ календаря еврейскаго и запретилъ [4]) своимъ послѣдователямъ дѣлать прибавку тринадцатаго мѣсяца [5]), вслѣдствіе чего мѣсяцъ Рамазанъ, а съ нимъ и

---

[1]) Исх. 23, 15 и д. 34, 18, 22.

[2]) Лев. 23, 5. 24. 27. 34. 25, 9. 2 Цар. 25, 8. Іер. 39, 2, ср. 1 Мак. 4, 52. 16, 21.

[3]) Selden, de anno civili vet. Iudeor. Lugd. B. 1683, pag. 23 et cet. Reland, antiqq. ss. IV, 1. § 3 и д. Руководство къ Библейской Археологіи. К. Фр. Кейля перев. съ нѣмец. Кіевъ. 1871, часть 1, стр. 436 и 441 прим. 13—14.

[4]) Коранъ, гл. 9, ст. 36.

[5]) Арабы, говоритъ Придо, употребляли лунные годы, однакожъ присовокупляя семь мѣсяцевъ къ 19 годамъ тѣмъ же образомъ, какъ и іудеи, они приводили лунные годы въ солнечные, и слѣдовательно мѣсяцы ихъ всегда были опредѣленные въ одномъ времени года. Но около времени Мухаммеда обычай этотъ вышелъ изъ употребленія и годъ арабовъ съ тѣхъ поръ навсегда былъ точно лунный, состоящій только изъ 354 дней, 8 часовъ и 48 минутъ; а такъ какъ эти лишніе часы и минуты въ 30 лѣтъ составляли 11 дней, то арабы имѣли обычай прибавлять по одному дню ко второму, 5, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 26 и 29 годамъ этого періода, такъ что эти годы состояли каждый изъ 355 дней, по причинѣ дня, прибавляемаго всегда къ послѣднему

мухаммеданскій постъ каждый годъ наступаютъ противъ прежняго на одиннадцать дней ранѣе, сравнительно съ европейскимъ календаремъ и только черезъ тридцать три года случается въ одно и тоже время. Въ прошломъ 1876 г. мѣсяцъ *Рамазанъ и постъ начинался съ 8 Сентября*; въ настоящемъ 1877 г. онъ долженъ начаться одиннадцатью днями ранѣе, т. е. 28 Августа и т. д. Поэтому постъ мухаммеданъ постепенно переходитъ изъ одного времемени года въ другое, и можетъ случиться весною, лѣтомъ, осенью и зимою.

Постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ ееть единственный обязательный постъ у мухаммеданъ. Мухаммедане считаютъ *его весьма древнимъ божественнымъ установленіемъ*, стараются строго соблюдать его и, когда говорятъ о немъ съ христіанами, ставятъ его несравненно выше поста христіанскаго. Своими чрезвычайно образными и настойчивыми разсказами о мнимомъ превосходствѣ поста въ мѣсяцъ Рамазанъ предъ христіанскимъ постомъ мухаммедане нерѣдко успѣваютъ склонять на свою сторону и нашихъ крещеныхъ инородцевъ, особенно крещеныхъ татаръ, *которые со словъ мухаммеданъ повторяютъ о постѣ* мухамеданскомъ то, что слышали отъ своихъ непризванныхъ учителей въ вѣрѣ. На нашихъ крещенныхъ инородцевъ мухаммеданскій постъ производитъ благопріятное впетатлѣніе видимою своею строгостію. Къ этому присоединяются разсказы мухаммеданъ о необыкновенной спасительности поста въ мѣсяцъ Рамазанъ и о необыкновенной богоугодности каждаго дѣла, каждаго ша-

---

мѣсяцу. Всѣ исповѣдующіе мухаммеданскій законъ всегда употребляли такой годъ; да и въ Коранѣ есть мѣсто, которое принуждаетъ ихъ къ этому. Мухаммедъ говоритъ, что продолжать годъ, т. е. прибавлять къ году мѣсяцъ, есть беззаконіе. Такимъ образомъ, слѣдуя этому счисленію, мухаммеданскій годъ бываетъ 11 днями короче солнечнаго, и начало года Гиджры не всегда случается въ одно время, потому что слѣдующій годъ начинается всегда 11 днями прежде и случается иногда лѣтомъ, иногда весною, иногда зимою, а иногда осенью; въ теченіе 33 лѣтъ начало года проходитъ чрезъ всѣ времена года и случается иногда въ одно время съ солнечнымъ годомъ, но не въ одинъ день. Жизнь Мухаммеда Придо, прилож. къ рус. переводу Корана, сдѣланному Колмаковымъ, стр. 65.

га постящагося этимъ постомъ. Все это сильно дѣйствуетъ на крещенныхъ татаръ, чувашъ, вотяковъ, рѣже на черемисъ. Особенно первые нерѣдко, считаясь еще христіанами, держатъ мухаммеданскій постъ, а еще болѣе ревностно соблюдаютъ правила этого поста послѣ своего отступленія отъ христіанства и отпаденія въ мухаммеданство. Очевидно, что крещеные инородцы наши увлекаются мухаммеданскимъ постомъ по своему недостаточному знакомству съ христіанскимъ ученіемъ о постѣ и по своей духовной неразвитости вообще; эти двѣ причины лишаютъ нашихъ крещенныхъ инородцевъ возможности критически отнестись ко всѣмъ несообразностямъ предписаній Корана и позднѣйшихъ мухаммеданскихъ законовѣдовъ о постѣ въ мѣсяцъ Рамазанъ и по достоинству оцѣнить ихъ, безпристрастно сличивъ съ ними правила и узаконенія христіанской церкви о постѣ. Разнообразныя невѣроятныя и странныя награды (см. гл. IV) за соблюденіе поста въ мѣсяцъ Рамазанъ, о какихъ разсказывается въ разныхъ мухаммеданскихъ книгахъ и книженкахъ, еще болѣе запутываютъ воображеніе крещенина въ сѣть мухаммеданской и безъ того хитрой пропаганды. Племенное родство, одинаковость положенія и одинаковыя отношенія ко всему *„русскому“* у крещеныхъ инородцевъ съ мухаммеданами, одинаковость языка въ одномъ случаѣ (у крещеныхъ татаръ съ мухаммеданами) и большое сродство языковъ въ другихъ (у чувашъ, вотяковъ, и пр. съ тѣми же мухаммеданами) и происходящая отсюда вообще большая близость нашихъ инородцевъ къ мухамеданамъ, а не къ намъ русскимъ; наконецъ большая внѣшняя бытовая изолированность инородцевъ отъ русскихъ и настойчивая фанатическая пропаганда мухаммеданъ, назойливость послѣднихъ,—все это, при недостаткѣ равнаго [1]) противодѣйствія, невольно

[1])По вышеизложеннымъ причинамъ, противодѣйствіе должно бы быть даже сильнѣе дѣйствія; но мы говоримъ, что и „неравнаго“-то противодѣйствія названнымъ дѣйствіямъ у насъ нѣтъ и часто по независящимъ отъ насъ причинамъ.

располагаетъ крещеныхъ нашихъ инородцевъ къ мухаммеданству и отталкиваетъ отъ христіанства. Назначая свое сочиненіе для проповѣдниковъ христіанскаго ученія инородцамъ, находящимся въ близкихъ сношеніяхъ съ мухаммеданами, т. е. для священниковъ инородческихъ приходовъ и для учителей инородческихъ школъ, мы считаемъ нужнымъ сказать имъ, что положеніе ихъ въ данномъ случаѣ очень затруднительно, какъ объ этомъ мы судимъ по собственному опыту. Крещеные инородцы (мы имѣли дѣло съ крещ. татарами), расположенные внутренно къ мухаммеданству, а тѣмъ болѣе отступники отъ христіанства, когда слушаютъ проповѣдника христіанской истины, говорятъ ему съ тайно скрываемымъ желаніемъ не соглашаться съ его ученіемъ: „такъ, такъ! хорошо, хорошо! больно хорошо!... Ты разсказываешъ понятно, но мы уже привыкли къ мухаммеданской вѣрѣ; съ этою вѣрою мы знакомы издавна.... такъ жили наши дѣды и отцы“... Или: „хорошо, хорошо; больно хорошо!... Если бы ты пораньше пріѣхалъ учить насъ такъ, какъ теперь учишь, тогда конечно бы.... а теперь.... теперь мы уже знаемъ и привыкли къ мухамеданской вѣрѣ“.... Въ этихъ отвѣтахъ замѣтна явная уклончивость слушателей, какая-то боязнь ихъ согласиться съ предлагаемымъ ученіемъ христіанства и такимъ образомъ отказаться отъ давно лелеяннаго расположенія къ мухаммеданству. Иногда эта уклончивость выражается еще оригинальнѣе съ стороны отступниковъ отъ христіанства. Въ 1871 году намъ пришлось присутствовать на увѣщаніи отступниковъ отъ христіанства, крещенныхъ татаръ деревни Ябашъ казанскаго уѣзда александровскаго прихода. На увѣщаніе священника о. Тимоѳеева отстать отъ заблужденій мухаммеданства и возвратиться въ лоно христіанской церкви заправители отступниковъ (коштаны) говорили, что они „*русской*“ вѣры [1]) не знаютъ, а знаютъ и привыкли къ мухаммедан-

[1]) Замѣчательно, что всѣ вообще русскіе инородцы называютъ христіанскую вѣру „*русскою*“ вѣрою. Въ этомъ названіи нельзя

ской вѣрѣ; что знать „*русскую*“ вѣру имъ мѣшаетъ непонятный „русскій“ (церковно-славянскій) языкъ, употребляемый при богослуженіи. Тогда мы справедливо замѣтили отступникамъ, что они одинаково не могутъ понимать и мухаммеданскаго богослужебнаго, т. е. арабскаго, языка и доказали это очень легко къ удивленію самихъ отступниковъ, какъ бы совсѣмъ не подозрѣвавшихъ того, что они не понимаютъ ничего въ мухаммеданскомъ богослуженіи. Сначала мы высказали свое предположеніе, что отпадшіе ничего не понимаютъ въ мухаммеданствѣ, которое они предпочли христіанству, какъ болѣе понятное для себя вѣроученіе. Тогда дерзостно выступилъ изъ толпы мужчина лѣтъ 35-ти и вызывающимъ раздраженнымъ тономъ самоувѣренно заявилъ, что онъ „*все знаетъ въ мухаммеданствѣ*“. Мы попросили его произнести самый употребительной символъ мухаммеданства. Онъ бойко прочиталъ: *ля илляга илля ллагу, Мухаммедъ расулю-ллахъ* [1]). Мы попросили его объяснить намъ смыслъ этого (арабскаго) выраженія, чего отступникъ никакъ не предполагалъ. Да онъ никогда безъ сомнѣнія и не думалъ о смыслѣ того, что произноситъ, а вмѣсто этого услаждался обѣщаною наградою за частое произнесеніе столь спасительной, по ученію мухаммеданъ, фразы. Нашъ вопросъ поставилъ въ совершенный тупикъ самоувѣреннаго лжезнатока, и нужно было

не видѣть отчужденія ихъ отъ всего русскаго, начиная съ русской народности и кончая *вѣрою*. Только съ развитіемъ христіанскихъ школъ среди инородцевъ начинаетъ выходить изъ употребленія невѣрное и неудобное выраженіе: „русская вѣра“. Мы въ первый разъ обращаемъ на выраженіе „русская вѣра“ такое вниманіе и думаемъ, что не ошибаемся.

1) Буквально: „нѣтъ божества, кромѣ Аллаха; Мухаммедъ—посланникъ Аллаха, т. е. Бога „единаго“. Въ этомъ выраженіи заключается вся сущность мухаммеданскаго вѣроученія и мухаммедане вѣруютъ, что невѣрующему достаточно произнести однажджы это выраженіе, чтобы спасти свою душу отъ огня адскаго и удостоиться небеснаго блаженства.

видѣть, какъ онъ былъ сконфуженъ и какъ его жалѣли всѣ остальные незнатоки. Покраснѣвшій отъ стыда и досады, онъ незамѣтно, шагъ за шагомъ, опять вдвинулся въ толпу и тамъ скрылся отъ нашихъ взоровъ..... Послѣ такого обнаруженія невѣжества въ мухам. мудрости отступники перестали говорить, что они знаютъ мухаммеданскую вѣру *болѣе* чѣмъ могутъ понимать христіанскую вѣру и стали говорить, что они привыкли и хотятъ продолжать жить, „*узебезчя*“, т. е. „*по своему*“, разумѣя подъ этимъ „по своему“ опять тоже мухаммеданство.—Замѣчательная, совершенно въ мухаммеданскомъ духѣ, изворотливость!...

Мы сдѣлали небольшое отступленіе для того, чтобы показать, какъ трудно вести религіозную бесѣду съ людьми, предрасположенными заранѣе не въ пользу предмета бесѣды. Въ этомъ случаѣ нужно имѣть собесѣднику чисто психологическій разсчетъ: когда человѣкъ предубѣжденъ противъ извѣстнаго предмета и расположенъ къ другому противоположному, тогда нужно имѣть большую осторожность, чтобы не вызвать въ своемъ собесѣдникѣ еще большей нерасположенности къ предмету бесѣды, чтобы своею настойчивостію не вызвать противодѣйствія въ слушателяхъ. Всегда нужно помнить, что противъ желанія и расположенія человѣка, особенно противъ религіозныхъ его убѣжденій и предрасположенности настойчиво дѣйствовать безполезно и даже вредно; нужно тщательно наблюдать за тою степенью внимательности и охоты, съ какою васъ слушаютъ и тотчасъ прекратить свою рѣчь, когда будетъ замѣчено, что собесѣдникъ не желаетъ болѣе васъ слушать. Но коль скоро желаніе слушать будетъ замѣчено, тогда не слѣдуетъ пропускать благопріятнаго случая сѣянія слова. Повторяя отъ времени до времени свои наставленія, христіанскій проповѣдникъ можетъ надѣяться, что слова его, подобно дождевой каплѣ, могутъ въ окаменѣломъ сердцѣ его слушателей сдѣлать углубленіе силою своею многократнаго паденія, даже при самомъ незначительномъ давленіи. Извѣстно,

что капля долбитъ камень, а отъ сильнаго удара молота камень *разрушается* и дѣлается негоднымъ для употребленія; отъ сильнаго же удара по камню острымъ орудіемъ бываетъ или разрушеніе камня, или же затупленіе самаго орудія....

Что же говорить мухаммеданину и отступнику по поводу поста въ мѣсяцъ Рамазанъ? Думаемъ, что изложеніемъ правилъ только христіанскаго поста и его значенія въ религіозно-нравственной жизни человѣка ограничиваться въ данномъ случаѣ недостаточно. Мухаммедане и склонные къ мухаммеданству крещеные инородцы знакомы съ правилами поста мухаммеданскаго и потому неудобно и не слѣдуетъ оставлять это предполагаемое знаніе ихъ въ сторонѣ во время бесѣды съ ними; съ другой стороны неудобно ограничиваться только критическимъ разборомъ правилъ мухаммеданскаго поста, не касаясь совершенно правилъ поста христіанскаго. Самый прилюжимый къ дѣлу и въ данномъ случаѣ единственный методъ,—это сравненіе мухаммеданскаго поста съ христіанскимъ. Сравнительный методъ извѣстенъ каждому мыслящему существу, а при вопросахъ религіозныхъ онъ представляется самымъ удобнымъ. При бесѣдѣ о религіозномъ предметѣ, имѣющемъ цѣлію убѣдить собесѣдника въ истинности одного и ложности другаго вѣроученія, необходимо предложить для свободнаго и непринужденнаго сличенія оба сравниваемыя вѣроученія, какъ это прекрасно и въ первый разъ не только въ наше время, но и вообще въ исторіи христіанской миссіи противъ мухаммеданъ, осуществлено въ сочиненіи Г. С. Саблукова: „Сличеніе мухаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ“ (Казань, 1873 г.) При сравненіи двухъ, хотя бы и не совсѣмъ однородныхъ предметовъ, у собесѣдниковъ есть по крайней мѣрѣ доступный наглядный матеріалъ, на основаніи котораго можно сдѣлать болѣе или менѣе очевидный выводъ въ пользу того или другаго сравниваемаго предмета. Разсужде-

нія общія, отвлеченныя, объ одномъ христіанскомъ постѣ и о высокомъ нравственномъ значеніи его въ жизни человѣка могутъ быть не всегда даже доступны пониманію простаго человѣка, а тѣмъ болѣе не всегда могутъ навести его на сравненіе этого поста съ постомъ мухаммеданскимъ. Этотъ методъ мы приложимъ въ предлагаемомъ сочиненіи къ ученію мухаммеданства и христіанства о постѣ и покажемъ достоинства одного и недостатки другаго поста. Въ своемъ сочиненіи мы намѣтимъ при этомъ общія рубрики, которыя уже не трудно будетъ каждому облечь въ разговорную форму, и дадимъ обильный матеріалъ для разговора. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы I) представимъ мнимую и дѣйствительную исторію мухаммеданскаго поста въ мѣсяцъ Рамазанъ и укажемъ на исторію поста христіанскаго; II) опредѣлимъ существенный характеръ мухаммеданскаго поста сравнительно съ отличительными чертами христіанскаго поста; III) изложимъ подробно правила мухам. поста въ связи съ указаніемъ на христ. правила; IV) укажемъ особенности христ. богослуженія во дни поста и особенности мух. богослуженія въ мѣсяцъ Рамазанъ и приведемъ разсказы мухаммеданъ о мнимой спасительности поста Рамазана сравнительно съ дѣйствительною спасительностію христіанскаго поста и наконецъ V) укажемъ кратко на тѣ недостатки мухаммеданскаго поста, какія замѣчаются въ мухаммеданскомъ законовѣденіи и какіе обнаруживаются въ жизни постящихся мухаммеданъ [1]).

---

[1]) Въ печатаемое сочиненіе вошло содержаніе нашей статьи, помѣщенной въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1875 г., въ іюльской книгѣ, на стран. 255-300, подъ заглавіемъ: „Мухамеданскій постъ-Рамазанъ“.

I. Мнимая древность и дѣйствительная исторія мухаммеданскаго поста въ мѣсяцъ Рамазанъ.

Необыкновенно спасительная сила мѣсяца Рамазана и благоволеніе Божіе къ людямъ въ продолженіе этого мѣсяца, извѣстны были, по вѣрованію мухаммеданъ, еще первому человѣку Адаму, котораго мухаммедане считаютъ первымъ пророкомъ Божіимъ и первымъ проповѣдникомъ на землѣ ученія ислама [1]). Однажды, разсказывается въ мухаммеданскомъ преданіи, Адамъ спросилъ Бога: какой мѣсяцъ въ году священнѣе другихъ мѣсяцевъ? Богъ отвѣчалъ—Рамазанъ, и присовокупилъ къ этому, что въ продолженіе этого мѣсяца Онъ (Богъ) увеличиваетъ свои щедроты рабамъ своимъ [2]). На основаніи этого и другихъ подобныхъ преданій, мухаммедане приписываютъ мѣсяцу Рамазану и посту въ продолженіи этого мѣсяца весьма глубокую древность, равную древности рода человѣческаго, такъ какъ, по вѣрованію мухаммеданъ, ученіе ислама было извѣстно еще праотцу нашему Адаму.

Какъ сложилось у мухаммеданъ такое странное представленіе о своемъ постѣ? Представленію мухаммеданъ

---

[1]) Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ, вып. IV, стр. 16—21 и 33—34.

[2]) Фазаилю-ш-шугуръ (فضائل الشهور) Казань. 1871, стр. 39.

о столь глубокой древности поста въ мѣсяцъ Рамазанъ послужили основаніемъ слова Корана: „*Вамъ предписанъ постъ, какъ онъ былъ предписанъ тѣмъ, которые были прежде васъ*“ [1]). Въ объясненіе этихъ словъ, приведенный у Марракчія толковникъ Корана, Абу-ль-Касимъ говоритъ слѣдующее: „толковники Корана разногласятъ между собою относительно того, къ кому относится выраженіе Корана: *которые были прежде васъ*. Одни относятъ эти слова Корана ко всѣмъ прежде бывшимъ народамъ, утверждая, что Богъ не посылалъ прежде ни одного пророка, которому бы вмѣстѣ съ его народомъ не предписывалъ поста въ мѣсяцъ Рамазанъ; только всѣ народы отвергли этотъ постъ, кромѣ послѣдователей Мухамеда. Другіе толковники говорятъ, что приведенныя слова Корана относятся исключительно *къ христіанамъ*“ [2]). Приведенный у Шпренгера, Хасанъ Басри прямо говоритъ, что подъ *тѣми, которые были прежде васъ* разумѣются именно *христіане*. Нашъ (т. е. мухаммеданскій) постъ продолжаетъ Хасанъ, походитъ на постъ христіанъ, какъ въ отношеніи продолжительности, такъ и въ отношеніи времени года, когда совершается постъ. Но, прибавляютъ Хасанъ и другіе толковники, подъ временемъ поста, какое обязаны были наблюдать и христіане, Богъ разумѣлъ постъ Рамазанъ. Христіане же, не смотря на опредѣленіе Божіе, отступили отъ этого опредѣленія, а слѣдовательно и отъ насъ (т. е. отъ мухаммеданъ), а не мы отъ нихъ. Христіане отступили отъ насъ потому, что мѣсяцъ Рамазанъ случается иногда лѣтомъ, а иногда зимою... Имъ казалось труднымъ поститься въ лѣтній жаръ и зимній холодъ и потому они перенесли свой постъ на весну; взамѣнъ же уменьшенной трудности поста христіане увеличили число дней отъ

---

[1]) كتب عليكم الصيام كما كتب على الذين من قبلكم Коранъ гл. 2, ст. 179.

[2]) **Refutatio Alcorani, Refutat. in sur. II, p. 72-73.**

тридцами (сколько въ Рамазанѣ) до *сорока* и даже до пятидесяти дней [1]). Казы Бяйзави также утверждаетъ, что постъ Рамазанъ былъ предписанъ христіанамъ [2]). Поэтому неудивительно, если казанскіе мухаммедане до нашихъ дней представляютъ о своемъ постѣ, что онъ былъ нѣкогда предписанъ христіанамъ, но, что христіане въ своей послѣдующей жизни уклонились отъ (мнимаго) предписанія Божія, переданнаго имъ будто бы Іисусомъ Христомъ. [3])

Приведенныя мухаммеданскія объясненія выраженія Корана: *которые были прежде васъ* свидѣтельствуютъ не только о томъ, что мухаммеданскіе толковники Корана совершенно не знаютъ исторіи христіанскаго поста, но и о томъ, что они умышленно не понимаютъ и искажаютъ буквальный смыслъ своей вѣроучительной книги, Корана, не желая въ тоже время нимало потрудиться сравнить свои неосновательныя представленія о постѣ съ ученіемъ православной христіанской церкви. Раскроемъ поэтому вкратцѣ исторію христіанскаго поста.

Христіанскій постъ есть дѣйствительно учрежденіе весьма древнее и учрежденіе божественное; святые Отцы и учители христіанской церки возводятъ начало христіанскаго поста къ самымъ первымъ временамъ человѣчества, ко времени пребыванія Адама въ раю. „Постъ, говоритъ св. Василій Великій, есть даръ древній, не ветшающій, нестарѣющійся, но непрестанно обновляемый и цвѣтущій во всей красотѣ. Думаешь ли, что древность его считаю со времени произхожденія закона? Постъ

---

[2]) **Das Leben und die Lehre des Mohammad, von A. Sprenger. Berlin. 1865. B. 3, s. 55.**

[2]) См. толкованіе его на 180 ст. 2 гл. Корана.

[3]) Объ Іисусѣ Христѣ мухаммедане учатъ, утверждая вообще, что Онъ во время своей жизни проповѣдывалъ ученіе вѣры, совершенно тожественное съ ученіемъ Корана, но что Ап. Павелъ умышленно извратилъ это ученіе, придавши ему современный видъ. См. Миссіонер. противомус. сборникъ, вып. III, стр. 206—207.

старѣе и закона..... Не думай, что день очищенія, установленный для Израиля въ мѣсяцъ седьмый, въ девятый день мѣсяца (Лев. гл. 16, ст. 29), есть начало поста. Углубись въ исторію и ищи древность его происхожденія. Постъ—не новое изобрѣтеніе, но драгоцѣнность отцевъ..... Онъ современенъ человѣчеству. Постъ *узаконенъ въ раю*. Такую первую заповѣдь принялъ Адамъ: „*отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте*“ (Быт. гл. 2, ст. 17). А сіе „*не снѣсте*“ есть узаконеніе поста и воздержанія... Но и самое пребываніе въ раю есть образъ поста не по тому только, что человѣкъ, проводя жизнь равноангельскую, въ уподобленіи Ангеламъ преуспѣвалъ тѣмъ, что довольствовался малымъ, но и по тому, что жившимъ въ раю не приходило на мысль, что впослѣдствіи изобрѣтено человѣческимъ промышленіемъ: тамъ не было ни употребленія вина, ни закланія животныхъ, ни всего что дѣлаетъ мутнымъ человѣческій умъ“ [1]). Не вдаваясь въ подробности относительно исторіи христіанскаго поста, скажемъ, что это покаянное упражненіе человѣка, внушенное Богомъ еще первому человѣку, перешло отъ него ко всѣмъ его потомкамъ и вслѣдствіе единства человѣческаго рода сдѣлалось извѣстнымъ разнымъ народамъ, исповѣдывавшимъ различныя религіи и жившимъ въ разныхъ странахъ и въ разныя времена. Постъ, какъ покаянное упражненіе души человѣка, обремененной грѣхами, извѣстенъ былъ у самыхъ древнихъ народовъ: египтянъ, индейцевъ, китайцевъ, персовъ и др. [2]). Въ болѣе чистой формѣ постъ сохранялся у избраннаго народа Божія, у евреевъ, которымъ онъ ясно и опредѣленно заповѣданъ былъ въ священныхъ книгахъ чрезъ боговдохновеннаго пророка

---

[1]) Творенія иже во святыхъ отца нашего, Василія Великаго, Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія. Часть четвертая. Москва. 1846. Русскій переводъ, стр. 3—4.

[2]) **Real-Encyclopedie von Gerzog. B. IV, s. 331.**

ихъ Моисея. У евреевъ постъ строго соблюдался во всѣ времена ихъ жизни и служилъ выраженіемъ ихъ смиренія предъ Богомъ и покаяннаго настроенія ихъ души. Евреи постились во время трудныхъ, колеблющихъ сердце и духъ человѣка, положеніяхъ жизни [1]); въ такихъ обстоятельствахъ жизни, когда имъ угрожалъ гнѣвъ Божій имѣвшими послѣдовать наказаніями [2]); во время тяжкихъ своихъ согрѣшеній предъ Богомъ [3]); съ цѣлью отклоненія отъ себя тяжкихъ бѣдствій [4]). Перечисленные виды еврейскаго поста совершались обыкновенно единовременно и всенародно [5]); но кромѣ этого у евреевъ были еще извѣстны посты частныхъ лицъ. Таковы были неоднократные посты царя и пророка Давида [6]), постъ Моисея [7]), постъ Иліи [8]), постъ Елисея и Даніила [9]) и др. Всенародный обязательный еврейскій постъ совершался обыкновенно каждогодно, по предписанію закона Моисеева [10]), въ великій „*день очищенія*“ отъ вечера девятаго до вечера десятаго дня седьмаго мѣсяца, извѣстнаго у евреевъ подъ именемъ *Тисри* и соотвѣтствовавшаго нашему Сентябрю. Во время Вавилонскаго плѣна іудеями учреждены были упоминаемые у пророка Захаріи посты *четвертый, пятый, седьмой*

---

1) 1 Цар. гл. 1, с.т 7.

2) 1 Цар. гл. 21, стр. 27; 2 Цар. гл. 12, стр. 16.

3) Ездры гл. 10 ст. 6.

4) Есфирь гл. 4.

5) Др. примѣры см. Суд. гл. 20, ст. 26; 1 Цар. гл. 7, ст. 6; 2 Парал. гл. 20, ст. 3; Іоил. гл. 1, ст. 14; гл. 2, ст. 12; Іерем. гл. 36, ст. 9; Ездры гл. 8, ст. 21; Неем. гл. 1, ст. 4; 2 Мак. гл. 13, ст. 12

6) 2 Цар. гл. 3, ст. 35; гл. 12, ст. 16; гл. 21, ст. 22; Псал. гл. 34, ст. 13

7) Исх. гл. 34, ст. 28.

8) 3 Цар. гл. 19.

9) Даниил. гл. 9, ст. 3.

10) Кн. Левит. гл. 16, ст. 29; гл. 23, ст. 27.

и десятый [1]). Послѣ Вавилонскаго плѣна число еврейскихъ постовъ увеличилось, особенно у фарисеевъ [2]), которые постились также во второй и пятый дни каждой недѣли въ воспоминаніе восхожденія Моисея на гору Синай и нисшествія его съ горы. Ессеи и Ферапевты полагали въ постѣ главное свое богопочтеніе. Евреи не постились только въ субботу, въ новолуніе, въ праздничные дни, во дни предшествовавшіе субботѣ и праздникамъ [3]). Вообще въ ветхозавѣтное время посты, соединяемые всегда съ молитвою, служили для израильскаго народа то средствомъ очищенія души и приближенія къ Богу, то средствомъ умилостивленія правосудія Божія, то свидѣтельствомъ своего смиренія предъ Богомъ, то наконецъ выраженіемъ тяжкаго и скорбнаго душевнаго своего состоянія [4]).

Въ новозавѣтной церкви начало поста установлено было самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, который провелъ въ пустынѣ въ постѣ сорокъ дней и сорокъ ночей [5]). По примѣру Господа, и Его Апостолы неоднократно въ теченіе своей жизни пребывали въ постѣ [6]). Изъ правилъ св. апостолъ видно, что еще въ первыя времена христіанства былъ установленъ постъ въ среду и пятокъ [7]). Въ ближайшее къ апостольскимъ временамъ время были учреждены четыре ежегодные поста, въ числѣ которыхъ особенную важность вообще и въ данномъ случаѣ преимущественно имѣетъ постъ св. Четыредесятницы, учрежденный въ подраженіе сорокадневному

---

[1]) Захар. гл. 7, ст. 3; гл. 8, ст. 19.

[2]) Матѳ. гл. 9. ст. 14, Лук. гл. 18, ст. 12.

[3]). Кн. Юдиѳь, гл. 8, ст. 6.

[4]) См. Обозрѣніе св. четыредесятницы. Арх. Евлампія. Казань 1861. стр. 3—20; Руков. къ библейск. археологіи К. Фр. Кейля, Кіевъ. 1861. ч. I, стр. 415.

[5]) Матѳ. гл. 4, ст. 2; Марк. гл. 1, ст. 13; Лук. гл. 4, ст. 2.

[6]) Дѣян. гл. 13, ст. 2—4; гл. 6, ст. 4; 2 Коринѳ. гл. 6. ст. 5.

[7]) Правила св. апостолъ 69; постан. апостол. кн. 7, гл. 24.

посту Спасителя и въ воспоминаніе Его крестныхъ страданій. Время совершенія поста св. Четыредесятницы всегда опредѣлялось временемъ празднованія христіанской Пасхи.—Такимъ образомъ первоначальная заповѣдь Божія, данная Богомъ, по мнѣнію св. отцевъ христіанской церкви, еще первому человѣку въ раю и распространившаяся вслѣдствіе единства человѣческаго рода, путемъ преданій среди разныхъ народовъ, подтверждена была Богомъ въ законѣ Моисея, сохранялась въ еврейскомъ народѣ и, освященная примѣромъ Божественнаго основателя христіанства, принята была христіанскою церковію. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что заповѣдь о постѣ *не была положительно заповѣдана Іисусомъ Христомъ въ Евангеліи* и мухаммедане, утверждая противное, доказываютъ свое незнаніе Евангелія и нежеланіе обращаться къ христіанскимъ священнымъ книгамъ за надлежащими справками. Въ этомъ случаѣ мухаммедане тѣмъ болѣе не могутъ быть ничѣмъ оправданы, что не имѣютъ никакихъ положительныхъ доказательствъ своему страннному и неосновательному мнѣнію о поврежденности Евангелій. Не смотря на двѣнадцати-вѣковое существованіе ислама, не смотря на многія уклоненія современнаго мухаммеданства отъ ученія Мухаммеда и его ближайшихъ послѣдователей, мухаммедане въ отношеніи къ христіанскимъ священнымъ книгамъ вообще и къ Евангелію въ частности, продолжаютъ руководствоваться такими странными и наивными представленіями, какія съ трудомъ и не безъ возраженій принимаемы были современниками Мухаммеда. Въ настоящее время эти представленія мухаммеданъ не заслуживали бы и опроверженія, если бы наивные мухаммедане не принимали ихъ на вѣру безъ всякой съ своей стороны критики.

Изъ представленнаго краткаго очерка исторіи поста въ ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви ясно видно, что къ христіанамъ никакъ не могутъ относиться вышеприведенныя слова Корана: *которые были прежде васъ*, равно какъ не могутъ эти слова относиться и къ

іудеямъ: ни христіане ни іудеи никогда не знали поста въ мѣсяцъ Рамазанъ, да и никакой другой народъ, кромѣ послѣдователей Мухаммеда, не признавалъ этого поста ни прежде, ни послѣ появленія на землѣ ислама. Учрежденіе поста въ мѣсяцъ Рамазанъ принадлежитъ исключительно Мухаммеду, который, какъ мы думаемъ, установляя этотъ постъ, самъ вовсе не имѣлъ въ виду отождествить его съ постомъ евреевъ и христіанъ. Словами Корана: „*вамъ предписывается постъ, какъ онъ былъ предписанъ тѣмъ, которые были прежде васъ*“ Мухаммедъ, по нашему мнѣнію, хотѣлъ указать только на общеизвѣстный и въ его время фактъ существованія поста у разныхъ народовъ и между прочимъ у іудеевъ и христіанъ. Мухаммедъ, такимъ образомъ, какъ бы хотѣлъ успокоить своихъ послѣдователей, обязывая ихъ къ исполненію новой и довольно трудной религіозно-нравственной обязанности. Съ другой стороны необходимо имѣть приэтомъ въ виду и то, что Мухаммедъ, при учрежденіи своего поста, хотѣлъ дѣйствительно подражать іудеямъ и христіанамъ, но изъ тѣхъ же чисто политическихъ разсчетовъ, которые служили ему сначала побужденіемъ для подражанія. Не безъ причины же онъ и послѣ не высказался яснѣе о томъ мнимомъ сходствѣ учреждаемаго имъ поста съ іудейскимъ и христіанскимъ постомъ, какое хотятъ видѣть въ этихъ двухъ постахъ мухаммеданскіе толковники Корана. Кромѣ того гл. 2, ст. 181 Корана, навсегда опредѣлившій временемъ мухаммеданскаго поста мѣсяцъ *Рамазанъ*, появился не въ одно время съ 179 стихомъ той же главы, гдѣ такъ неопредѣленно поставлена арабская сравнительная частица *какъ*. (كَ) въ выраженіи: „*какъ онъ былъ предписанъ*“ (كما كتب)..... Эта-то неопредѣленность выраженія Корана и неодновременное появленіе 179 и 181 стиховъ 2 главы Корана даетъ намъ право понимать приведенное выраженіе нѣсколько не такъ, какъ понимаютъ его мухаммедане.

Что дѣйствительно іудеи и христіане никогда не

соединяли своего поста съ извѣстнымъ однимъ арабамъ мѣсяцемъ Рамазаномъ и что предписываемый въ Коранѣ постъ есть собственное изобрѣтеніе Мухаммеда, это ясно видно изъ исторіи учрежденія этого поста. По преданію отъ Айши, любимой жены Мухаммеда и почитаемой всѣми мухаммеданами достовѣрною (въ числѣ другихъ) хранительницею мухаммеданскихъ преданій, *соотечественники и современники Мухаммеда, корейшиты постились въ десятый день перваго въ арабскомъ году мѣсяца Мухаррама* [1]). Вейль думаетъ, что этотъ обычай былъ заимствованъ арабами отъ іудеевъ [2]), которые постились, по предписанію закона Моисея [3]) въ десятый день седьмаго мѣсяца (Тисри) іудейскаго года. Насколько вѣроятно предположеніе нѣмецкаго ученаго, сказать трудно, потому что, при сходствѣ въ числѣ мѣсяца, корейшитскій

---

1) **Pocock, p. 301.**

2) **Mohammed der Prophet, s. 91, Anmerk. 116.** Эдуардъ Вильямъ Лейне, описывая нравы и обычаи современныхъ египтянъ, говоритъ между прочимъ, что десятый день Мухаррама, называемый „*йоумъ гашура*“ считается священнымъ во многоразличныхъ отношеніяхъ: въ этотъ день въ первый разъ встрѣтились Адамъ и Ева послѣ своего изгнанія изъ рая и разлученія; въ этотъ день Ной вышелъ изъ ковчега; въ этотъ день совершились многія другія важныя событія; „*древніе арабы до Мухаммедова времени постились въ этотъ день*“. Но особенно, по мнѣнію большинства современныхъ мусульманъ, день Гашура почитался священнымъ потому, что въ этотъ день Хусаинъ, внукъ Мухаммеда, сынъ Алія, палъ мученикомъ въ битвѣ на Кербелейской равнинѣ. Многіе мусульмане, говоритъ Лейне, постятся въ этотъ день, а нѣкоторые и въ предшествующій. **Edward William Lane, Sitten und Gebrauche den Heuligen Egypter. Aus dem Englischen ûbersetz von Dr. lulius Theodor Zenker. Zweite Ausgabe. Leipzig. Band III, s. 45.**

3) Кн. Левит. гл. 16, ст. 26; гл. 23, ст. 27.

постъ отличается отъ іудейскаго въ самомъ мѣсяцѣ: іудеи постились въ *седьмомъ* мѣсяцѣ своего года, а арабы въ *первомъ*; между тѣмъ календарь у арабовъ и іудеевъ былъ одинаковый, *лунный*. Но для нашей цѣли не столько важно знать положительно о предполагаемомъ заимствованіи поста корейшитовъ отъ іудеевъ, сколько о томъ, что Мухаммедъ зналъ о постѣ корейшитовъ и самъ соблюдалъ этотъ постъ до тѣхъ поръ, пока не объявилъ себя проповѣдникомъ новой въ Аравіи вѣры. Хотя объ этомъ намъ ничего неизвѣстно изъ исторіи жизни Мухаммеда, но мы за несомнѣнное выдаемъ свое предположеніе на основаніи общаго представленія о Мухаммедѣ въ эпоху, предшествовавшую мнимому его вдохновенію, какъ о человѣкѣ набожномъ, почитавшемъ обычаи и установленія своего народа и пользовавшемся у своихъ соотечественниковъ славою „*вѣрнаго*“ (аминъ) человѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, повторяемъ, Мухаммедъ зналъ о постѣ корейшитовъ въ десятый день мѣсяца Мухаррама и соблюдалъ этотъ постъ въ первую половину своей жизни. Послѣ же того, какъ своею проповѣдію о новой вѣрѣ, объ исламѣ Мухаммедъ вооружилъ противъ себя корейшитовъ, онъ не только разошелся со своими соотечественниками въ религіозныхъ взглядахъ, но и долженъ былъ бѣжать изъ отечественнаго города, спасая свою жизнь. Въ Мединѣ, куда бѣжалъ Мухаммедъ изъ Мекки, онъ былъ безопасенъ отъ своихъ враговъ, могъ спокойно продолжать начатую имъ въ Меккѣ религіозную пропаганду и занялся болѣе подробнымъ опредѣленіемъ обрядовъ и законовъ проповѣдуемаго религіознаго ученія. Мухаммедъ хорошо зналъ, что религія безъ поста не можетъ имѣть успѣха не только между мединскими іудеями, которымъ изъ закона Моисея была извѣстна положительная заповѣдь о постѣ, но и между язычествующими мединскими арабами, находившимися подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ первыхъ... Во время своей жизни въ Меккѣ Мухаммедъ не успѣлъ еще сдѣлать никакихъ распоряженій относительно поста, хотя и

нужно допустить, что онъ соблюдалъ корейшитскій постъ въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности до бѣгства въ Медину; поэтому вскорѣ, по вступленіи въ Медину, онъ рѣшился обнародывать своимъ послѣдователямъ новую заповѣдь о постѣ. Въ этомъ случаѣ основатель ислама, какъ и всегда, внимательно соображалъ всѣ окружавшія его обстоятельства, чтобы дѣйствовать съ видимымъ успѣхомъ для своего ученія, нуждавшагося въ увеличеніи прозелитовъ. Разсчитывая привлечь на свою сторону многочисленное іудейское населеніе города Медины [1]), Мухаммедъ, въ подражаніе іудеямъ, объявилъ своимъ послѣдователямъ постъ одновременный съ постомъ іудеевъ, которые тогда соблюдали постъ Тисри. Ибнъ Джуббаиръ, основываясь на авторитетѣ Ибнъ Аббаса, говоритъ, что Мухаммедъ, вскорѣ по прибытіи въ Медину, предписалъ своимъ послѣдователямъ іудейскій постъ, называемый *гашура* [2]). По другому преданію, Мухаммедъ, когда прибылъ въ Медину, засталъ іудеевъ постящимися въ день гашура и спросилъ ихъ о началѣ и происхожденіи этого поста. Іудеи сказали ему: „въ этотъ день былъ потопленъ Фараонъ и народъ его, а Моисей спасся и тѣ, которые были съ нимъ“. Мухаммедъ сказалъ тогда: „лучше буду я съ Моисеемъ, нежели съ корейшитами“ [3]) и установилъ постъ *гашура* [4]). Но Мухаммедъ обманулся въ своихъ разсчетахъ на іудеевъ, изъ которыхъ только очень немногіе приняли исламъ,

---

[1]) Въ то время въ Мединѣ было 7000—8000 іудеевъ. **Sprenger. B. 3, s. 6, Anm. I.**

[2]) **Sprenger, B. 3, s. 53, Anm. 1; Weil, s. 90—91.** Самое названіе *гашура*, что значитъ „десятый“, указываетъ на іудейскій постъ въ 10-й день Тисри.

[3]) Изъ этихъ словъ между прочимъ ясно видно, что Мухаммедъ зналъ о постѣ корейшитовъ и соблюдалъ этотъ постъ вмѣстѣ съ ними.

[4]) **Pocock. p. 301.**

а большинство частію потому, что ожидали Мессію, частію же потому, что желали соблюдать всѣ Моисеевы законы,—не только не приняли ислама, но и самаго Мухаммеда сдѣлали предметомъ своихъ колкихъ насмѣшекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя другія обстоятельства показали Мухаммеду неумѣстность въ его новомъ вѣроученіи іудескаго поста: послѣдователи ислама изъ арабовъ стали роптать на Мухаммеда за то, что имъ былъ предписанъ іудейскій постъ. Вѣроятно, по національному чувству, мусульмане изъ арабовъ считали неудобнымъ обращаться къ іудеямъ съ распросами о времени ихъ поста; тогда, чтобы отстать отъ іудеевъ и показать своимъ послѣдователямъ, что у нихъ нѣтъ общаго съ іудеями поста, Мухмамедъ объявилъ, что соблюденіе поста гашура хотя и похвально, но не обязательно. Нельзя не видѣть въ этомъ распоряженіи тонкой политики Мухаммеда, который въ одно время хотѣлъ угодить арабамъ и іудеямъ. Изъ жизнеописанія Мухаммеда видно, что онъ на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Мединѣ сдѣлалъ гораздо болѣе уступокъ іудеямъ въ отношеніи поста, чѣмъ сколько мы представили. По словамъ Придо, Мухаммедъ, по прибытіи въ Медину, увидѣлъ, что іудеи постились въ десятый день ихъ *перваго* (седьмаго?) мѣсяца, называемаго Тисри и спросилъ ихъ о значеніи этого поста. Ему отвѣчали, что этотъ постъ предписанъ Моисеемъ. Тогда Мухаммедъ сказалъ, что *Моисей согласнѣе съ нимъ* (т. е. съ Мухаммедомъ), *нежели они* (т. е. іудеи) и опредѣлилъ считать начало года съ десятаго дня Мухаррама, предписавши своимъ послѣдователямъ соблюдать въ этотъ день торжественный постъ, по примѣру іудеевъ и назвавши этотъ постъ постомъ *гашура*, выраженіемъ заимствованнымъ у іудеевъ и означавшимъ число *десять*, такъ какъ въ десятый день мѣсяца Тисри іудеи соблюдали постъ очищенія. Кромѣ того Мухаммедъ, по словамъ Придо, принялъ было сначала отъ іудеевъ и другіе посты ихъ, надѣясь такимъ способомъ привлечь ихъ на свою сторону. Но

іудеи, не смотря на всѣ уступки Мухаммеда, противились ему всѣми своими силами и при каждомъ удобномъ случаѣ безпокоили какъ его самаго, такъ и его послѣдователей различными вопросами и возраженіями противъ его вѣроученія. Мухаммедъ не могъ отвѣчать на всѣ вопросы и возраженія іудеевъ; послѣдніе смѣялись надъ нимъ и надъ его ложнымъ ученіемъ и тѣмъ до такой степени раздражили его и возстановили противъ себя, что онъ рѣшился отмѣнить у себя іудейскій постъ *гашура* и другіе посты, заимствованные имъ у іудеевъ [1]).

Разубѣдившись въ своихъ надеждахъ на іудеевъ, Мухаммедъ рѣшилъ испробовать свою *политику* надъ христіанами, и на другой годъ послѣ бѣгства въ Медину, именно въ 623 году по Р. Хр., въ февралѣ мѣсяцѣ предписалъ своимъ послѣдователямъ сорокадневный постъ, время совершенія котораго совпало тогда со временемъ Рамазана, девятаго мѣсяца арабскаго луннаго года. Въ томъ 623 году Свѣтлое Христово Воскресеніе (день христіанской Пасхи) праздновалось въ 27 день мѣсяца Марта, которому соотвѣтствовалъ тогда 19 день мѣсяца Рамазана, по древнему арабскому календарю. Въ слѣдующемъ 624 году снова повторилось совпаденіе мухаммеданскаго поста съ христіанскою четыредесятницею: среда первой недѣли четыредесятницы падала тогда на 4 число Рамазана, соотвѣтствовавшаго 28 дню Февраля мѣсяца и такимъ образомъ мухаммедане постились тогда во второй разъ одновременно съ христіанами. Въ этотъ именно разъ Мухаммедъ простеръ свое подражаніе христіанамъ еще далѣе. Въ 624 году христіане праздновали Свѣтлое Воскресеніе 25 Апрѣля; Мухаммедъ зналъ, что этотъ праздникъ христіанъ соотвѣтствовалъ іудейской пасхѣ, что іудеи въ день своей Пасхи закалали пасхальнаго агнца, а потому захотѣлъ одновременно обратить на себя вниманіе христіанъ и іудеевъ. Онъ объявилъ своимъ послѣдователямъ 25-й день Апрѣля днемъ мухам-

[1]) Прядо. Житіе Магомедово, стр. 73—74.

меданскаго праздника (гайду-ль-фитръ) и совершилъ, по примѣру іудеевъ, жертвоприношеніе. Утромъ 25 Апрѣля каждый послѣдователь Мухаммеда, рабъ и свободный, мужчина и женщина, дѣти и взрослые—должны были принести въ мечеть около $5^1/_2$ фунтовъ фиников, или ячменя, или изюму, или же $1^1/_3$ фунта пшеницы. Это приношеніе должно было избавить отъ сбора милостыни въ день праздника людей слабыхъ здоровьемъ и изнуренныхъ трудомъ. Послѣ того какъ милостыня была собрана, всѣ присутствовавшіе на торжествѣ праздника обходили городъ кругомъ крайнихъ его домовъ въ знакъ своей готовности совершить священное путешествіе на меккскій праздникъ (хаджъ), во время котораго богомольцы совершаютъ обходы кругомъ Каабы.—Подобнымъ же образомъ былъ отпразднованъ праздникъ послѣ поста и въ 625 году. Но въ 626 году Мухаммедъ уже навсегда опредѣлилъ Рамазанъ временемъ поста мухаммеданъ, уменьшивши десятью днями періодъ пощенія, продолжавшагося прежде, по подражанію христіанской четыредесятницѣ, *сорокъ дней*. Мухаммедъ объявилъ тогда въ Коранѣ своимъ послѣдователямъ: „*Мѣсяцъ Рамазанъ есть тотъ мѣсяцъ, въ который вамъ ниспосланъ Коранъ въ руководство людямъ, въ объясненіе этого руководства и различенія* истины отъ лжи,—мѣсяцъ Рамазанъ долженъ быть временемъ поста. *Поэтому кто изъ васъ въ продолженіе этого мѣсяца будетъ дома, тотъ долженъ поститься въ продолженіе его* [1]). Этотъ постъ отмѣнялъ, по словамъ Бяйзави, постъ гашура и трехдневные посты каждаго мѣсяца, соблюдавшіеся до сего времени арабами [2]).

Мѣсяцъ Рамазанъ продолжается 30 дней. Причиною, почему Мухаммедъ сократилъ число дней поста съ *сорока* на *тридцать*, было желаніе его отдѣлиться отъ христіанъ во

---

[1]) Коранъ, гл. 2. ст. 181.

[2]) **Comment. in Coranum. Uolum. 1. p. 101**, толков. на 180 ст. 2 гл. Корана.

времени совершенія поста и показать такимъ образомъ свою самостоятельность въ законѣ о постѣ. Но, сокративши періодъ пощенія, Мухаммедъ не отмѣнилъ мѣсяца Рамазана можетъ быть потому, что боялся навлечь на себя со стороны своихъ послѣдователей упрекъ въ непостоянствѣ. Потерявши всякую надежду на христіанъ и не желая имѣть общаго съ ними поста, Мухаммедъ хотѣлъ совершенно уничтожить у своихъ послѣдователей и самую память объ историческихъ обстоятельствахъ установленія поста, который въ 623 и 624 году случайно совпадалъ со временемъ христіанской четыредесятницы. Чтобы уничтожить воспоминаніе объ этомъ совпаденіи, Мухаммедъ выставилъ въ Коранѣ другую причину установленія поста въ мѣсяцъ Рамазанъ; онъ сказалъ, что въ мѣсяцъ Рамазанъ былъ ниспосланъ Коранъ въ руководство людямъ и что поэтому впродолженіи этого мѣсяца послѣдователямъ Корана нужно соблюдать постъ.

О самомъ способѣ совершенія поста Мухаммедомъ во время Рамазана извѣстно очень не многое. Шпренгеръ приводитъ слѣдующее преданіе Анаса: „Когда мы хотѣли видѣть, какъ пророкъ совершалъ свою ночную молитву и шли къ нему, то находили его молящимся; когда мы желали видѣть, какъ онъ спалъ, то находили его спящимъ. Подобнымъ образомъ мы находили, что онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, когда хотѣли видѣть, какъ онъ постится; мы находили часто, что онъ ѣлъ и пилъ, когда хотѣли видѣть, какъ онъ ѣстъ". Я не сомнѣваюсь, говоритъ по поводу этого преданія Шпренгеръ, что въ этомъ разсказѣ есть много правды, но въ другомъ смыслѣ, чѣмъ какъ понимаетъ Анасъ: я заключаю изъ этого преданія, что Мухаммедъ къ концу своей жизни предавался благочестивымъ упражненіямъ чаще по лицемѣрію, чѣмъ по расположенію. Кажется, онъ даже обязательный постъ исполнялъ гораздо легче, чѣмъ прочіе мухаммедане. Въ одномъ преданіи у Ибнъ Саада (fol. 74) Мухаммедъ говоритъ: „Мы пророки имѣемъ право откладывать до болѣе поздняго времени ранній

утренній завтракъ (бывающій предъ началомъ дневнаго пощенія) и ускорять вечернимъ ужиномъ“ (бывающимъ тотчасъ по окончаніи дневнаго пощенія, вечеромъ). Но, прибавляетъ Шпренгеръ, все же ему честь и за то, что онъ совсѣмъ не освобождалъ себя отъ поста, какъ онъ освободилъ себя отъ обязанности ограничивать число своихъ женъ четырьмя. Если нѣкоторые изъ его первыхъ послѣдователей, какъ напр. Ибнъ-Мазгунъ, и были гораздо ревностнѣе Мухаммеда преданы аскетическимъ подвигамъ, то еще нѣтъ основанія сомнѣваться во внутренней потребности самаго Мухаммеда въ этомъ, и это служитъ причиною того, почему благочестивыя упражненія играютъ такую важную роль въ исламѣ [1]). Мы съ своей стороны скажемъ, что для Мухаммеда было не извинительно уже и то, что онъ былъ менѣе благочестивъ, чѣмъ нѣкоторые изъ его послѣдователей и что потому онъ далеко не заслуживаетъ еще похвалы, если не отрицалъ совершенно постъ. Было бы крайне странно и ни съ чѣмъ несообразно, еслибы вѣроучитель не исполнялъ своихъ же предписаній и узаконеній.

Послѣ Мухаммеда, взглядъ его на особенное значеніе мѣсяца Рамазана вскорѣ былъ развитъ и проведенъ далѣе; мухаммеданскіе толковники Корана начали уже противопоставлять святость своего поста святости христіанскаго поста. Абу-Джарръ напр. говоритъ: „въ третій день Рамазана ниспосланы были свитки Аврааму; въ пятый день былъ данъ Законъ Моисею; въ тринадцатый день ниспослано было Евангеліе Іисусу; въ двадцать четвертый день даны были Давиду Псалмы; въ двадцать седьмой день наконецъ былъ ниспосланъ Коранъ [2]). И еще шесть дней въ Рамазанѣ, говоритъ Абу-

---

[1]) Sprenger, B. 1, s. 329—330. Ср. Миссіонер. противомусульман. сборникъ, вып. XIII, стр. 162—169.

[2]) Не естественнѣе ли поэтому было бы Мухаммеду съ 27 дня Рамазана начинать свой постъ, или же, что гораздо лучше, оканчивать къ этому дню постъ, а самый 27 день ознаменовать праздничнымъ торжествомъ? Ясно, что Мухаммедъ подводилъ основанія времени своего поста уже послѣ и подводилъ не совсѣмъ удачно....

Джарръ, ознаменованы были подобнымъ же образомъ“ [1]. Казы Бяйзави въ толкованіи на 181 стихъ 2 главы Корана говоритъ, на основаніи преданія отъ Мухаммеда, что Аврааму были ниспосланы свитки въ первую ночь Рамазана, Моисею Законъ въ шестую ночь Рамазана, Евангеліе въ тринадцатую ночь, а Коранъ въ двадцать четвертую ночь [2]. Уже одни эти разногласія мухаммеданскихъ преданій о святости поста Рамазана говорятъ не въ пользу преданій и мнимой святости Рамазана.

Такія преданія соединяются у мухаммеданскихъ толковниковъ Корана съ мѣсяцемъ Рамазаномъ; у древнихъ же арабовъ сохранялась память о Рамазанѣ не совсѣмъ лестная для мухаммеданъ. По древне-арабскому преданію, арабы впродолженіи этого мѣсяца неумѣренно пили вино, почему и самый мѣсяцъ назывался у нихъ метафорически *натылъ* [3], *микьялъ* [4], т. е. сосудъ, изъ какого пили вино. Названіе же „*Рамазанъ*“ придано было этому мѣсяцу уже впослѣдствіи, соотвѣтственно времени года, въ какое онъ случился при назначеніи новыхъ именъ мѣсяцамъ. Когда древніе арабы давали мѣсяцамъ года ихъ современныя названія, то принимали во вниманіе время года, въ какое каждый изъ нихъ случался тогда. Девятый мѣсяцъ года, когда арабы пили вино, случался во время лѣтняго зноя и его назвали поэтому Рамазаномъ, т. е. *временемъ зноя* [5]. Мухаммедъ, какъ мы выше за-

---

[1]) Таляби, толков. на 181 ст. 2 гл. Корана. См. **Sprenger, B. 3, s. 59. Anmerc. 1.**

[2]) См. **Beidhawii, Commentarius in Coranum. Edid. H. O. Fleischer. Lipsiae. 1846. Vol. I, p. 102.**

[3]) ناطل мн. نياطل и نواطل **Freitag, Lexicon Arabico-latinum. t. IV, p. 297.**

[4]) مكيال **Pocock, p. 181.**

[5]) Названіе „*Рамазанъ*“ (رمضان) очевидно сложено изъ двухъ арабскихъ именъ: رمض жаръ и اى время. Фрейтагъ такъ

мѣтили, ввелъ лунное счисленіе времени, уничтоживъ обычай древнихъ арабовъ уравнивать лунный годъ съ солнечнымъ прибавкою чрезъ извѣстное время тринадцатаго мѣсяца; поэтому мѣсяцъ поста сталъ переходить изъ одного времени года въ другое и названіе „Рамазанъ“ потеряло свой этимологическій смыслъ.—Закончимъ свое изложеніе исторіи установленія мухаммеданскаго поста въ мѣсяцъ Рамазанъ словами Придо, который говоритъ, что Мухаммедъ, потерпѣвши неудачу въ своихъ разсчетахъ на іудеевъ, назначилъ для торжественнаго своего поста цѣлый мѣсяцъ Рамазанъ въ подраженіе христіанамъ, въ любовь коихъ онъ, какъ казалось, имѣлъ тогда великое желаніе вкрасться. А такъ какъ тогда мѣсяцъ Рамазанъ начался въ Мартѣ, то Мухаммедовъ постъ случился въ одно время съ Великимъ постомъ христіанъ. Причиною же установленія поста въ этотъ именно мѣсяцъ самимъ Мумамедомъ было выставлено то, что тогда онъ получилъ первое вдохновеніе, хотя прежде мѣсяцъ Рамазанъ былъ посвященъ у арабовъ пиршествамъ и веселіямъ и обыкновенно случался въ самый сильный лѣтній жаръ, даже и въ томъ случаѣ, когда они добавляли лунный годъ прибавочнымъ мѣсяцемъ, почему и названъ былъ этотъ мѣсяцъ Рамазаномъ, т. е. по причинѣ *сильнаго жара*, называемаго по арабски *рамазъ харръ* [1]).

объясняетъ названіе Рамазана: رمضان мн. رمضانات или رمضانون или أرمضة и рѣже أرمض Такъ называется девятый мѣсяцъ арабскаго года, потому что въ то время, когда перемѣнялись древнія названія мѣсяцевъ этотъ мѣсяцъ, падалъ на самое знойное время года; или потому, что постъ, бывающій въ этотъ мѣсяцъ, изсушаетъ, жжетъ желудокъ; или потому, что этотъ мѣсяцъ разрѣшаетъ грѣхи. **Lexicon Arabico-latinum**, t. 2, p. 193.

[1]) Житіе Магомедово, стр. 74—75.

II. Общія замѣчанія о характерѣ мухаммеданскаго поста сравнительно съ христіанскимъ постомъ.

Въ отношеніи сущности, мухаммеданскій постъ Рамазанъ не имѣетъ ничего общаго съ христіанскою Четыредесятницею. По ученію христіанской церкви, постъ, какъ воздержаніе отъ пищи, питія и пр. въ извѣстный періодъ времени, получаетъ свою силу и значеніе отъ внутренняго расположенія, отъ чистоты совѣсти, сопровождающей пощеніе тѣлесное и отъ святости побужденій; постъ тѣлесный долженъ соединяться съ постомъ внутреннимъ, съ воздержаніемъ отъ страстей, съ удаленіемъ отъ порочныхъ мыслей, желаній и дѣйствій, съ дѣятельнымъ упражненіемъ въ подвигахъ добродѣтели и благочестія [1]). Св. Василій великій говоритъ: „для поста недостаточно одного воздержанія отъ яствъ. Истинный постъ состоитъ въ удаленіи отъ зла, въ воздержаніи языка, въ подавленіи въ себѣ гнѣва, въ отлученіи себя отъ похотей, злословій, лжи, клятво-преступленій“ [2]). „Пользу поста, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не огра-

---

[1]) Записки по Нравств. Богословію прот. Солярскаго. С.-П. 1862 г. т. 2, стр. 283.

[2]) Твор. Василія великаго. Рус. пер. Ч. IV, стр. 15.

ничивай однимъ воздержаніемъ отъ снѣдей, потому что истинный постъ есть устраненіе себя отъ злыхъ дѣлъ“ [1]). Прекрасно выражена сущность христіанскаго поста въ одной церковной пѣсни: „*Постящеся братіе тѣлесно, постимся и духовно: разрѣшимъ всякій союзъ неправды, расторгнемъ строптивая нуждныхъ измѣненій, всякое списаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищія безкровныя введемъ въ домы, да пріимемъ отъ Христа Бога велію милость*“ [2]). Таковъ христіанскій постъ, всегда одинаково содержимый христіанами, въ какое бы положенное церковію время онъ не исполнялся. Но въ настоящемъ случаѣ мы обращаемъ свое вниманіе на постъ св. Четыредесятницы какъ потому, что этотъ постъ имѣетъ особенную важность въ сравненіи съ другими постами, такъ и потому, что мухаммедане, говоря объ отношеніи своего поста къ посту христіанъ, разумѣютъ именно постъ Четыредесятницы. Постъ этотъ, по своей продолжительности и по особенному значенію, называется также *великимъ* и продолжается 40 дней, къ которымъ прибавляется еще недѣля поста въ воспоминаніе страданій Господа Іисуса. Съ этою недѣлею постъ Четыредесятницы продолжается 48 дней, что, безъ сомнѣнія, и подало поводъ толковникамъ Корана утверждать, что христіане иногда постятся 50 дней. Любопытно также и то, что толковники Корана, настаивая на обязательности для христіанъ поста Рамазана и обличая ихъ въ уклоненіи отъ него, ничего не говорятъ о трехъ другихъ постахъ, содержимыхъ православною церковію, какъ бы совершенно не зная объ этомъ, что очень вѣроятно. Придавая высокое догматическое и нравственное значеніе посту Четыредесятницы, желая посредст-

---

[1]) Твор. Василія великаго. Рус. пер. Ч. IV, стр. 28.

[2]) Стихира на вечерни въ среду первой седмицы. Многія выраженія этой церковной пѣсни заимствованы изъ 58 гл. книги Пр. Исаіи, гдѣ съ одной стороны обличается неистинный постъ, а съ другой описывается постъ пріятный Богу.

вомъ этого поста ввести христіанъ въ познаніе своихъ грѣховъ, очистить и исправить ихъ духовную жизнь, св. церковь особеннымъ образомъ приготовляетъ христіанъ къ этому великому духовному подвигу, назначивъ для этого четыре недѣли съ особенно располагающими къ посту и покаянію церковными службами. Такъ, въ первую приготовительную недѣлю, церковь притчею о мытарѣ и фарисеѣ научаетъ христіанъ умиленной и сокрушенной молитвѣ, удаленію отъ себя горделивыхъ помысловъ и смиренному уничиженію предъ Богомъ. Въ тоже время церковь поучаетъ своихъ слушателей покаянною пѣснію: „*Покаянія отверзи ми двери*“. Во вторую приготовительную недѣлю христіане поучаются евангельскою притчею о блудномъ сынѣ тому, какъ гибеленъ путь грѣха и человѣческихъ юныхъ страстей, какъ спасительно обращеніе грѣшника къ Богу и какъ велико милосердіе Божіе къ грѣшникамъ. Покаянный плачъ о грѣховномъ удаленіи человѣка отъ Бога церковь выражаетъ пѣніемъ псалма: „*На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ*“. Въ третью приготовительную недѣлю церковь напоминаетъ христіанамъ о страшномъ судѣ, чтобы этимъ еще болѣе побудить ихъ къ рѣшимости духовнаго своего исправленія путемъ покаянія, молитвы и поста. Наконецъ въ послѣднюю приготовительную недѣлю (сырную) церковь напоминаетъ христіанамъ о близкомъ наступленіи дней поста постепеннымъ воздержаніемъ отъ пищи и питія, чтобы и тѣло постепенно приготовить къ умѣренному вкушенію постной пищи. Въ первый день этой недѣли поется: „*Отверзлись преддверія божественнаго покаянія: приступимъ усердно, очистивши тѣлесь и отвергшись брашенъ и страстей*“.... Съ такою же матернею заботливостію христіанская церковь приготовляетъ своихъ духовныхъ чадъ къ посту и соотвѣтствующими времени чтеніями изъ Апостола и Евангелія. Наконецъ богослуженіе всей Четыредесятницы всецѣло направлено къ возбужденію въ христіанахъ покаян-

ныхъ чувствованій и должнаго благоговѣнія предъ такими великими днями. По намѣренію св. церкви, христіанинъ, во время Четыредесятницы, какъ бы на особомъ духовномъ поприщѣ, долженъ испытать себя въ воздержаніи внутреннемъ и внѣшнемъ, въ удержаніи чувственныхъ своихъ склонностей, въ обращеніи всѣхъ своихъ силъ къ Богу и къ нравственному усовершенію себя. Къ этимъ именно цѣлямъ направлено какъ богослуженіе церковное, такъ и предписанія церкви о пищѣ, при вкушеніи которой заповѣдуется соблюдать строгую умѣренность не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Наконецъ церковь заповѣдуетъ христіанамъ въ продолженіи св. Четыредесятницы приготовлять себя къ пріобщенію св. таинъ Христовыхъ, путемъ недѣльнаго подвига молитвы, поста и покаянія во грѣхахъ своихъ.—Все это такіе предметы, о которыхъ съ пользою для малоутвержденныхъ въ христіанской вѣрѣ инородцевъ священники и учители крещено-татарскихъ приходовъ могутъ вести постоянныя неистощимыя бесѣды. Каждый изъ нихъ въ церковныхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ можетъ находить богатый матеріалъ въ доказательство необыкновенно цѣлесообразнаго съ законами духовной и физической жизни человѣка христіанскаго законоположенія о постѣ св. Четыредесятницы, въ совершенную противоположность съ современнымъ мухаммеданскимъ законоположеніемъ о постѣ въ мѣсяцъ Рамазанъ.

Мухаммеданское законовѣдѣніе о постѣ, перечисляя случаи нарушенія поста, совершенно забываетъ о духовной сторонѣ человѣка, ограничиваясь однимъ тѣломъ постящагося. Такой односторонній взглядъ мухаммеданскаго законовѣдѣнія на постъ основывается на положительной заповѣди Корана. „Въ ночь поста, говоритъ въ Коранѣ, вамъ (постящимся) дозволяется сношеніе съ вашими женами; онѣ—одежда для васъ, а вы—одежда для нихъ. Богъ знаетъ, что вы обманываете самихъ себя, но Онъ снизошелъ къ вамъ и простилъ васъ.

Такъ имѣйте сношеніе съ ними (вашими женами) и стремитесь къ тому, что Богъ предписалъ вамъ. А также ѣшьте и пейте до тѣмъ поръ, пока при помощи утренней зари отличите бѣлую нитку отъ черной нитки. Потомъ соблюдайте постъ до ночи и не имѣйте сношеній съ женами, а пребывайте въ мечетяхъ“ [1]). Въ этомъ предписаніи Корана относительно образа совершенія поста прежде всего обращаетъ на себя вниманіе продолжительность пощенія: *отъ утренней зари до ночи*. Нѣкоторые толковники Корана основаніемъ такого предписанія считаютъ какой-то, вымышленный мухаммеданами, обычай христіанъ ежедневно по прекращеніи поста ѣсть, пить и имѣть сношеніе съ женами еще до времени сна и до послѣ-ужинной молитвы. Поэтому будто бы Богъ и ниспославъ приведенный стихъ Корана, которымъ разрѣшается постящимся сношеніе съ женами, а также принятіе пищи и питія только ночью [2]). Но основаніе это очевидно ложно и у Казы Бяйзави говорится, что поводомъ къ такому опредѣленію времени вкушенія пищи и питія и пр. послужили послѣдователи самого же Мухаммеда, которые считали для себя позволеннымъ вкушеніе пищи и питія и сношеніе съ женами вечеромъ до окончанія послѣдней (пятой) молитвы [3]). Мы уже упоминали, что христіанскій постъ главнымъ образомъ состоитъ въ обузданіи человѣческой чувственности. Самое воздержаніе во время поста отъ пищи и питія и притомъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ у христіанъ направлено къ

---

[1]) Гл. 2, ст. 183.

[2]) **Refutat. Alcorani, p. 72 et 73.**

[3]) **Comment. in. Coran. V. 1, p. 103.**—Въ началѣ мухаммеданства мухаммеданамъ не было дозволено во время поста входить къ своимъ женамъ, а также ѣсть и пить послѣ ужина. Симъ стихомъ Мухаммедъ дозволилъ то, что было запрещено. Прим. 101 къ переводу Корана Сейля.

укрощенію именно животныхъ страстей человѣка, такъ какъ по законамъ тѣлесной природы человѣка, пища, служа питаніемъ тѣла и измѣняясь въ количествѣ и качествѣ, оказываетъ различное вліяніе на чувственность, т. е. она возбуждается при большомъ количествѣ потребляемой и особенно мясной пищи, и напротивъ сдерживается при маломъ количествѣ и особенно постной пищи. Поэтому-то воздержаніе отъ пищи у христіанъ во время поста измѣряется не часами, не временемъ дня и ночи, а тѣлесной силой человѣка, чтобы не останавливаться на томъ, что ниже силы постящагося и не простирать поста до предѣла, превышающаго силу человѣка [1]). Обыкновенно христіане поддерживаютъ свои тѣлесныя силы во время поста *малымъ* вкушеніемъ пищи среди дня, послѣ дневнаго богослуженія (т. е. литургіи, или часовъ). Это знаютъ даже отступники отъ христіанства изъ крещеныхъ татаръ, которые такъ обыкновенно говорятъ о христіанскомъ постѣ: „*урыснынъ уразасынъ тотоучы ней ашабъ—туймый, ней эчебъ—туймый* т. е. соблюдающій русскій постъ что и поѣстъ—такъ не досыта, что и попьетъ—такъ не досыта". Если же христіанскій постъ состоитъ главнымъ образомъ въ удаленіи себя отъ чувственныхъ склонностей, то при соблюденіи поста у христіанъ не можетъ быть и рѣчи объ удовлетвореніи плотскихъ страстей, въ какое бы то ни было время, во все продолженіе поста. Такимъ именно взглядомъ на постъ объясняется обычай христіанъ не вступать въ бракъ во время поста. Съ другой стороны, въ исторіи христіанства извѣстенъ и такой постъ, когда постящіеся совершенно воздерживались отъ принятія пищи и питія въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду. Таковы многіе христіанскіе подвижники-постники. Примѣръ такого постничества показанъ христіанамъ еще въ ветхомъ завѣтѣ. Пророкъ Моисей провелъ въ постѣ, т. е. въ воздержаніи отъ пи-

---

[1]) Твор. св. Василія вел. ч. V, стр. 397. Рус. пер. Москва. 1858.

щи и питія, 40 дней и ночей, когда находился на горѣ Синайской. Подобнымъ же образомъ, по выраженію св. Василія великаго, постился и пророкъ Илія, когда намѣревался взыскать Бога [1]). Также постился св. Іоаннъ, предтеча Господень; такъ постились и весьма многіе ветхозавѣтные праведники. Но самымъ главнымъ примѣромъ для христіанъ въ отношеніи поста служитъ самъ божественный Основатель христіанства, Іисусъ Христосъ, сорока-дневному посту котораго и подражаютъ христіане во св. Четыредесятницу.

Ничего подобнаго нѣтъ и не было въ исторіи мухаммеданства. Мухаммеданскій постъ, заповѣданный послѣдователямъ Мухаммеда въ Коранѣ, стоитъ гораздо ниже не только христіанскаго, но и іудейскаго поста, которому Мухаммедъ прежде всего хотѣлъ подражать при учрежденіи своего поста. Древніе іудеи обыкновенно постились съ вечера до вечера. „Если постъ, читаемъ у Кейля [2]), продолжался одинъ день, то это значило, что воздерживаться нужно было отъ всякой пищи *отъ одного вечера до другаго*, а при болѣе продолжительныхъ частныхъ постахъ воздерживались только отъ обыкновенной пищи. Въ знакъ глубочайшаго смиренія души предъ Богомъ, раскаянія о грѣхахъ, также въ случаѣ кары небесной, постигшей кого-либо, постъ усиливался другими соединенными съ нимъ знаками печали; для этого (постящіеся) надѣвали на себя власяницы и вретища, раздирали одежды, посыпали голову пепломъ, чтобы во вретищѣ и пеплѣ выразить свое сокрушеніе“ [3]). По свидѣтельству Іосифа Флавія, іудеи во время поста воздерживались отъ пищи до захода солнца и восхода

---

[1]) Твор. св. Василія вел. ч. II, стр. 56.

[2]) Руковод. къ библейской археологіи. Рус. пер. ч. 1, стр. 416.

[3]) См. 2. Цар. гл. 13, ст. 19; 1 Цар. гл. 21, ст. 27; 1 Маккав. гл. 3 ст. 47; Іоил. гл. 1, ст. 13—14; Плачъ Іерем. гл. 2, ст. 10; Іоны гл. 3, ст. 5 и слѣд.

звѣздъ и въ тоже время думали, что день, посвященный посту, оканчивался по принятіи умѣренной пищи только при восходѣ звѣздъ [1]). И современные евреи постятся обыкновенно *до вечера*, а вечеромъ позволяютъ себѣ ѣсть, сколько угодно [2]). Очевидно такимъ образомъ, что Мухаммедъ, учреждая постъ, подражалъ въ способѣ совершенія его іудеямъ. Подобно же іудеямъ, собиравшимся въ день поста въ синагоги и проводившимъ время въ молитвѣ, и Мухаммедъ предписалъ своимъ послѣдователямъ проводить дни поста въ мечетяхъ. Но при всемъ сходствѣ мухаммеданскаго поста съ іудейскимъ и послѣдній даже, осужденный Богомъ чрезъ пророка Исаію [3]), гораздо выше поста Мухаммедова. Богъ осуждалъ іудеевъ за недостатокъ ихъ сердечнаго сокрушенія во грѣхахъ, за отсутствіе внутренняго расположенія къ посту, но никогда не осуждалъ ихъ за удовлетвореніе своихъ похотей во время поста. Внѣшнее воздержаніе вообще было доведено у евреевъ до высшей степени. Особенно этимъ отличались фарисеи, которые были даже осуждены Іисусомъ Христомъ въ Евангеліи [4]). Уже эти одни свидѣтельства могутъ служить доказательствомъ того, что евреи не позволяли себѣ во время поста чувственныхъ удовольствій, такъ какъ при общемъ строгомъ воздержаніи подобное послабленіе чувственности не соотвѣтствовало бы представленію о воздержаніи, о чистотѣ внутренней и внѣшней, предписанной евреямъ еще закономъ Моисея [5]). Но есть и положительное свидѣ-

---

1) **Antiquitates sacrae veterum hebreorum ab Hadriano Relando.** 1761. pag. 270; ср. Религіозныя секты евреевъ, составл. по Іосту. Москва. 1864 г. стр. 292; Очерки быта древнихъ евреевъ. Н. Зайцева. Кіевъ. 1869 г. стр. 225.

2) Богослуженіе, праздники и религ. обряды нынѣш. евреевъ. Н. Алексѣева. Новгородъ. 1865 г. стр. 92.

3) Гл. 58, ст. 4—9.

4) Матѳ. гл. 6, ст. 16—18.

5) Кн. Левитъ, гл. 23, ст. 27—32.

тельство о томъ, что іудеи во время поста не позволяли себѣ пользоваться чувственными удовольствіями. Реландъ говоритъ, что іудеи во время поста не ѣли, не пили, не умащали своего тѣла благовоніями, даже не умывались и не позволяли себѣ половыхъ сношеній [1]). Ясно, что Мухаммедъ, установляя постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ и подражая въ образѣ его совершенія іудеямъ, допустилъ отъ себя прибавку, нисколько не соотвѣтствующую понятію и цѣли поста. Какія побужденія заставили его разрѣшить своимъ послѣдователямъ сношеніе во время поста съ женами, сказать трудно, но безъ всякаго сомнѣнія допущенная имъ поблажка чувственности нравилось и самому ему: самъ онъ, какъ видно изъ извѣстій о его женахъ, не стѣснялся во время поста даже вступать въ бракъ. Такъ извѣстно, что онъ въ мѣсяцъ Рамазанъ 625 г. вступилъ въ бракъ съ Зяйнабою, дочерью Хузаймы [2]). Поэтому нисколько не удивительно, если основатель ислама, получившій столь громкую извѣстность своимъ женолюбіемъ [3]), приписавшій себѣ въ Коранѣ [4]), *какъ пророку Божію*, особое преимущество въ отношеніи женъ, сравнительно съ своими послѣдователями [5]), въ угоду прежде всего самому себѣ, ввелъ въ

---

[1]) **Antiqu. sacrae veter. hebraeor. p. 248.**

[2]) **Sprenger.** B. 3, s. 74. Еще ранѣе объявленія закона о постѣ, въ 619 г., Мухаммедъ также въ Рамазанъ вступилъ въ бракъ съ Савдою, какъ говоритъ Ибнъ Саадъ. **Sprenger.** B. 3, s. 61.

[3]) Шпренгеръ называетъ его по этому старымъ развратникомъ, увеличивавшимъ свой гаремъ до самой своей смерти. B. 1, s. 372 и 209.

[4]) Гл. 33, ст. 49—51. Въ этомъ мѣстѣ позволено Мухаммеду жениться на сколькихъ угодно ему женахъ и даже на родственницахъ.

[5]) Гл. 4, ст. 3. Этимъ стихомъ повелѣвается простымъ смертнымъ жениться только на четырехъ женахъ и то съ строгимъ разборомъ родства. Ср. гл. 4, ст. 27—28.

правила поста предписаніе имѣть сношеніе съ женами и это, по обыкновенію, назвалъ заповѣдію Божію [4]).

---

[4]) При этомъ мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателя на слѣдующее: Въ изданномъ въ „Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго Университета“ (Годъ первый, томъ первый, вып. 1 и 2) г. Ф. Бруномъ повѣствованіи баварскаго оруженосца, Ивана Шильтбергера о своемъ долгомъ пребываніи на Востокѣ подъ заглавіемъ: „Путешествія Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ 1394 года по 1427 годъ“ въ главѣ **XLVI**, на стр. 96, на двухъ послѣднихъ строкахъ сказано о мухаммеданахъ, называемыхъ у этого путешественника „язычниками“, что они „*во время поста не спятъ съ своими женами*“. Это показаніе баварскаго путешественника мы считаемъ совершенно невѣрнымъ, потому что оно противорѣчитъ буквальному разрѣшенію Корана и общему характеру мухаммеданъ, всегда и вездѣ отличавшихся и до-нынѣ отличающихся своимъ нечеловѣческимъ сладострастіемъ (см. объ этомъ въ слѣд. главѣ). Поэтому издатель „Путешествій“ напрасно на 98 стр. въ подстрочномъ примѣчаніи сказалъ отъ себя, что „высказанное Шильтбергеромъ въ обѣихъ главахъ (46 и 47) о правилахъ и обрядахъ ислама *совершенно вѣрно*, но слишкомъ извѣстно, чтобы мы имѣли надобность останавливаться на этой части его записокъ“. Напрасно также издатель думаетъ, что законы и обряды ислама, „слишкомъ всѣмъ извѣстны“. Это совершенная неправда: до сихъ поръ еще большинство русскихъ знаютъ о мухаммеданахъ только то, что они могутъ брать столько женъ, сколько могутъ ихъ содержать, какъ это несправедливо также утверждаетъ и Шильтбергеръ (стр. 98); или, что татары могутъ брать *семь* женъ. Желающихъ узнать, сколько женъ могутъ брать мухаммедане, просимъ обратиться къ X выпуску Миссіонерскаго Сборника, издаваемаго при Казанской Духовной Академіи, въ которомъ спеціально и прекрасно изслѣдовано мухаммеданское законодательство о бракѣ.

III. Образъ совершенія поста въ мѣсяцъ Рамазанъ современными мухаммеданами.

Христіанская церковь, придавая глубокое значеніе посту въ религіозно-нравственной жизни своихъ послѣдователей, постепенно особеннымъ образомъ приготовляетъ ихъ къ этому великому духовно-нравственному подвигу. Церковь назначила для этого предшествующія св. Четыредесятницѣ четыре недѣли и приноровила церковныя службы къ покаянному настроенію души христіанина [1]). Мухаммеданство не знало прежде и въ настоящее время не знаетъ никакихъ духовныхъ приготовленій своихъ послѣдователей къ посту въ мѣсяцъ Рамазанъ. Мухаммеданскія общественныя ежедневныя молитвы и на канунѣ Рамазана совершаются въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ совершаются онѣ и въ остальное время года. Но Рамазанъ тѣмъ не менѣе считается у мухаммеданъ не только однимъ изъ четырехъ священныхъ мѣсяцевъ, но и самымъ священнымъ мѣсяцемъ въ году. И всякій, имѣвшій случай наблюдать за жизнію мухаммеданъ въ продолженіи этого мѣсяца, знаетъ, что тогда жизнь мухаммеданъ всего земнаго шара совершенно измѣняется. Поэтому не только не удивительно, но и весьма естественнымъ должно представляться

---

[1]) См. выше, стр. 33—35.

намъ, что мухаммедане не остаются безъ приготовленій къ своему посту.... Въ чемъ же состоятъ эти приготовленія?

Извѣстный путешественникъ по современному мусульманскому Востоку, Германъ Вамбери, живо сохраняющій, по собственнымъ его словамъ, воспоминаніе о тѣхъ приготовленіяхъ къ мѣсяцу Рамазану, при которыхъ ему случилось присутствовать въ теченіи многихъ лѣтъ, говоритъ, что „изъ всего магометанскаго міра приготовленія эти на берегахъ Босфора всего блестящѣе. Если позволяетъ время года, то въ домѣ дѣлаютъ внутреннія и наружныя поправки, окрашиваютъ его вновь, выбиваютъ ковры и мебель, покупаютъ новые кофейники, новыя чашки и вообще новую посуду; запасаются съѣстными припасами отличнаго качества и въ огромномъ количествѣ, и все это ради тридцатидневнаго бичеванія плоти. Но какъ ни странны всѣ эти приготовленія, тѣмъ не менѣе они вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящей цѣли, такъ какъ мѣсяцъ поста есть мѣсяцъ величайшихъ излишествъ“ [1]). Г. Березинъ, лично наблюдавшій мѣсяцъ Рамазанъ въ Босфорской столицѣ мусульманства, говоритъ, что ревностные послѣдователи Мухаммеда, въ предчувствіи близкаго поста, ежедневно наѣдаются съ большимъ усердіемъ, разсчитывая, что не сегодня, завтра муллы возвѣстятъ имъ наступленіе Рамазана и это „жирное приготовленіе къ посту иногда продолжается нѣсколько дней, особенно при облачномъ небѣ, непредъявляющемъ новой луны“ [2]). Какъ идутъ и въ чемъ состоятъ приготовленія къ посту у мухаммеданъ другихъ мѣстностей, намъ неизвѣстно. О казанскихъ мухаммеданахъ намъ приходилось слышать, что болѣе богатые изъ нихъ заботятся также привести свой

---

[1]) Очерки жизни и нравовъ Востока. Рус. переводъ. С.-ПБ. 1876—77, стр. 161.

[2]) Рамазанъ въ Стамбулѣ. Русскій Вѣстникъ. 1856, т. 1. Февраля книжка вторая, стр. 683.

домъ въ порядокъ и заготовить достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, расходъ на которые въ мѣсяцъ Рамазанъ значительно увеличивается отъ обычая приглашать къ себѣ на ужинъ воспитанниковъ (шакирдовъ) приходской школы (мядрясы); о какихъ нибудь другихъ приготовленіяхъ и особенно о приготовленіяхъ духовнаго характера мухаммеданъ къ своему посту, мы не слыхали, да ихъ и быть не можетъ.

Для законнаго начала пощенія постомъ Рамазана мухаммеданину важно знать истинное начало этого мѣсяца, такъ какъ пощеніе по правиламъ мухаммеданскаго закона (шаригата) необходимо должно быть предварено словеснымъ произнесеніемъ намѣренія (нійятъ نيّة), извѣстной формулы, выражающей желаніе приготовляющагося къ посту мухаммеданина приступить къ исполненію этой нравственно-религіозной обязанности изъ покорности волѣ Божіей съ цѣлью приближенія къ Богу и благоугожденія Ему. Намѣреніе этого должно быть высказано словами: „*я вознамѣрился поститься постомъ мѣсяца Рамазана отъ утренней зари до заката солнца единственно ради Бога всевышняго*“ [1]). Намѣреніе, которое обязанъ высказать каждый готовящійся къ посту, и составляетъ единственное предваряющее постъ условіе. Прочитавши слова намѣренія, или вслухъ, или тайно, мухаммеданинъ можетъ начать свой постъ, который не имѣетъ значенія *законнаго* поста, если не будетъ предваренъ произнесеніемъ намѣренія. Намѣреніе о готовности поститься необходимо высказать еще съ вечера предъ сномъ, или же утромъ до начала утренняго предѣла поста. Впрочемъ считается правильнымъ, если намѣреніе будетъ произнесено ранѣе половины законнаго дня, т. е. ранѣе того момента, когда солнечный жаръ достигнетъ крайней своей силы. Этотъ именно моментъ считается въ мухаммеданскомъ законовѣдѣніи половиннымъ средоточіемъ за-

[1]) Шараиту-ль-иманъ, стр. 6.

коннаго дня, продолженіе котораго опредѣляется временемъ отъ восхода до заката солнца. Намѣреніе должно быть высказано ясно и опредѣлено, безъ ограниченій. Если напр. готовящійся поститься сомнѣвается въ томъ, что завтра начнется мѣсяцъ Рамазанъ и потому скажетъ: „*если завтра начнется Рамазанъ, то я стану поститься; а если завтрешній день будетъ принадлежать еще предъидущему мѣсяцу* (Шагбану), *то я и поститься не стану*“,—намѣреніе, выраженное въ такой условной формѣ, считается недѣйствительнымъ и постъ, совершаемый послѣ такого неопредѣленнаго намѣренія, не будетъ законнымъ и не зачтется мухаммеданину въ постъ Рамазанъ. Вся сила въ этомъ случаѣ въ намѣреніи, въ которомъ при условной формѣ постъ не мыслится необходимымъ. Но считается правильнымъ, хотя и достойнымъ порицанія (мякругъ) высказать намѣреніе въ такихъ словахъ: „*если завтрешній день будетъ принадлежать мѣсяцу Рамазану, то я стану поститься постомъ Рамазана; а если—Шагбану, то я стану поститься постомъ добровольнымъ, или постомъ по обѣту*“ и пр. Въ такомъ случаѣ, если утро будетъ дѣйствительно принадлежать мѣсяцу Рамазану и мухаммеданинъ станетъ поститься, то постъ его зачтется ему въ постъ Рамазанъ, потому что постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ обязателенъ для каждаго мухаммеданина и потому что въ намѣреніи, при условной его формѣ, постъ Рамазанъ былъ упомянутъ прежде другихъ видовъ поста. Считается также правильнымъ совершеніе поста Рамазана въ томъ случаѣ, когда въ намѣреніи будетъ упомянутъ постъ вообще безъ указанія его отличительнаго свойства: Это правило не распространяется впрочемъ на больныхъ и путешественниковъ, которые на утро обязаны поститься тѣмъ именно постомъ, о какомъ упоминали въ своемъ намѣреніи, такъ что если напр. больной выскажетъ намѣреніе назавтра поститься постомъ добровольнымъ, а утро будетъ принадлежать мѣсяцу Рамазану, то больному постъ этого дня не зачтется уже въ постъ Рамазана.—Всѣ эти пра-

вила о намѣреніи имѣютъ значеніе при наступленіи Рамазана, когда въ первый вечеръ этого мѣсяца, по неясности неба, не бываетъ видно луны и когда поэтому трудно бываетъ рѣшить, какой завтра будетъ день— первый ли день Рамазана, или послѣдній предыдущаго мѣсяца, Шабана. День этотъ поэтому и называется въ мухаммеданскомъ законовѣдѣніи днемъ сомнѣнія (*яуму-ш-шакъ*). Въ избѣжаніе отвѣтственности предъ закономъ, требующимъ отъ каждаго мухаммеданина полнаго поста въ теченіе цѣлаго мѣсяца Рамазана, послѣдователи Корана обыкновенно считаютъ за-лучшее поститься на всякій случай и въ день сомнѣнія, мысля его опредѣленно первымъ днемъ Рамазана. Если же къ полдню о днѣ сомнѣнія будетъ узнано, что онъ не принадлежитъ еще мѣсяцу Рамазану, тогда постящійся прекращаетъ свой постъ; но если день сомнѣнія и на самомъ дѣлѣ будетъ первымъ днемъ Рамазана, тогда постъ считается постомъ Рамазана. Вообще относительно начала поста Рамазана мухаммедане руководятся тѣмъ соображеніемъ, что начинать постъ за день или за два до мѣсяца Рамазана считается гнустнымъ (*мякругъ*), а за три дня позволительно, какъ объ этомъ говорится въ преданіи: *„сказалъ посланникъ Божій,—да благословитъ его Богъ и да помилуетъ: не предупреждайте Рамазанъ постомъ одного дня или двухъ дней“*. Въ томъ случаѣ, если новолуніе, опредѣляющее начало поста, будетъ замѣчено кѣмъ-нибудь однимъ человѣкомъ, то постъ становится обязательнымъ для него (напр. муллы) съ слѣдующаго же утра, хотя бы другіе и не послѣдовали его примѣру. Для видѣвшаго новолуніе своими глазами личное убѣжденіе должно быть выше голоса всего населенія извѣстной мѣстности, и такой человѣкъ становится отвѣтственнымъ предъ закономъ, если не будетъ поститься, глядя на другихъ невидѣвшихъ луны. При облачномъ небѣ достаточно показанія одного достовѣрнаго лица (гадыль кеше) въ томъ, что луна Рамазана была имъ замѣчена, хотя бы такимъ лицемъ былъ рабъ или женщина. Если же

небо въ первую ночь Рамазана было безоблачно, въ такомъ случаѣ показаніе одного лица считается недостаточнымъ для начала поста съ завтрешняго утра, а необходимо подтвержденіе этого большимъ собраніемъ людей.

Въ Константинополѣ во время Кантеміра (въ началѣ 18 столѣтія) за нѣсколько дней до наступленія Рамазана, султанъ отправлялъ нѣсколько человѣкъ на высоты Олимпа, а также на находящіяся вблизи Константинополя горы Странджа (древнія Іоппійскія), чтобы наблюдать за временемъ появленія луны мѣсяца Рамазана. И хотя, говоритъ Кантеміръ, турки изъ календарей и астрономическихъ таблицъ совершенно знаютъ пунктъ и минуту рожденія луны, такъ что при помощи собственныхъ соображеній могли бы опредѣлить первый часъ и день новолунія; несмотря на это первый день Рамазана не возвѣщается, если двое или трое своими глазами не увидятъ рогатую луну. Если наблюдающіе за появленіемъ новолунія при чистомъ ясномъ небѣ увидятъ во время захожденія солнца новую луну, то немедленно на почтовыхъ лошадяхъ спѣшатъ къ судьѣ (казыю) константинопольскому или адріанопольскому, смотря по тому, гдѣ будетъ находиться тогда султанъ. Одинъ изъ наблюдавшихъ за новонолуніемъ говоритъ при этомъ, что вчера при захожденіи солнца онъ видѣлъ новую луну, а остальные двое своимъ свидѣтельствомъ подтверждаютъ показаніе своего товарища, говоря, что и они видѣли новую луну. Судья записываетъ (?) и приказываетъ глашатаямъ обходить улицы и возвѣщать, что съ утра долженъ начаться постъ [1]). Г. Бере-

[1]) Книга Cvctima, стр. 180—181. Кантеміръ разсказываетъ при этомъ, что ему приходилось наблюдать, какъ иногда наблюдавшіе за новолуніемъ опаздывали въ дорогѣ и только къ полудню перваго дня поста могли доставить извѣстіе о появленіи луны Рамазана. Люди, находившіеся за ѣдою и питьемъ, какъ только услышали глашатая, возвѣщавшаго о началѣ поста, тотчасъ же бросали изъ устъ своихъ брашна и ложки изъ рукъ и съ благоговѣніемъ начинали постъ. Стр. 181.

зинъ, наблюдавшій Рамазанъ въ Стамбулѣ въ 50 годахъ текущаго столѣтія, говоритъ, что на Босфорѣ есть особенная обсерваторія, съ которой избранные люди высматриваютъ появленіе новой луны въ началѣ и концѣ Рамазана. При облачномъ небѣ, когда новой луны не бываетъ видно, наступленіе времени ея появленія возвѣщается на основаніи соображеній и вычисленій ученыхъ муллъ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ возвѣщаютъ о наступленіи новолунія Рамазана. Для большаго удостовѣренія въ этомъ мусульманъ Стамбула, минареты мечетей освѣщаются плошками, въ Портѣ играетъ пронзительная военная музыка и ночные сторожа „бегчи“ оглушаютъ свои кварталы звуками большихъ бубновъ [1]). Въ объясненіе обычая турокъ начинать постъ только послѣ того, какъ будетъ замѣчена новая луна, Кантемиръ говоритъ: *понеже Мухаммедова заповѣдь есть* (въ Коранѣ): „*виждь луну, зачинай Рамазанъ*“..... Но почтенный авторъ неправильно перевелъ арабскій текстъ Корана (ср. выше у насъ, стр. 28) и потому неправильно понимаетъ причину самаго обычая. Мы думаемъ, что этотъ обычай турокъ, извѣстный у всѣхъ мухаммеданъ, ведетъ свое начало съ Мухаммеда, а имъ заимствованъ у евреевъ. Синодическій мѣсяцъ состоитъ изъ 29 дней, 12 часовъ, 44 м. и 33 с. Чѣмъ руководствовались израильтяне при опредѣленіи долготы мѣсяца, въ 29 и 30 дней,—намъ неизвѣстно; по талмудическимъ свидѣтельствамъ, это происходило слѣдующимъ образомъ. Каждый житель Іерусалима и его окрестностей, въ случаѣ если бы онъ замѣтилъ вновь явившійся мѣсяцъ, немедленно долженъ былъ извѣстить объ этомъ синедріонъ, который былъ въ сборѣ каждое 30 число отъ утренней жертвы до вечерней. Если такое извѣстіе получалось 30-го числа, то синедріонъ немедленно произносилъ свое освященіе и затѣмъ постановлялъ 30 число (т. е. день, когда пришло извѣстіе

[1]) Рамазанъ въ Стамбулѣ, стр. 683—684.

о рожденіи мѣсяца) считать первымъ числомъ слѣдующаго мѣсяца и, слѣдовательно, днемъ новолунія, а протекшій мѣсяцъ считать 29-ти дневнымъ. Объ этомъ публиковалось во всеобщее свѣдѣніе сначала посредствомъ сигнальныхъ огней на возвышеніяхъ, а потомъ посредствомъ нарочито разсылавшихся по всей странѣ особыхъ вѣстниковъ. Если же, по причинѣ ненастной погоды, нельзя было видѣть фазы луны 30-го дня, то прежній мѣсяцъ безъ всякихъ уже объявленій заканчивался 30 числомъ; слѣдующій же за тѣмъ день праздновался, какъ новолуніе новаго наступающаго мѣсяца [1]). Противъ этого можно возразить развѣ только то, что такъ какъ извѣстіе о явленіи первой фазы луны должно было приходить не ранѣе вечера, которымъ, по еврейскому счисленію, начинается уже первый день новаго мѣсяца, то и жертвы, назначенныя въ законѣ для новомѣсячія, могли быть принесены уже на другой день, и вообще въ такомъ случаѣ въ странѣ никто не могъ заранѣе опредѣлить, завтра или послѣзавтра случится праздникъ новолунія, а между тѣмъ изъ Библіи видно, что наступленіе новолунія заранѣе было извѣстно. Такъ напримѣръ, Давидъ говоритъ Іонафану: „завтра будетъ новомѣсячіе“ и царь Саулъ ждетъ на этотъ праздникъ своихъ гостей къ столу [2]). Отсюда мы должны заключить, что и въ то время существовали правила, заранѣе опредѣлявшія первыя числа мѣсяцевъ и праздники новомѣсячій, хотя объ этомъ нигдѣ не упоминается въ Библіи. Впрочемъ караимы еще доселѣ продолжаютъ опредѣлять новомѣсячія только по видимымъ рожденіямъ новой луны [3]), между

---

[1]) **Mesehn. Rosch, hoschana Cap. 1 et 2. Othonis lexic. rabb. pag. 464 et cet.**

[2]) 1 Сам. ст. 20, гл. 5. 24.

[3]) **Iken, dissertat, philol. II. pag. 421—427.** „Въ прежнее время, говоритъ г. Хвольсонъ, новый мѣсяцъ объявлял-

тѣмъ какъ раввины пользуются уже астрономическими вычисленіями. Кажется, что вычисленія эти изобрѣтены при Симонѣ Маккавеѣ, быть можетъ Елаезаромъ, сыномъ Гиркана; но то несомнѣнно, что они вошли въ употребленіе только по разрушеніи Іерусалима. По этимъ вычисленіямъ составленъ календарь нынѣшнихъ евреевъ [1]).

Увѣрившись такъ или иначе въ наступленіи мѣсяца поста, набожные мусульмане отправляются въ мечеть для совершенія присвоеннаго этому мѣсяцу молитвословія извѣстнаго подъ именемъ *„салатъ таравихъ“*, [2]) по окончаніи котораго возвращаются домой, вкушаютъ пищу и произносятъ намѣреніе относительно поста въ завтрешній день. Это—первая ночь Рамазана, которая въ Константинополѣ проходитъ довольно шумно, хотя на-

---

сл (у евреевъ) не по опредѣленному календарному счисленію, а по появленію новой луны, что еще до сихъ поръ продолжается у караимовъ. Объявленіе новолунія совершалось въ Іерусалимѣ, а послѣ также въ другихъ мѣстахъ Палестины, но только съ сѣдалища Синедріона или патріархіи. Евреи, жившіе внѣ палестины, къ которымъ извѣстіе о совершившемся объявленіи новолунія не могло дойти довольно быстро, сомнѣваясь во днѣ, когда слѣдовало справлять извѣстные праздники, справляли поэтому нѣкоторые праздники два дня подъ рядъ вмѣсто предписаннаго одного дня“. Христ. Чтеніе. 1875. Сентябрь—Октябрь. Ст. „Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти“ стр. 442, прим.

1) Подробнѣе смотри объ всемъ этомъ въ **Rosch. hasch.** также—**Maimonides Kiddusch hochodesch**, трактатъ подъ заглавіемъ: „**Iad chasaka**“; **L. de Compiegne de Ueil. Gar.** 1669 **et Amst.** 1701; о новомъ іудейскомъ календарѣ много свѣдѣній въ сочиненіи: „**Zur Berechnung u. Gechichte des iud. kalenders**“. Берл. 1807 **Laz. Bendavid** Древнія сочиненія о іуд. календарѣ исчислены въ сочиненіи: „**Iud. Heiligth**“. Лундіуса, стр. 956. Руков. къ библ. археолог. Кейля, стр. 438—440.

2) См. объ этомъ молитвословіи въ Миссіонер. противомусульм. Сборникѣ, вып. XIII, стр. 47—48.

роду на улицахъ и въ кофейняхъ бываетъ тогда не много, потому что всѣ стараются провести эту ночь съ своими семьями. Даже освященіе мечетей и собственныхъ зданій *въ первую ночь* Рамазана бываетъ *не особенно* большое и не изысканное; къ настоящимъ увеселеніямъ въ Стамбулѣ только еще готовятся.

Съ появленіемъ утренней зари постящійся мухаммеданинъ долженъ всячески въ теченіи цѣлаго дня избѣгать прежде всего принятія пищи и питія. Постъ считается нарушеннымъ, если постящійся поѣстъ или напьется чего нибудь въ теченіи дня намѣренно, не по ошибкѣ, *не по забвенію и не насильно.* Въ такомъ случаѣ необходимо вознагражденіе (*каза*) поста и раздача очистительной милостыни (*кяфаратъ*). Нарушившій постъ обязанъ за каждый день поста поститься два полныхъ мѣсяца, или раздать 60-ти человѣкамъ нищимъ пропитаніе достаточное на одинъ день, или наконецъ освободить раба, если нарушившій постъ имѣетъ рабовъ [1]). Если же постъ будетъ нарушенъ по ошибкѣ, или по насилію другаго, въ такомъ случаѣ законъ опредѣляетъ одно только вознагражденіе поста безъ очистительной милостыни. Тоже самое правило соблюдается въ томъ случаѣ, если постящійся, будучи занятъ работою (въ темномъ мѣстѣ), подумаетъ, что уже настала ночь, и нарушитъ постъ.

Постъ считается нарушеннымъ даже и тогда, когда съ точки зрѣнія здраваго смысла вовсе нельзя считать его нарушеннымъ. Повидимому, что постнѣе камня и желѣза, которые не могутъ служить пищею для человѣка и къ которымъ не можетъ быть влеченія у голоднаго человѣка; *однако* мухаммеданское законовѣдѣніе учитъ, что если постящійся проглотитъ маленькій камушекъ, или орѣшекъ, или кусочекъ желѣза, то постъ та-

---

[1]) Подъ именемъ очистительной милостыни (кяфаратъ) разумѣется освобожденіе раба, или пропитаніе 60 нищихъ въ продолженіи дня, или же постъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Ср. Коранъ гл. 4, ст. 34.

кого человѣка считается нарушеннымъ [1]). Тѣмъ болѣе странно представлять, что рвота можетъ нарушить постъ; но мухаммеданское законовѣдѣніе гласитъ, что если постящійся самъ возбуждаетъ въ себѣ рвоту, или желая удержать ее, проглотитъ снова, то постъ считается нарушеннымъ и требуетъ вознагражденія, когда рвота была сильная и наполняла весь ротъ; незначительная рвота не нарушаетъ поста. Постъ нарушается, когда постящійся умышленно проглотитъ частичку пищи, оставшуюся въ зубахъ съ вечера, если она будетъ съ горошинку или болѣе горошины; или если постящійся проглотитъ маленькое зернышко съ цѣлью удовлетворить свой голодъ [2]); или если постящійся проглотитъ свою слюну, уже выплюнутую изо рта. Также и ненамѣренное проглатываніе слюны считается предосудительнымъ, хотя и не нарушаетъ поста. Даже отвѣдываніе пищи и жеваніе ея безъ особенной нужды нарушаетъ постъ и позволяется только женщинамъ для предотвращенія вреда отъ своихъ дѣтей. Постящемуся не позволяется купаться во время поощенія, курить табакъ и втягивать въ себя запахъ какого нибудь пахучаго вещества [3]). Постъ нарушается также, когда постящійся намѣренно проглотитъ муху, или снѣжинку (зимою), или дождинку (лѣтомъ), потому что отъ этого можно предохранить себя, зажавши ротъ. Но если пыль, дымъ, муха и под. противъ воли постящагося попадутъ ему въ ротъ и будутъ проглочены, то постъ не считается нарушеннымъ, такъ какъ отъ такой случайности нельзя предохранить себя [4]).

---

[1]) Объ этихъ правилахъ мухаммеданскаго поста еще Марракцій отзывался, какъ о смѣшномъ суевѣріи.

[2]) Постъ не нарушается, если частичка пищи сама выйдетъ изъ зубовъ и будетъ проглочена, или если она будетъ менѣе горошины. Точно также не нарушается постъ, если зернышко окажется въ зубахъ и постящійся начнетъ его разжевывать да и проглотитъ случайно, безъ цѣли утолить свой голодъ.

[3]) Торнау, Начала мусульм. законовѣдѣнія, стр. 93.

[4]) Постъ нарушается, если при омовеніи тѣла, положенномъ закономъ омывающійся будетъ наливать себѣ въ ладонь много воды, которая при прикосновеніи къ тѣлу можетъ коснуться внутреннихъ частей тѣла и дойти будто бы до самаго желудка (?).

Подобно пищи и питію, мухаммеданнамъ возбраняется во время пощенія и принятіе лекарства, какъ причина нарушенія поста. Въ этомъ случаѣ мухаммеданская казуистика выразилась еще оригинальнѣе, нежели въ правилахъ относительно пищи и питія. Не только принятіе лекарства посредствомъ рта нарушаетъ постъ, но и всякій разъ, какъ только оно будетъ введено внутрь тѣла, постъ нарушенъ. Равнымъ образомъ постъ считается нарушеннымъ, если лекарство будетъ приложено къ какой нибудь другой ранѣ тѣла и коснется внутреннихъ оболочекъ; въ этомъ случаѣ необходимо вознагражденіе поста, потому что, говорится въ толкованіи, при принятіи лекарства, какъ и при принятіи пищи, имѣется въ виду здоровое состояніе тѣла. Отвѣдываніе лекарства безъ крайней нужды также нарушаетъ постъ.—Наконецъ постъ нарушается удовлетвореніемъ половыхъ страстей во время дня. Страстный взглядъ на женщину допускается [1]).

Опредѣленный періодъ каждодневнаго пощенія въ продолженіи всего мѣсяца Рамазана можетъ быть сокращаемъ для стариковъ, имѣющихъ болѣе 50-ти лѣтъ и чувствующихъ себя не въ состояніи поститься закономъ положенное время. Въ замѣнъ этого старые люди обя-

---

[1]) Вообще въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ случаевъ нарушенія и не нарушенія поста мухаммеданское законовѣдѣніе предписываетъ чрезвычайно-странныя правила, о которыхъ скромность не позволяетъ говорить. Вотъ подлинныя слова Мухтасара:

ولو وطی بهیمة اومیتة اوفی غیر فرج اوقبل اولمس ان انزل قضی والا فلا
یعنی اکر جماع قیلسه تورت آیاقلی حیوانی یا اولوکنی یافرجدن غیرکا
جماع قیلسه یا اوپسه یاقول برلان توتسه اکر بوایتلکان فعللر سببلی
منی اینسه قضا لازم بولور معنا جماع تابلغان اوچون لیکن کفارت لازم ایرمس
جنایة کملکی اوچون حیوان ایله مثده محل مشتهی یوقلغی اوچون صونکغیلرده
صورت جماع یوقلغی اوچون اکر منی اینمسه قضا لازم بولماس

заны подавать каждый день посильную милостыню. По окончаніи Рамазана непостившійся и неподававшій милостыни старикъ долженъ отпоститься равное число пропущенныхъ дней поста, если будетъ чувствовать въ себѣ силу. Постъ можетъ быть также сокращаемъ для беременной и кормящей грудью женщины, если онъ можетъ причинять вредъ или ей самой, или ея ребенку [1]). Также больной можетъ не поститься въ продолженіи цѣлаго дня, если боится постомъ усилить свою болѣзнь. Наконецъ путешественникъ можетъ не соблюдать поста въ мѣсяцъ Рамазанъ и отпоститься послѣ одинаковое число дней. О снисхожденіи во время поста больнымъ и путешественникамъ предписано еще въ Коранѣ словами: *„кто боленъ или въ дорогѣ, тѣ будутъ поститься послѣ равное число дней“*. [2]) По ученію позднѣйшихъ законовѣдовъ, если больной по выздоровленіи и путешественникъ по окончаніи путешествія проживутъ недолго и не успѣютъ такимъ образомъ отпоститься пропущенные дни поста, то изъ ихъ имущества, оставшагося послѣ ихъ смерти, подается очистительная милостыня въ количествѣ, соотвѣтствующемъ тому времени, какое они прожили послѣ перемѣны своего положенія и какое слѣдовательно могли бы употребить на вознагражденіе опущенныхъ дней поста [3]). За смерть свою постящіеся, а равно больные и путешественники не отвѣчаютъ.

---

[1]) У іудеевъ беременныя и кормящія дѣтей грудью женщины совершенно освобождались отъ поста. **Reland, Antiqu. sacrae veter. hebraeor. p. 272.**

[2]) Глава 2. ст. 180. Эти слова Корана были обнародованы Мухаммедомъ въ 624 г. и были вызваны военнымъ походомъ его противъ мекканцевъ, окончившимся битвою при Бедерѣ, когда послѣдователи Мухаммеда не могли во всей строгости выполнять правила поста. **Sprenger. B. 3, s. 55.**

[3]) Взглядъ Корана на путешественниковъ въ отношеніи ихъ къ посту отзывается очевиднымъ формализмомъ и въ тоже время даетъ возможность

Наконецъ мухаммеданское законовѣдѣніе опредѣляетъ правила, какихъ должно держаться въ отношеніи поста людямъ подвергающимся періодическимъ болѣзненнымъ состояніямъ. Такъ, женщины и дѣвицы не могутъ и не должны поститься во время своихъ женскихъ особенныхъ состояній (*хайзъ*), а по прекращеніи этихъ состояній обязаны отпоститься равное число дней за пропущенные дни поста [1]). Если съ постившимся нѣсколько дней мухаммеданиномъ случится обморокъ и продолжится нѣсколько дней, то по прекращеніи этого состоянія подвергавшійся обмороку обязанъ отпоститься за всѣ дни пропущеннаго поста, кромѣ перваго дня обморочнаго состоянія. Положимъ, что обморокъ продолжался три дня; въ такомъ случаѣ освободившійся отъ обморока считаетъ себя обязаннымъ отпоститься послѣ Рамазана только за два дня, такъ какъ въ эти послѣдніе два дня обморочный никакъ уже не могъ высказать своего намѣренія поститься на утро. Самый же первый день обморочнаго состоянія зачитается обморочному человѣку въ постъ на томъ основаніи, что онъ относительно этого дня высказывалъ уже намѣреніе поститься. Само собою послѣ этого становится понятнымъ, что и первый день обморочнаго состоянія нельзя будетъ считать днемъ исполненнаго поста, если обморокъ наступилъ прежде произнесенія намѣренія о постѣ въ этотъ день. На подобномъ же основаніи постъ совсѣмъ не считается обязательнымъ для безумныхъ и для несовершеннолѣтнихъ, такъ какъ тѣ и другіе не могутъ возымѣть сознательно намѣренія для поста. Слѣдовательно, мухаммеданское законовѣдѣніе придаетъ большое значеніе словесному или мысленному произнесенію постящимся извѣстной уже намъ формулы намѣренія (*нійятъ*) и такимъ образомъ какъ бы духовную сторону поста ставитъ

людямъ богатымъ и небрежнымъ въ дѣлѣ вѣры уклоняться отъ поста въ жаркое время года, позволяя имъ вознаграждать постъ послѣ.

[1]) Мухтасару-ль-виткаятъ, глава о хайзѣ.

выше тѣлесной; но своими казуистическими предписаніями относительно цѣлости и нарушенія поста оно отодвигаетъ на задній планъ душу человѣка и его благоговѣніе: все свое благочестивое чувство постящійся безплодно истрачиваетъ на размышленіе о возможности и невозможности нарушить постъ такимъ или другимъ образомъ. Съ своей формально-казуистической точки зрѣнія мухаммеданскіе законовѣды оправдываютъ даже скотоложество, утонченный развратъ и даже coitus cum mortuo, произведенные въ періодъ пощенія, и только въ *одномъ* случаѣ требуетъ вознагражденія поста; тогда какъ за сношеніе естественное и за мужеложство во всякомъ случаѣ требуется еще очистительная милостыня. Еще болѣе странно, что мухамммеданское законовѣдѣніе ставитъ въ одинаковой степени виновнымъ противъ правилъ поста человѣка, поѣвшаго по ошибкѣ, или по насилію другаго, или по забвенію, человѣка проглотившаго камушекъ или частичку пищи, остававшуюся въ зубахъ и равную горошинѣ или больше ея и т. п. съ человѣкомъ, позволившимъ себѣ омерзительный порокъ скотоложства и даже хуже того.... Въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ даже и столь грубые пороки не нарушаютъ поста, тогда какъ проглоченный камушекъ всегда нарушаетъ постъ и обязываетъ постящагося отпоститься за этотъ день послѣ также цѣлый день.—Всѣ предписанія о соблюденіи и нарушеніи поста постящійся мухаммеданинъ обязанъ соблюдать въ теченіи цѣлаго дня, будетъ ли постъ весною, или осенью, или лѣтомъ, или зимою. Съ наступленіемъ вечера пощеніе мухаммеданина прекращается. Предъ принятіемъ пищи мухаммеданинъ произноситъ слѣдующую молитву: „*Боже нашъ! Ради Тебя я пощусь, въ Тебя я вѣрую, къ Тебѣ прибѣгаю подъ покровительство, Твоею пищею разговляюсь и высказываю намѣреніе относительно поста слѣдующаго дня мѣсяца Рамазана; такъ прости мнѣ, чѣмъ я согрѣшилъ прежде и послѣ, о прощающій! по милости твоей, о милостивѣйшій изъ милосердыхъ*“ (Шарайту-ль-Иманъ, стр. 7).

Понятно, что при такомъ весьма неестественномъ воздержаніи въ теченіи цѣлаго дня, особенно дня лѣтняго всѣ постящіеся съ нетерпѣніемъ ждутъ окончанія трудно выносимыхъ продолжительнаго голода и жажды. Поэтому объявленіе о прекращеніи дневнаго пощенія принимается всѣми постящимися съ необыкновеннымъ восторгомъ, проявленіе котораго постящіеся не могутъ даже скрыть отъ постороннихъ людей. Съ окончаніемъ дневнаго пощенія наступаетъ время ночной кипучей дѣятельности и разгула. Вотъ какъ описываетъ Кантемиръ это странное препровожденіе ночей Рамазана въ Константинополѣ. По его словамъ, когда солнце приблизится къ западу, муэззины [1]) выходятъ на минареты, освѣщаютъ перила, окружающія верхнюю часть минаретовъ и высокимъ голосомъ распѣваютъ азанъ [2]). Выслушавши азанъ, постящійся турокъ принимаетъ съ троекратнымъ произнесеніемъ имени Божія три глотка воды, а потомъ уже пьетъ воду для утоленія жажды, сколько хочетъ и можетъ. У кого есть вода, въ которой былъ омытъ плащъ Мухаммеда [3]), тотъ вливаетъ въ большой сосудъ, наполненный обыкновенною водою, три капли этой воды въ увѣренности, что такимъ образомъ освятится вся вода, заключенная въ сосудѣ [4]). По утоленіи жажды турокъ принимаетъ немного пищи, называемой „*Ифтаръ*“ т. е. разговленіе. У вельможъ и людей богатыхъ „*Ифтаръ*“ состоитъ изъ икры, рыбы кефалы, изъ смоквъ и оливокъ; простые и бѣдные люди разговляются тѣмъ, что у нихъ есть. По вкушеніи ифтара, постящіеся отправляются въ

---

[1]) Такъ называется особый классъ людей, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы провозглашать на-распѣвъ съ башни мечети о времени наступленія богослуженія. Ср. Мисс. Сборникъ, вып. XIII, стр. 24.

[2]) Т. е. слова, какими призываются мухаммедане къ молитвѣ, см. Сборникъ, вып. XIII, стр. 23—24.

[3]) См. ниже.

[4]) Набожные люди желаютъ каждый день пить такую воду и потому изъ экономіи вливаютъ въ обыкновенную воду по три капли, чтобы имѣющагося запаса священной воды достало имъ на цѣлый мѣсяцъ поста.

мечеть на молитву [1]), по возвращеніи откуда садятся за ужинъ и при этомъ вкушаютъ пищи, кто сколько и чего можетъ. Кантеміръ замѣчаетъ, что мухаммедане въ большемъ количествѣ потребляемыхъ яствъ полагаютъ большую свою набожность [2]). Послѣ ужина пьютъ кофе, курятъ табакъ, занимаются „честнымъ“ (?) разговоромъ, или же проводятъ время въ занятіяхъ служебными обязанностями, домашними и публичными дѣлами. Такъ проводятъ время до пятой денной молитвы, называемой „Ясты намазъ“ [3]). Выслушавъ азанъ, призывающій къ этой молитвѣ, всѣ мужчины отправляются въ приходскую мечеть, или же въ сборную мечеть для присутствованія на особенномъ, усвоенномъ посту, молитвословіи извѣстномъ подъ именемъ „*салатъ-т-тарависъ*“ [4]). Домохозяинъ, имѣющій многочисленную прислугу, можетъ совершить это молитвословіе и дома у себя. Въ городѣ съ наступленіемъ времени вкушенія пищи, отворяются всѣ торговыя лавки, гдѣ можно купить все потребное для утоленія голода, жажды и разныя лакомства; улицы и всѣ публичныя мѣста (кофейни, лавки и под.) освѣщаются лампадами и фонарями. Отроки, юноши и старцы невозбранно и безстыдно стекаются въ эти мѣста, всячески веселятся и ликуютъ, какъ будто бы наступилъ день Байрама [5]). Женщинамъ возбранено присутствовать (какъ и всегда) въ подобныхъ собраніяхъ даже подъ предлогомъ молитвы. Если же подъ какимъ нибудь другимъ предлогомъ имъ позволяется выходить изъ дому, то этимъ правомъ могутъ пользоваться только законныя степен-

---

1) Вѣроятно на четвертую дневную молитву, называемую *Ахмашъ-намазъ* см. Мисс. Сборникъ, вып. XIII стр. 21.

2) „И елико кто больши брашны исполнитъ чрево свое, толико болѣе заслужительно быти вѣруютъ“.

3) См. Мисс. Сборникъ, вып. XIII, стр. 21.

4) См. Мисс. Сборникъ, вып. XIII, стр. 47—48.

5) Праздникъ разговѣнія по окончаніи мѣсяца Рамазана.

ныя жены, а не блудницы и не нарушительницы супружеской вѣрности.... Такія женщины часто передѣваются въ мужкое платье и появляются въ собраніяхъ мужчинъ и на улицахъ, но не рѣдко случается, что ихъ узнаютъ караульные стражи и жестоко наказываютъ.

По окончаніи молитвы Таравихъ, каждый возвращается въ свой домъ и занимается своими домашними дѣлами или дѣлами службы. Въ это время ворота визиря и прочихъ вельможъ, отправляющихъ общественныя должности, отворяются и входъ въ нихъ для занятій служебныхъ не воспрещается. Другіе же всю ночь пьютъ и ѣдятъ все, что дозволено закономъ въ обыкновенное время и имѣютъ сношенія съ своими женами и наложницами. За полтора часа до разсвѣта муэззины пресладко распѣваютъ съ минаретовъ славословіе (темджидъ), въ знакъ наступленія времени воздержанія отъ брашенъ и начала поста наступающаго дня [1]). Услышавши темджидъ, мухаммедане воздерживаются отъ брашенъ и въ ожиданіи утренней молитвы или читаютъ Коранъ, или спятъ, или бодрствуютъ. Утреннюю молитву они совершаютъ или въ мечети, или дома, а потомъ ложатся спать. Спать они свободно могутъ до полудня, когда настанетъ время второй молитвы *(юля намазъ)*, совершеніе которой всегда и для всѣхъ обязательно. Такъ турки привыкли поступать во всѣ дни Рамазана [2]).

Извѣстный путешественникъ по современному намъ азіатскому Востоку, Германъ Вамбери, профессоръ Пештской Академіи, говоритъ въ недавно изданныхъ имъ „Очеркахъ нравовъ и жизни Востока“, что мѣсяцъ поста (у мухаммеданъ) есть въ тоже время мѣсяцъ величайшихъ излишествъ.... Мухаммедане постятся днемъ, ночью же предаются тѣмъ большимъ излишествамъ; днемъ

---

[1]) Книга Сустіма, стр. 183.

[2]) Книга Сустіма, стр. 181—183.

спятъ, за то ночью бываютъ тѣмъ бодрѣе. Во всей жизни замѣчается тогда суета и безпорядокъ, которые, конечно, могутъ приходиться по вкусу только почтеннымъ мусульманамъ, у которыхъ, какъ извѣстно, время не считается особенно драгоцѣннымъ сокровищемъ и работа не сдѣлалась привычкою [1]). У меня и теперь еще кружится голова, когда я вспомню объ утреннихъ часахъ лѣтняго Рамазана, которые слѣдовали за ночью, проведенною въ пирушкахъ. Только послѣ нѣсколькихъ недѣль пріучается тѣло къ этому необыкновенному образу жизни. Всѣмъ мухаммеданскимъ міромъ въ теченіи этого времени овладѣваетъ какое-то бѣшенство, и государство [2]) поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, прекращая на это время всѣ дѣла [3]). За три часа до солнечнаго заката бродящія тѣни мусульманъ въ Стамбулѣ, также какъ въ Тегеранѣ, Бухарѣ, какъ и въ Фецѣ и Морокко, даже во внутреннемъ Китаѣ, попадаются по улицамъ вполнѣ истощенныя и апатичныя. Провести цѣлый жаркій день лѣтняго Рамазана, не утоливъ своей жажды каплею воды, даже произнести это слово считается грѣхомъ, или—что еще чувствительнѣе—не затянувшись ни разу страстно любимою трубкою, дѣйствительно составляетъ самую невыносимую муку для мусульманина. Тщетно пытается онъ обмануть свои чувства, расхаживая по базару, заходя въ различныя мечети и присутствуя при всевозможныхъ зрѣлищахъ и театральныхъ представленіяхъ,—желудокъ ворчитъ, горло пересохло, всѣ чувства ослабѣли и только ухо еще выполняетъ свое

---

[1]) Смѣемъ замѣтить, что жестокій приговоръ этотъ не приложимъ къ казанскимъ мухаммеданамъ. Н. О.

[2]) Разумѣется, турецкое. Н. О.

[3]) Полнаго прекращенія дѣлъ все-таки не бываетъ. Присутственныя мѣста открываются съ часу или двухъ часовъ по полудни, а въ три или четыре часа уже закрываются. На базарахъ народу бываетъ довольно. Лучшій стамбульскій базаръ открывается часа на два или на три одновременно съ присутственными мѣстами. Въ городскихъ кофейняхъ нѣтъ ни огня, ни кофе, ни трубокъ..... См. „Рамазанъ въ Стамбулѣ“, стр. 685.

назначеніе, жадно прислушиваясь, не раздастся ли пушечный выстрѣлъ, *объявляющій о заходѣ солнца*. Вотъ наконецъ раздался громовой выстрѣлъ и тысячи душъ, или, правильнѣе было бы сказать, тысячи желудковъ приходятъ въ радостное волненіе. Прежде всего бросаются къ трубкамъ, потомъ къ водѣ и наконецъ къ богатоустановленнымъ столамъ. Европеецъ не можетъ составить себѣ и слабаго понятія о томъ, сколько поглощается въ это время 1).

„Такъ празднуется Рамазанъ въ *Константинополѣ*. Вечернему празднеству придается еще болѣе торжественности яркимъ освѣщеніемъ стройныхъ минаретовъ и трапспортовъ съ изрѣченіями Корана, увѣнчивающихъ стѣны башенъ. И вообще мусульманская столица на Босфорѣ умѣетъ праздновать этотъ мѣсяцъ поста лучше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ“ 2).

И въ благородной Бухарѣ, очаровательномъ Самаркандѣ, плѣнительномъ Коканѣ мѣсяцъ Рамазанъ—*торжество*, и его ждутъ не дождутся.... Это—праздникъ духовнаго единенія мухаммеданъ въ честь арабскаго лжепророка... Предъ восходомъ первой звѣздочки у жителей названныхъ городовъ уже зарѣзанъ одинъ жирненькій козленокъ, а тамъ пойдутъ пилавъ, прохладительные фрукты и всевозможныя сласти изъ млека и масла и прочая, и прочая.... Ночь совершенно обращается въ день....

---

1) Но вотъ солнце близко къ закату; мусульмане спѣшатъ покончить свои занятія, иные бросаютъ дѣло на половинѣ и все мусульманское населеніе устремляется домой..... Набожные участвуютъ въ общественной молитвѣ въ мечети. Не смотря на то, что взоры постящихся очень часто и пытливо устремляются на западный горизонтъ и съ каждою минутою разгораются болѣе и болѣе и самыя лица оживляются съ приближеніемъ вечерняго часа, ни одинъ не позволяетъ себѣ разрѣшенія ни на что до тѣхъ поръ, пока муэззинъ не возгласитъ съ минарета о наступленіи вечерней молитвы, а муэззина предупреждаетъ заревая пушка на Босфорѣ. Торжественная, давно жданная минута настала: по всему поднебесью раздается пѣніе муэззиновъ; мусульманинъ, заранѣе совершившій омовеніе, совершаетъ молитву, обоняя соблазнительный запахъ вкусныхъ турецкихъ соусовъ. „Рамазанъ въ Стамбулѣ“ стр. 685—686.

2) Германъ Вамберн. Очерки жизни и нравовъ Востока, стр. 161—162.

Тогда-то на высотахъ Самарканда и въ долинахъ Ташкента отъ зари до зари, отъ звѣзды до звѣзды начинаются широкія пирушки, оканчивающіяся по наступленіи настоящаго праздника разговленія (*гайду-ль-фитръ*), послѣ котораго наступаетъ обыкновенная жизнь мусульманскаго населенія.

„Въ Іюнѣ или въ Іюлѣ [1]), какъ только появится на небѣ новая луна, со всѣхъ фортовъ въ большихъ городахъ Египта раздаются пушечные выстрѣлы; на площадяхъ взвиваются ракеты, а на улицахъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Такъ начинается священный мѣсяцъ. Магометане соблюдаютъ постъ весьма строго: не ѣдятъ, не курятъ и даже не пьютъ; а извѣстно, какъ мучительно не пить цѣлый лѣтній день подъ знойнымъ небомъ Африки. За то ночью они вознаграждаютъ себя за дневныя муки. Еще за нѣсколько минутъ до солнечнаго заката, на всѣхъ лицахъ появляется радость и оживленіе. Кофейни отперты. На очагѣ горитъ огонь, вода и кофе кипятъ въ сосудахъ. Всѣ торопятся туда съ трубками и табакомъ и почти въ изнеможеніи опускаются на ковры и диваны. Подлѣ каждаго посѣтителя ставится кружка съ водой, но его взоры очень часто обращаются къ минарету или къ часамъ; иные спрашиваютъ прислугу кофейни: скоро ли?—„Еще пять минутъ, еще двѣ минуты!“ слышится въ разныхъ углахъ кофейни. Наконецъ раздается съ минарета: „*Ля иляга илля-ллахъ, Мухаммедъ расулю-ль-ллахъ*“. Въ отвѣтъ на это радостное возваніе [2]) изъ всѣхъ устъ вылетаетъ громкое „Аллахъ! Аллахъ!“ Раздается пушечный выстрѣлъ. День окончился. Послѣ этого наступаетъ мертвая тишина. Всѣ заняты утоленіемъ голода и жажды. Кофейня

---

[1]) Авторъ приводимыхъ словъ, вѣроятно, не знаетъ, что постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ можетъ случиться во всякое время года. Н. О.

[2]) Воззваніе это радостно не само по себѣ, а потому что теперь именно, предъ вечеромъ оно возвѣщаетъ о наступленіи конца дневнаго поощенія. Н. О.

наполняется облаками табачнаго дыма, въ которомъ, какъ привидѣнія, мелькаютъ мальчики съ чашками кофе на подносѣ. Все собраніе молчитъ, пьетъ и куритъ: только по временамъ слышится: „Еще чашку, мальчикъ! Еще трубку, мальчикъ!“ Между тѣмъ ночь сходитъ на землю; минареты, дома и кофейни освѣщаются лампами; купцы отпираютъ лавки; ремесленники отпираютъ свои мастерскія, чиновники—диванъ (т. е. присутственныя мѣста). Начинается ночная жизнь мусульманина. Базары наполняются народомъ; въ кофейни являются сказочники, плясуны и фокусники; составляются группы зрителей и зѣвакъ. Пирожники и шербетники кричатъ на улицахъ; звѣнятъ стаканы и чашки; пѣсни, смѣхъ и говоръ не умолкаютъ. Такъ проходитъ ночь. Къ утру все утихаетъ. Каждый идетъ домой, чтобъ отдохнуть. За два часа до восхода солнца раздается выстрѣлъ изъ пушки; этотъ выстрѣлъ приглашаетъ мусульманъ встать и еще разъ поѣсть, чтобы не ослабѣть въ продолженіи наступающаго дня [1]). Чуть только забрежжетъ утренняя заря, муэззинъ восходитъ на минаретъ и провозглашаетъ азанъ первой утренней молитвы. Начинается день поста. Мухаммеданинъ молится, потомъ ложится спать и спитъ до полудня и долѣе“ [2]).

Одинъ католическій миссіонеръ такъ описывалъ изъ Алеппо, въ Сиріи образъ совершенія поста въ мѣсяцъ Рамазанъ: „Утромъ, какъ только сдѣлается невозможнымъ отличить бѣлую нитку отъ черной, мухаммеданамъ не позволяется уже ни пить ни ѣсть, ни брать трубки до

---

[1]) Этотъ утренній завтракъ извѣстенъ у мухаммеданъ подъ именемъ „*сухуръ*“ (سحور).

[2]) Природа и люди. Книга вторая. Изданіе второе. С.-ПБ. 1860, стр. 50—51. Составлено на основаніи соч. **Edward William Lane, Sitten und Gebrauche der heutigen Egypter. Aus dem Englischen übersetzt von Dr. Iulius Theodor Zenker, Chapt. XXI, XXII.**

захожденія солнца. Возможность различенія бѣлой нитки отъ черной особенно выгодна для людей съ слабымъ зрѣніемъ, которые и пользуются безсовѣстно закономъ Корана. Лишь только зайдетъ солнце, тѣ, которые обязаны созывать народъ на молитву (муеззинъ, азанчы) и голосъ которыхъ служитъ вмѣсто колоколовъ во всей Турціи, испускаютъ ужасные крики съ минаретовъ (башенъ) своихъ мечетей. По этому сигналу постившіеся принимаются за трубку и начинаютъ ѣсть. Эта первая закуска бываетъ обыкновенно довольно легкая и сопровождается прогулками, собраніями и всякаго рода развлеченіями. Народъ спѣшитъ на улицы; вездѣ виднѣются зажженныя лампы; даже городскія ворота отворяются, люди считаютъ себѣ *все* позволеннымъ, потому что постятся, а это покаяніе допускаетъ, кажется, величайшіе безпорядки. Такъ христіане говорятъ, что турки бываютъ тогда полусумасшедшими и христіане болѣе чѣмъ когда либо остерегаются тогда заводить съ мухаммеданами какія либо ссоры, будучи вполнѣ убѣждены, что послѣдніе не окажутъ къ нимъ никакой справедливости, если будутъ обижены. Послѣ этихъ ночныхъ развлеченій каждый входитъ въ себя и за нѣсколько часовъ до того момента, когда можно будетъ отличить бѣлую нитку отъ черной, совершаютъ большой ужинъ. На ужинѣ встрѣчается изобиліе и пріятность мясъ; на время Рамазана сберегается все, что есть болѣе питательнаго и болѣе лакомаго. Вы согласитесь, что это—забавный образъ препровожденія поста. Когда вы спросите у мусульманина, зачѣмъ они употребляютъ столько вкусныхъ и изысканныхъ яствъ? онъ отвѣчаетъ: *это значитъ, что я пощусь; если бы я не постился, то мой вечерній ужинъ былъ бы умѣреннѣе, но нужно поддержать себя....* Послѣ этого большаго вечерняго ужина, лишь только покажется солнце, большая часть ложатся, но не въ домахъ своихъ, а на диванахъ, выставленныхъ предъ домами. Это дѣлается для того, чтобы всѣ были свидѣтелями ихъ по-

каянія. Постящіеся обыкновенно появляются въ обществѣ только послѣ полудня, если необходимыя дѣла не нарушатъ ихъ покоя. Такимъ образомъ, вся суровость поста состоитъ въ приготовленіи лучшаго стола и въ измѣненіи ночи въ день.... Наши постники очень стараются обезображивать себя ужасною маскою суровости и меланхоліи; они ходятъ медленно, показываютъ изнуренный видъ и истощенное лице, которому придаютъ такое выраженіе, какое пожелаютъ. И нѣкоторые такого рода гримасами, самыми неловкими, довольно искусно успѣваютъ съ перваго раза. Для нихъ было бы очень дурнымъ комплементомъ, если ихъ поздравить со свѣжимъ лицомъ, съ видимою полнотою, съ хорошимъ здоровьемъ; они хотятъ во что-бы ни стало казаться кающимися“ [1]).

О прошлогоднемъ постѣ турокъ, продолжавшемся съ 8-го Сентября до 8-го Октября, писали въ одной русской газетѣ между прочимъ слѣдующее: „По наблюденію многихъ, заслуживающихъ полнаго нашего довѣрія, путешественниковъ, турки во дни Рамазана днемъ не принимаютъ ни одной капли воды, хотя бы ихъ мучила жажда. Даже трубка, эта неразлучная спутница турка, въ эти дни кладется въ сторону. Строгіе мусульмане остерегаются даже жевать (?) и нюхать какія либо душистыя эссенціи, напр. растенія, отдѣляющія эѳирныя масла. Но вотъ солнце клонится къ закату... Утомленный пощеніемъ взоръ мусульманина оживляется, сверкаетъ: онъ предвкушаетъ всѣ ночныя наслажденія. Закатъ солнца и прекращеніе дневнаго поста возвѣщаются тремя пушечными выстрѣлами (эти же пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ часы молитвы въ теченіи дня). Лишь толь-

---

[1]) **Biblioteque des amis de la religion. Lettres edifiantes et curieuses, ecrites par missionaires de la Compagnie de Iesus. Paris. 1829—30, p. 72—75. Ср. рус. переводъ въ приложеніи.**

ко прогремитъ послѣдній выстрѣлъ, огромныя пестрыя толпы постящихся бросаются къ колодцамъ совершить омовеніе, жадно хватаются за трубки, и густыя облака дыма свидѣтельствуютъ тогда, что постники, въ общемъ итогѣ, еще гораздо больше выкуриваютъ трубокъ, чѣмъ это требуется для вознагражденія ихъ дневныхъ лишеній... Тысячи голосовъ сливаются въ одинъ общій гулъ. Быстро отпираются лавки, погреба, подвалы,—все это ярко освѣщается. Шумъ и ликованіе продолжаются цѣлую ночь. Но лишь только начинаетъ брежжиться утро (этотъ моментъ называется *сабахъ*), какъ все утихаетъ, воцаряется мертвая тишина, снова начинается строгій постъ и лишенія“ [1]).

Вообще день мухаммеданскаго поста ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ обыкновенныхъ дней года; за то ночи мѣсяца Рамазана совершенно не походятъ на ночи прочихъ дней года. Отличіе это состоитъ въ томъ, что въ эти ночи зажиточный классъ мусульманъ предается всевозможнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Начиная съ ночи первой рамазанной пятницы [2]) минареты мечетей въ Стамбулѣ съ начала вечера иллюминуются разставленными по карнизамъ и развѣшанными на проволокахъ между минаретами шкаликами. Такое освѣщеніе, по словамъ г. Березина, необыкновенно увлекательно и представляется зажженнымъ, какъ бы на самомъ небѣ. Игривое воображеніе мусульманина, говоритъ онъ, придумало составлять изъ этихъ шкаликовъ [3]) разныя фигуры, слова и цѣлыя фразы.... Усиленная иллюминація обыкновенно бываетъ въ ночь съ пятницы на субботу. Затѣйливостію и богатствомъ освѣщенія отличалась всегда Сулеймаійя; но и другія мечети не оста-

---

[1]) Русскій міръ 1876 г. № 242.

[2]) Пятница, какъ извѣстно, почитается праздничнымъ днемъ у мухаммеданъ, недѣльнымъ праздникомъ. Н. О.

[3]) До послѣдняго времени для иллюминацій употреблялись разноцвѣтные шкалики.

ются безъ изысканныхъ освѣщеній. Такъ однажды на мечети Ая Софія пылала луна со звѣздою; на мечети Мухаммедія выплывала въ огнѣ султанская лодка; на мечети Баязеда—арабскія выраженія: „*я, хафизъ*“ (т. е. о, хранитель!), на мечети Валидійэ—выраженіе: „*я хазретъ ханефа барекъ* (т. е. да будетъ хваленъ господинъ Ханифа [1]); на мечети Сулеймапійя длинною лентою горѣли слова: „*я магбуд-улъ-ушшакъ*“ (т. е. о возлюбленный страстно любящихъ) [2]).

---

[1]) Абу-Ханифа-глава суннитскаго ханифитскаго толка, къ которому принадлежатъ турки и казанскіе мухаммедане.

[2]) По словамъ Кантеміра, при освѣщеніи всѣхъ мечетей Константинополя въ ночи Рамазана зажигаютъ, столь много лампадъ внутри и внѣ мечетей, что едва можно вычислить, какое громадное количество масла сожжется тогда „вотще“. Въ одной Софійской мечети зажигается 40,000 лампадъ; въ другихъ соборныхъ мечетяхъ (джами) зажигается не менѣе 20,000 лампадъ. Также и въ прочихъ мечетяхъ несборныхъ истребляется большое количество масла. По словамъ Кантеміра, во всѣхъ этихъ лампадахъ непремѣнно должно горѣть оливковое масло, остатки котораго на другую ночь уже не должны быть сожигаемы: каждую ночь необходимо наполнять лампады свѣжимъ масломъ.... Вокругъ минаретовъ и между ними протягиваются веревки, и на нихъ висятъ лампады. Изъ этихъ лампадъ выдѣлываются фигуры кораблей, башенъ и какого-нибудь имени Божія. Такъ освѣщаются мечети отъ перваго до четырнадцатаго дня Рамазана. Въ ночь 14-го дня на башняхъ мечетя Сулеймапійя выдѣлываютъ изъ лампадъ слова: „*Падишагумъ баклава*“ т. е. государь мой, пирогъ сахарный; на башняхъ Софійской мечети изображаютъ какъ бы въ отвѣтъ отъ падишаха на сдѣланное ему привѣтствіе: „*дишинге ташъ*“ т. е. камень зубамъ твоимъ. Внутреннее освѣщеніе мечетей и освѣщеніе вокругъ башенъ продолжаются до дня байрама. Когда въ ночь, предшествующую байраму, мусульмане замѣтятъ, что лампады не зажигаются, то считаютъ это признакомъ несомнѣннаго наступленія завтра байрама (Кніга сустіма, стр. 185—186).

Одновременно съ мечетями иллюминуются въ Стамбулѣ кофейни, украшаемыя кромѣ того разноцвѣтными гирляндами бумажныхъ цвѣтовъ. Въ кофейняхъ собирается множество посѣтителей, которые, кромѣ кофе и трубки, услаждаются еще слушаніемъ музыки, пѣніемъ какого нибудь пѣвца [1]), разсказами меддаха и наконецъ кукольной комедіей, извѣстной въ Стамбулѣ подъ именемъ „*хыяли зылль*“, или просто „*хязиль*“ [2]). Ни содержаніе пѣсенъ, ни содержаніе повѣстей меддаха, ни особенно содержаніе комедійныхъ представленій ни мало не отвѣчаютъ времени поста, особенно комедійныя представленія, о которыхъ говоритъ г. Березинъ, что въ нихъ особенную прелесть для мусульманина составляютъ соблазнительные въ нравственномъ отношеніи случаи. Чувственность въ этихъ представленіяхъ доведена до самыхъ крайнихъ предѣловъ: куклы постоянно являются хуже, чѣмъ въ натуральномъ видѣ и сцены совершаются такія и при томъ очень наивно „*отъ которыхъ само безстыдство отвратилось бы*“ [3]). Представленія эти, что замѣчательно, въ обыкновенное время года даются очень рѣдко; въ рамазанныя же ночи они значительно усиливаются, такъ что на одного разскащика повѣстей (меддаха) приходится, по словамъ г. Березина, до пяти представленій. Представленія эти начинаются съ девяти часовъ вечера и кончаются къ одиннадцати или двѣнадцати часамъ. Замѣтимъ съ своей стороны по поводу этихъ представленій, что мухаммеданское законодательство опустило изъ виду характеръ увеселеній въ ночи священнаго мѣсяца и ничего о нихъ не сказало. Заботясь о совершенно внѣшнемъ, тѣлесномъ, воздержаніи, оно не

---

[1]) Пляска, обыкновенно сопровождающая пѣніе, во время Рамазана почти не допускается въ Стамбулѣ.

[2]) О характерѣ этихъ сказокъ см. въ ст. „Рамазанъ въ Стамбулѣ“, стр. 689—697; о характерѣ комедій стр. 697—702.

[3]) Рамазанъ въ Стамбулѣ, стр. 698. Курсивъ поставленъ нами. Н. О.

могло дойти въ своихъ предписаніяхъ о внутреннемъ воздержаніи и своимъ умолчаніемъ объ этомъ послѣднемъ предметѣ дало поводъ къ существованію столь неприличныхъ времени поста развлеченій.

Такимъ образомъ идутъ дни Рамазана въ Стамбулѣ: одинъ день похожъ на другой, за исключеніемъ немногихъ дней. Въ половинѣ Рамазана, 15-го числа совершается въ Стамбулѣ замѣчательный по своей торжественности и по своему совершенному противорѣчію основному духу религіи Мухаммеда, отрицающей почитаніе видимыхъ предметовъ, обрядъ „цѣлованія Мухаммедова плаща", хранящагося на третьемъ дворѣ стараго сераля, въ залѣ эриванскаго кіоска, извѣстной подъ именемъ „*Хирке-и-шерифъ одаси*" т. е. комната священнаго плаща. Въ самой срединѣ этой залы, увѣшанной планами Мекки, Медины и Каабы и обитой черною матеріей, на которой вышиты изрѣченія Корана, стоятъ два дорогіе сундука [1]). Вокругъ этихъ сундуковъ поставлены два золотыхъ и четыре серебряные подсвѣчника, а надъ самыми сундуками висятъ четыре серебряныя лампы. Эти подсвѣчники и лампы зажигаются ежедневно по ночамъ. Въ ночи понедѣльниковъ и пятницъ еженедѣльно находятся въ этой залѣ придворные пажи, такъ какъ въ эти дни воспоминаются зачатіе и рожденіе Мухаммеда.... Въ одномъ изъ этихъ сундуковъ нахо-

---

[1]) По словамъ Д'Оссона, этотъ плащъ вмѣстѣ съ другими вещественными принадлежностями Мухаммеда въ старинныя времена хранился въ тронной залѣ султанской, а послѣ былъ перенесенъ въ названную залу эриванскаго кіоска и положенъ на четвероугольный столъ, стоящій посреднѣ и покрытый чернымъ сукномъ на краяхъ котораго изображены стихи Корана. На столѣ сдѣланы мѣста для одежды Мухаммеда и для его знамени. По обѣимъ сторонамъ стола стоятъ два золотые подсвѣчника и четыре серебряные. Одинъ изъ первыхъ и два изъ послѣднихъ никогда по ночамъ не погашаются, равно какъ и четыре серебряныя лампады, прицѣпленныя къ сводамъ. Надзирателями за этимъ зданіемъ служатъ султанскіе служители; двое изъ нихъ по очереди проводятъ тамъ по цѣлымъ суткамъ, дважды въ недѣлю, именно по понедѣльникамъ и пятницамъ, въ воспоминаніе двухъ ночей зачатія и рожденія Мухаммеда. Каждый начинаетъ отбывать свою очередь съ захожденія солнца. Полная картина оттоманскія имперіи. Томъ первый (С.-ПБ. 1795) стр. 352—353.

дится знаменитое знамя Мухаммеда, а въ другомъ его плащъ [1]), тщательно завернутый въ сорокъ оболочекъ изъ дорогихъ матерій. Зала, въ которой хранятся эти мусульманскія древности, пользуются у турокъ весьма большимъ почетомъ. Султаны не рѣдко уединяются сюда для совершенія молитвъ и тогда зажигаютъ здѣсь всѣ свѣчи и лампы, а въ серебряной курильницѣ горитъ амбра и алоэ [2]). Султаны турецкіе истратили очень много денегъ на украшеніе этой залы, но болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ султанъ Махмудъ I, который въ продолженіи своего 15-тилѣтняго царствованія (1730—1745) истратилъ на устройство новыхъ сундуковъ 78,000 серебряныхъ драхмъ и на отдѣлку самой залы болѣе 20,000 серебряныхъ драхмъ.

Обрядъ цѣлованія плаща совершается въ присутствіи султана, окружаемаго всѣми высшими сановниками Константинополя (муфтіемъ, великимъ визиремъ, министрами и пр.) Когда съ извѣстными молитвами и съ видимымъ благоговѣніемъ снимутъ съ плаща всѣ сорокъ покрывалъ, султанъ первый съ уничиженіемъ цѣлуетъ эту одежду Мухаммеда и отходитъ въ сторону. Послѣ султана цѣлуютъ плащъ присутствующіе при этомъ обрядѣ сановники. Цѣлованіе пройсходитъ въ извѣстномъ строгомъ порядкѣ, за которымъ наблюдаетъ оберъ-церемоніймейстеръ съ булавою въ рукахъ [3]). Одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, послѣ каждаго поцѣлуя, отираетъ плащъ особымъ кисейнымъ платкомъ, какой и получаетъ цѣловавшій. Масса платковъ заранѣе приготовляется для этого.

По окончаніи обряда цѣлованія, муфтій и Накибу-льашрафъ, глава Эмировъ, т. е. султанъ бережно опускаютъ цѣлуемую часть плаща въ серебряный сосудъ съ

---

[1]) Исторію этого плаща см. ниже, въ гл. V.

[2]) Изображеніе внутренности этой комнаты можно видѣть на 26 и 27 рисункахъ, приложенныхъ къ названному сочиненію Д'Оссона.

[3]) По Д'Оссону, Силигдаръ—Ага съ саблей въ рукахъ. Стр. 350.

водою (Абъ-и-хирке-и-шерифъ) и слегка полощутъ его здѣсь. Затѣмъ плащъ завертываютъ во всѣ сорокъ покрововъ и опускаютъ въ сундукъ до будущаго года. Султанъ и сановники отправляются домой, причемъ гремятъ пушечные выстрѣлы.

Вода, въ которую былъ опущенъ плащъ Мухаммеда [1]), считается послѣ того священною и начальникъ обительницъ султанскаго гарема (кызларъ агасси) разливаетъ ее въ безчисленное множество пузырьковъ, которые глава евнуховъ (даръ сеадетъ-агасси) печатаетъ султанскою печатью и разсылаетъ съ придворными служителями (балтада) ко всѣмъ сановникамъ, участвовавшимъ въ обрядѣ цѣлованія. Эта-то вода и употребляется ими въ остальные дни Рамазана предъ началомъ вечерняго вкушенія пищи [2]). Султану взамѣнъ этой воды придворные пажи доставляютъ нѣсколько длинныхъ пузырьковъ съ ароматной водой (бухуръ суи), приготовленной изъ амбры, алоэ и другими благовоніями, и воду перваго весенняго (апрѣльскаго) дождя, которой приписывается цѣлебное свойство и которая собирается для этой цѣли въ фарфоровыя вазы, выставленныя на крышѣ; на случай невыпаданія дождевой воды въ Апрѣлѣ текущаго года, пажи имѣютъ въ запасѣ прошлогоднюю воду [3]).

Во время Кантеміра обрядъ цѣлованія Мухаммедова плаща совершался за три дня до наступленія Рамазана и водою, остающеюся отъ омовенія плаща и раз-

---

[1]) Вода эта извѣстна подъ именемъ „аб-и-хирке-и-шерифъ“ т. е. вода священнаго плаща.

[2]) Обыкновенно нѣсколько капель этой воды вливается въ сосудъ наполненный обыкновенной водой, которая и употребляется для питья предваряющаго вкушеніе пищи. По словамъ Д'оссона, день совершенія обряда цѣлованія плаща нуженъ былъ янычарамъ, которые были собираемы на второмъ Серальскомъ дворѣ и получали отъ имени султана множество большихъ сосудовъ съ сахарными закусками и миндальными пирогами, которые они дѣлили въ своихъ казармахъ по-ротно. Стр. 350.

[3]) Рамазанъ въ султанскомъ дворцѣ и Бейрамъ. Ст. И. Н. Березина. Русскій Вѣстникъ. 1856. т. 2. Мартъ. кн. первая, стр. 138—140.

сылаемою указаннымъ образомъ, турецкіе сановники утоляли свою жажду каждодневно въ теченіи Рамазана, проглатывая по три глотка обыкновенной воды, соединенной съ нѣсколькими каплями присланной изъ дворца воды. По этому случаю Кантеміръ разсказываетъ, что онъ нѣсколько разъ доставалъ отъ своихъ близкихъ знакомыхъ сосудъ съ водою, присланный изъ дворца, и хранилъ ее цѣлый годъ. Наблюдая за этою водою, онъ усматривалъ, что чрезъ нѣсколько дней въ пузырькѣ образовывался густой осадокъ зеленоватаго цвѣта. Кантеміръ предупреждалъ поэтому, чтобы какой нибудь безразсудный не приписалъ этой водѣ свойства неизмѣняемости вслѣдствіе ея мнимаго освященія плащемъ Мухаммеда. Онъ говоритъ, что сосуды (пузырки), въ которые разливается эта вода, облепляются мастиковою смолою, а горло ихъ заливается краснымъ почтовымъ сургучемъ; по-сверхъ воску самое устье пузырьковъ закрывается кожею сихтіянъ, концы которой привязываются къ горлу шнуркомъ; припечатываются сургучемъ. Такимъ образомъ воздухъ не имѣетъ доступа въ пузырь съ этою водою и устраняется отъ воды гніеніе. Онъ дѣлалъ опыты надъ этою водою, впуская въ сосудъ воздухъ и замѣчалъ, что чрезъ шесть дней вода начинала мутиться, густѣть, а наконецъ даже и смердѣть.

Плащъ Мухаммеда (хирке-и-шерифъ), хранимый въ Сералѣ составляетъ предметъ почитанія высшихъ сановниковъ Константинополя; для простаго народа тамъ есть другая одежда Мухаммеда изъ грубой верблюжьей шерсти, отказанная имъ одному изъ усерднѣйшихъ своихъ учениковъ, Увеиссу-ль-Аремію, потомки котораго два слишкомъ столѣтія назадъ поселившіеся въ Константинополѣ, со всевожнымъ тщаніемъ сохраняютъ ее. Эта одежда всегда находится на рукахъ у старшаго потомка Увеиса, который и называется потому „Хирке-и

---

*) Книга Cvctima, стр. 30—31.

шерифъ шейхи" т. е. начальникъ священной одежды. Во время Д'Оссона такимъ правомъ пользовался Сагидъ Османъ Эфенди, хотя онъ и не былъ первымъ мюдаррисомъ [1]) въ Константинополѣ. Эта одежда, подобно первой, завернута въ сорокъ оболочекъ изъ дорогихъ тканей; хранится же она въ особенномъ богато убранномъ каменномъ зданіи въ предмѣстьиЕски Али Паша Мехаллеси. Въ послѣдніе пятнадцать дней Рамазана она выставляется наружу для всенароднаго поклоненія ей. Безчисленное множество людей обоего пола и всякаго возраста и состоянія приходятъ смотрѣть эту одежду и приносятъ съ собою жертвоприношенія, состоящія не въ деньгахъ или тканяхъ, а въ благовонныхъ алоевыхъ и янтарныхъ порошкахъ. Нѣкоторые приносятъ кромѣ того кисеи, служащей къ немалому обогащенію ея оберегателя. Два близкихъ родственника Сагидъ Османа, попеременно стоятъ около этой одежды съ наклоненной головой, съ поджатыми руками и съ видомъ глубокаго благоговѣнія. Приходящіе цѣлуютъ край одежды, причемъ одна женщина изъ того же семейства, съ покрытымъ лицемъ раздаетъ воду, точно такъ же приготовленную, какъ и серальская. Каждый приходящій наливаетъ этой воды въ небольшія стекляницы и потомъ продаетъ ее въ находящейся вблизи этого зданія лавкѣ. Стекающихся къ этой одеждѣ бываетъ тѣмъ больше, что простому народу не доступенъ входъ въ Сераль, гдѣ только султанъ и высшіе сановники имѣютъ возможность цѣловать первую одежду Мухаммеда [2]).

Всѣ тридцать дней и ночей мѣсяца Рамазана почитаются у мухаммеданъ священными, но послѣднія три

---

[1]) Мюдаррисъ (مدرس) буквально означаетъ „преподавателя". Такъ называются у мухаммеданъ ученые имамы, занимающіеся преподаваніемъ въ школахъ (мядряся). Н. О.

[2]) Полная картина Оттоманскія Имперіи, стр. 351.

ночи, заканчивающія мѣсяцъ поста и предшествующія празднику, считаются священными по преимуществу. Изъ этихъ же трехъ ночей болѣе священною почитается ночь съ 26 на 27 число Рамазана извѣстная у ученыхъ мухаммеданъ подъ именемъ „*ляйляту-ль-кадръ*“, а у простаго народа подъ именемъ „*кадыръ кечесе*“ т. е. „ночь опредѣленій“, разумѣется божественныхъ [1]). Въ эту именно ночь, по вѣрованію мухаммеданъ, небесный подлинникъ Корана былъ ниспущенъ ангеломъ Гавріиломъ съ седьмаго, самаго высшаго, неба на первое и самое ближайшее къ землѣ небо [2]), и отсюда уже было постепенно передаваемо содержаніе мнимо-небеснаго подлинника Мухаммеду въ продолженіи 23-хъ лѣтъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, самое первое мнимое откровеніе Мухаммеду было дано впродолженіе ночи опредѣленій. Но несомнѣнно, что въ эту именно ночь Богъ раздаетъ ангеламъ свои опредѣленія, относящіяся къ міру вообще и къ человѣку въ частности. Опредѣленія эти имѣютъ

---

[1]) Мухаммедане не согласны между собою въ точномъ назначеніи числа для этой ночи. См. прим. на гл. 17 Корана въ переводѣ Колмакова. Кантеміръ называетъ эту ночь „Арафе Гиджеси“ и говоритъ, что эта ночь бываетъ на канунѣ Байрама. См. Кніга Сустіма, стр. 182. Лейне ссылается на одно преданіе Мухаммеда, въ которомъ ночью опредѣленій считается одна изъ непарныхъ ночей, именно 21-я, 23-я, 25-я, 27-я или 29-я. **Sitten und Gebräuchen der heutigen Egypten B. III, s. 105.** Муѣджимъ-Башы Ахмедъ Эфенди пишетъ: „Неугодно однакоже Всевышнему было открыть вѣрнымъ, ни даже пророку и какому-нибудь святому, когда настаетъ эта ночь, а считается такою одна изъ нечетныхъ ночей Рамазана; по общему же обычаю проводятъ въ постѣ и покаяніи 27-го ночь луны Рамазана“. Д'Оссонъ, стр. 343; ср. Фазаилю-ш-шугуръ, стр. 43.

[2]) По вѣрованію мухаммеданъ, Коранъ существовалъ еще до сотворенія міра, содержаніе его было внесено на извѣстную скрижаль опредѣленій (ляуху-ль-махфузъ), сотворенную Богомъ прежде всего и сохраняемую постоянно подъ престоломъ Аллаха.

уже силу на цѣлый слѣдующій годъ и измѣнить ихъ, отклонить ихъ исполненіе никто не въ силахъ (судьба). Полная таинъ и чудесъ, ночь опредѣленій считается самою священною [1]) ночью въ году; ради спасительной силы этой ночи мухаммедане стараются проводить ее безъ сна: одни—въ мечети, другіе—дома, всѣ—въ богомысліи, молитвѣ или непрестанномъ чтеніи Корана. Впродолженіе этой ночи, по вѣрованію мухаммеданъ, молятся даже неодушевленные предметы..... Казанскій хаджи, Абду-лъ-Гаффаръ, печатно заявилъ въ 1867 году о своемъ, основанномъ на личномъ наблюденіи, убѣжденіи въ томъ, что волны аравійскаго залива, по которому онъ плылъ въ эту ночь на пути изъ Египта въ Медину, покланялись Богу [2]) и дѣлались сладкими [3]). Только до утренняго разсвѣта продолжается чудесно-спасительная сила этой ночи, но за то эта ночь въ очахъ Божіихъ дороже тысячи мѣсяцевъ, какъ сказано въ Коранѣ: „*Подлинно, мы* (Богъ) *ниспослали его* (Коранъ) *въ „Ночь опредѣленій.... О, еслибы кто вразумилъ тебя, что такое „Ночь опредѣленій“!—„Ночь опредѣленій“ лучше тысячи мѣсяцевъ: ангелы и духъ [4]), по изволенію Господа*

---

1) Всѣхъ священныхъ ночей (ляйляту-лъ-мубаракатъ) въ году считается у мухаммеданъ *семь:* 1) Ночь рожденія Мухаммеда въ мѣсяцъ Рабигу-лъ-авваль; 2) Ночь зачатія Мухаммеда въ мѣсяцѣ Раджабъ; 3) Ночь смерти Мухаммеда въ томъ же мѣсяцѣ; 4) Ночь „*ляйляту-лъ-бераятъ*“ въ мѣсяцѣ Шагбанѣ: 5) Ночь опредѣленій въ мѣсяцѣ Рамазанѣ; 6) Ночь на канунѣ праздника разговленія; 7) Ночь на канунѣ праздника жертвоприношенія въ мѣсяцѣ Дзу-лъ-хиджа.

2) Самаго способа поклоненія волнъ почтенный хаджи не описываетъ, но естественно предполагать, что волны совершали стоянія, поясные поклоны и земные поклоны, какъ дѣлаютъ это мухаммедане во время молитвы

3) Справочный листокъ города Казани. 1867 г. № 13, Д'Оссона, стр. 343.

4) Въ этомъ мѣстѣ подъ духомъ разумѣется Ангелъ Гавріилъ. Ср. Соч. Г. С. Саблукова. Приложеніе 11.

своего, нисходятъ въ продолженіи ея (на землю съ опредѣленіями) *о всякомъ дѣлѣ. Мирна она до появленія зари* [1])". Мухаммедане вѣрятъ, что молитвы въ эту ночь гораздо скорѣе доходятъ до Бога и исполняются и что всякое богоугодное дѣло, совершенное въ теченіи этой ночи, стоитъ въ очахъ Божіихъ дороже такого же дѣла, совершаемаго въ продолженіи тысячи мѣсяцевъ [2]).

Казанскіе мухаммедане проводятъ ночь опредѣленій большею частію за чтеніемъ Гафтіака; въ Константинополѣ же впродолженіе этой ночи совершается нѣчто особенное. Заимствуемъ описаніе этой ночи у г. Березина. Въ восемь часовъ вечера пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ выѣздъ султана изъ дворца въ топханскую мечеть [3]) на молитву: эта мечеть предпочитается прочимъ въ ночь судьбы. Топханскія казармы иллюминуются, хотя и довольно бѣдно: впереди горятъ „мушалы" фонари съ дровами внутри вмѣсто соломы; по берегу и на лодкахъ на Босфорѣ зажигаются бенгальскіе огни. Мечети иллюминуются ярко, но лишь одними фигурами безъ всякихъ фразъ, и притомъ фигуры помѣщаются на деревахъ, приставленныхъ къ минаретамъ, а не на проволокахъ: такъ на топханской мечети горѣлъ щитъ, на Солеманійя пылала мечеть съ двумя минаретами; на Софійской мечети являлся „менберъ" кафедра: на Баязидійя красовался султанскій каикъ (лодка) и т. д. на куполахъ минаретовъ разставлены въ небольшомъ числѣ разноцвѣтные шкалики.

Помолившись въ мечети около часу, султанъ возвращается во дворецъ при пушечныхъ выстрѣлахъ и при свѣтѣ ракетъ, пускаемыхъ изъ Топханэ на Босфоръ: темная ночь и голубыя волны Босфора и золотаго рога

---

[1]) Коранъ, гл. 97, ст. 1—5

[2]) Объ этомъ см. ниже.

[3]) По словамъ Вамбери, султанъ въ великолѣпно иллюминованной лодкѣ отправляется къ пристани сераля, а оттуда въ мечеть, стр. 162—163. Очерки нравовъ и жизни Востока.

придаютъ этому освѣщенію особенную прелесть. Во дворцѣ ожидаетъ султана чисто-мусульманскій подарокъ: по заведенному обычаю, султанша-мать даритъ своему сыну въ эту ночь дѣвственницу избранной красоты, можетъ быть, будущую повелительницу имперіи, потому что гаремъ еще не потерялъ власти въ Турціи. По словамъ Д'Оссона, въ эту ночь (равно какъ и въ другія „священныя" ночи года) мечети не запираются и бываютъ полны молящимися, хотя это и не обязательно. Набожные турки хранятъ тогда воздержаніе: мужья не спятъ съ женами, хозяева съ невольницами, вѣря, что отъ того ролятся дѣти увѣчныя: горбатыя, хромыя и т. п. Одинъ султанъ освобождается отъ такого воздержанія. При возвращеніи его изъ Софійской мечети въ сераль вездѣ зажигаются разноцвѣтныя фонари, какіе обыкновенно употребляются у мухаммеданъ въ первую ночь браковъ. Султанъ беретъ себѣ на постелю дѣвственницу, и если она забеременѣетъ, то это считается предзнаменованіемъ его благополучнаго царствованія и благоденствія всей Имперіи [1]).

Вслѣдъ за султаномъ расходится и весь народъ, сбѣжавшійся на „тамашу" зрѣлище. Въ городѣ настаетъ мертвая тишина: кофейни пусты, нѣтъ не меддаховъ (разскащиковъ) ни карагезовъ (комедіантовъ); всѣ мусульмане сидятъ дома и молятся, а нѣкоторые „сильные умы"—спятъ, считая молитву напрасною. И въ самомъ дѣлѣ проходитъ годъ, наступаетъ и другая ночь судьбы, а ни одно завѣтное желаніе, высказанное мусульманиномъ въ прошлую священную ночь, не исполнилось..... И никогда не исполняется. Къ чему же и молиться? Лучше спать и ѣсть въ ожиданіи благословеннаго Байрама [2]). Въ прошломъ году, по извѣстіямъ одной русской газе-

---

[1]) Д'Осонъ, Полная картина Оттоманскія Имперія. Рус. пер. т. I, стр 343—344.

[2]) Рамазанъ въ Стамбулѣ, стр. 703—704. Рус. Вѣстн. 1855. т. 1. Февраль. кн. вторая.

ты, султанъ Абдулъ Гамидъ получилъ въ даръ дѣвушку изъ рукъ одной дамы дворца, которая воспитывала султана и считается теперь султаншей Валидэ, за смертію кровной матери Абдулъ-Гамида. На этой дамѣ поэтому и лежитъ обязанность пріискать красавицу для султана и подарить ему ее въ священную ночь Рамазана [1]).

Къ особенностямъ торжества турокъ въ ночь опредѣленій относится еще обычай выставлять тогда для поклоненія мусульманамъ, какъ предметъ особаго благоговѣнія „*два* передніе зуба Мухаммеда“ выбитые у него во время его битвы съ мекканцами въ 624 г. [2]), и хранящіеся въ футлярѣ роскошно-украшенномъ драгоцѣнными камнями [3]).

Послѣдніе дни Рамазана имѣютъ у мухаммеданъ значеніе приготовительныхъ дней къ празднованію дня разговленія или вѣрнѣе для прекращенія хотя своеобразнаго, но все же тяжелаго поста. Ко встрѣчѣ этого праздника всѣ домохозяева приготовляются съ особеннымъ усердіемъ, но приготовленія эти, такъ же какъ и приготовленія къ самому посту, бываютъ чисто внѣшнія. „Въ три послѣдніе дня поста въ Стамбулѣ заняты приготовленіемъ къ празднику: дома чистятъ, моютъ, женщины шьютъ себѣ обновы изъ матерій, накупленныхъ въ теченіи Рамазана; базары пусты, въ городѣ ночью и днемъ тишина; въ золотомъ Рогѣ являются откуда-то военные турецкіе карабли, впрочемъ не болѣе трехъ. На канунѣ байрама эти корабли и пароходы османскіе

---

[1]) Русскій міръ 1876 г. № 252—„Изъ Константинополя“.

[2]) Исторія Восточнаго Калифата. Рус. пер. Казань 1862—63 г.

[3]) Германъ Вамбери, Очерки нравовъ и жизни Востока, стр. 177. По словамъ Д'Оссона одинъ зубъ хранится въ Сералѣ, а другой—въ мечети при гробѣ Султана Магомеда Втораго. Зубы эти извѣстны подъ арабскимъ именемъ „*Сиинну-ш-шерифъ*“ т. е. „благородные, священные зубы“. См. полная картина Оттоманскія Имперіи. Рус. пер. т. I, стр. 351—352.

для большаго эффекта вывѣшиваютъ свои сигнальные флаги, а въ три часа по полудни пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ преддверіе байрама. Все пожилое народонаселеніе предается радостной мысли, что постъ конченъ, но молодежь жалѣетъ о карагезахъ и меддахахъ и даетъ себѣ обѣщаніе уже не такъ повеселиться въ будущій Рамазанъ. Никто не выноситъ изъ поста ровно ничего, кромѣ воспоминанія о тяжелыхъ дняхъ и пріятныхъ ночахъ: въ будущемъ остается длинная перспектива обыденной жизни до новаго поста, прерывающаго однообразіе мусульманскаго существованія.

„Ночь на канунѣ Байрама имѣетъ особенное значеніе во дворцѣ падишаха: въ прежнее время султанъ проводилъ часть этой ночи въ одной изъ залъ дворцовыхъ офицеровъ, гдѣ смотрѣлъ на игры пажей и слушалъ мудрые трактаты мусульманской морали; нынѣ (1855 г.) падишахъ лишь молится въ своей молельнѣ, потомъ одѣвается въ парадное платье, принимаетъ поздравленіе дворцовыхъ обитателей и наконецъ отправляется въ тронную залу, гдѣ застаетъ его байрамъ [1])".

Въ Каирѣ съ наступленіемъ 29-го числа Рамазана общество ремесленниковъ и купцовъ въ праздничныхъ нарядахъ собирается къ торжественной церемоніи. Послѣ полудня они движутся по улицамъ, а за ними играетъ военная музыка. Процессія все увеличивается отъ наплыва народа. Наконецъ показывается новая луна. Солнце заходитъ. Муэззинъ распѣваетъ азанъ, на минаретѣ выставляютъ красный флагъ и пушечные выстрѣлы заканчиваютъ Рамазанъ. На другой день тѣже выстрѣлы привѣтствуютъ уже байрамъ [2]).

И такъ мѣсяцъ Рамазанъ, а съ нимъ и мухаммеданскій постъ оканчивается съ появленіемъ новой луны

---

[1]) Рамазанъ въ султанскомъ дворцѣ и байрамъ, стр. 140—141. Рус. Вѣсти. 1856. т. 2, Мартъ, кн. первая.

[2]) Природа и люди, кн. 2, стр. 52.

слѣдующаго мѣсяца Шевваля. Окончанія поста, не смотря на всѣ его поблажки чувственности, мухаммедане вездѣ и всегда ждутъ съ нетерпѣніемъ. Пресыщеніе въ продолженіи остальныхъ ночей наконецъ становится не желательнымъ болѣе. Но не рѣдко у мухаммеданъ возникаютъ очень серьезныя недоумѣнія по случаю окончанія Рамазана. Въ темныя, облачныя ночи также бываетъ трудно усмотрѣть новопоявившуюся луну Шавваля, какъ не легко опредѣлить время наступленія Рамазана при темномъ, облачномъ небѣ. Тогда принимается во вниманіе свидѣтельство уже двухъ мужчинъ (а не одного, какъ при наступленіи Рамазана), или же одного мужчины и двухъ женщинъ [1]. Отъ этихъ свидѣтелей необходимо при этомъ требуется, чтобы они были люди добросовѣстные, имѣли бы совершенный возрастъ и обладали бы полнымъ умомъ [2]. При ясности неба появленіе луны Шавваля должно быть засвидѣтельствовано цѣлымъ обществомъ. Дозволяется также считать время поста окончившимся по заявленію двухъ добросовѣстныхъ, достовѣрныхъ людей о томъ, что они пропостились уже тридцать дней и что слѣдовательно Рамазанъ долженъ окончиться. Не смотря на всѣ эти правила опредѣленія конца Рамазана, мухаммедане не обходятся иногда безъ

---

[1]) Женщина равняется въ мухаммеданскомъ законовѣдѣніи половинѣ мужчины. При этомъ невольно представляется страннымъ разсужденіе мухам. законовѣдовъ, которые при опредѣленіи начала поста довольствуются показаніемъ даже одной женщины, голосъ которой въ этомъ случаѣ принимается за равный съ голосомъ мужчины, а при опредѣленіи конца поста и двѣ женщины не имѣютъ законной достовѣрности. Съ другой стороны намъ думается, что было бы гораздо логичнѣе побольше вниманія обращать на начало поста, чтобы по началу точно опредѣлить и конецъ.

[2]) Во время Кантеміра для опредѣленія конца Рамазана и начала слѣдующаго мѣсяца отправлялись на Олимпійскія и Гоппійскія горы особые соглядатаи, которые спѣшили въ Константинополь, или Адріанополь, какъ только усматривали новую луну, точно также какъ это дѣлалось при наступленіи Рамазана. Случалось иногда, что эти соглядатаи опаздывали въ дорогѣ и только къ полудню перваго дня праздника могли сообщить туркамъ о своемъ наблюденіи за новолуніемъ. Тогда люди, пребывая доселѣ въ сѣтованіи поста, услышавъ о началѣ праздника, тотчасъ приступали къ веселію и празднованію Байрама. Книга Систіма, стр. 181.

шумныхъ споровъ о концѣ поста и началѣ праздника *(гайду-ль-фитръ)*. Подобные случаи извѣстны и въ средѣ казанскихъ мухаммеданъ. Одинъ такой спорный случай описанъ былъ въ казанской газетѣ „Справочный листокъ“ за 1867 годъ. „Въ послѣдній вечеръ дня Рамазана, 24 января,—разсказываетъ очевидѣцъ,—мы сидѣли вдвоемъ (съ Хаджи-Абдулъ-Гаффаромъ, жителемъ Казани), но слобода (татарская) была полна движеніемъ; спящихъ не было ни въ одномъ домѣ. Мечети были освѣщены и наполнены молящимися. Толпы народа окружали минареты, на которыхъ давно уже стояли азанчи, обращенные лицомъ къ Волгѣ, на западъ, ожидая появленія слабой, обыкновенно чуть видной нитки молодаго мѣсяца. Мы вышли ждать, но крѣпкій морозъ спалъ къ вечеру; тучи закрыли небо и увидать молодой мѣсяцъ, предвѣстникъ начала праздника и новаго луннаго мѣсяца, Шевваль, слѣдующаго за Рамазаномъ, было невозможно. Въ нынѣшнемъ (1867) году ожидали впрочемъ недолго. Поднявшійся было споръ о времени появленія новаго мѣсяца былъ рѣшенъ скоро старымъ Абдулъ-Гаффаромъ, который вынесъ письмо изъ Семипалатинска. Въ немъ извѣщалось о точномъ времени появленія луны Рамазана. Тамъ, въ степи, при чистотѣ горизонта и при зоркости глазъ, привычныхъ къ степи, увидѣли его (луну?) раньше. По разсчету чрезъ 30 дней приходилось начало праздника въ 9 ч. 32 м. [1])“. Опредѣленіе наступленія новаго мѣсяца и служитъ мухаммеданамъ законнымъ основаніемъ для начала ихъ праздника, слѣдующаго непосредственно за постомъ..... Самаго праздника мы не касаемся. Мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что въ первый день этого праздника приходскій имамъ въ своей молитвенной рѣчи (хутьба) высказываетъ между прочимъ сожалѣніе объ окончаніи Рамазана. „Знайте, о вѣрующіе! говоритъ имамъ своимъ слушателямъ, что

[1]) Справоч. лист. 1867. № 13.

симъ-то днемъ оканчивается мѣсяцъ Рамазанъ, этотъ почтенный и священный мѣсяцъ.... Ахъ, сколь мы должны быть опечалены и огорчены, что мѣсяцъ Рамазанъ окончился! Увы! Его блестящій свѣтъ пропадаетъ 1), его движенія прекратились.... Привѣтствую тебя, о мѣсяцъ міра и безопасности! Привѣтствую тебя, о мѣсяцъ отпущенія и снисхожденія! Прощай! Прощай, о мѣсяцъ покаянія, прощенія и освобожденія отъ огня и ада!— Прощай! Прощай, о священное время, въ которое низошло милосердіе и благословеніе Царя – Покровителя и Благодѣтеля! 2)

N. B. Въ мечетяхъ Персіи и Индіи произносятъ потомъ стихи персидскіе, переводъ которыхъ слѣдующій:

„О, печаль! о, скорбь!... Ты прошелъ, о мѣсяцъ Рамазанъ! Прощай! мои глаза уже не увидятъ тебя, о мѣсяцъ Рамазанъ! Прощай!

„Я былъ вполнѣ веселъ, я дожилъ до мѣсяца благословеннаго... Но сегодня съ глазами полными слезъ я долженъ сказать тебѣ: о, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

„Увы! на твоемъ дворѣ я остался погруженнымъ въ безпечность, я не опредѣлилъ твоей цѣны; я усмотрѣлъ очень поздно; необходимо сказать тебѣ: о, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

„Идя возлѣ меня, ты посѣялъ въ моемъ сердцѣ успѣхъ дружбы. Долженъ ли ты бросить меня такъ рано? О, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

„Съ той минуты, какъ ты имѣлъ намѣреніе удалиться, покой оставилъ меня, скорбь объяла меня. О, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

---

1) Думаютъ, можетъ быть, здѣсь объ освѣщеніи, какое бываетъ въ продолженіе ночей этого мѣсяца. См. **Tableau de Empire ottoman de M. d'Ohsson, t. III, p. 32.** Ср. наше описаніе освѣщенія Стамбула, о' которомъ говорено въ этой главѣ.

2) Это намѣкаетъ на ниспосланіе Корана, которое совершилось въ этомъ мѣсяцѣ, именно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, 19-го числа.

„Въ твоемъ отсутствіи, мое сердце предается смертной печали; мои глаза проливаютъ потокъ слезъ, подобный Жейхуну (Аму-Дарьи). Что будетъ со мною теперь, когда ты скрылся отъ меня? О, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

„Среди печали, въ какую я погруженъ, я испускаю жалобные стоны, я проливаю кровавыя слезы. О мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

„Не смотря на слабость моего тѣла, я увидѣлъ твое лице съ удовольствіемъ и говорю съ печалью: о, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!

„Мухаммедъ, избранный, другъ, любимецъ Аллаха, говорилъ очень часто: о, печаль! о, предметъ воздыханій!... о, мѣсяцъ Рамазанъ, прощай!“ [1])

---

[1]) Миссіонер. противомусульман. Сборникъ, выпускъ XIII, стр. 97—98

IV. Христіанское и мухаммеданское богослуженіе во время поста. Христіанскій и мухаммеданскій взглядъ на спасительность поста.

Христіанская церковь, установивши такой высокій и вмѣстѣ вполнѣ естественный взглядъ на постъ и значеніе его въ нравственно-религіозной жизни человѣка, считая постъ тѣлеснымъ и духовнымъ воздержаніемъ [1]), сообразно этому установила для поста (разумѣемъ постъ св. Четыредесятницы) особое богослуженіе, отличающееся отъ богослуженія прочихъ дней года и своею большею продолжительностію, и особымъ внутреннимъ составомъ. Великопостное богослуженіе вообще продолжительно, а нѣкоторыя церковныя службы въ два раза по крайней мѣрѣ превосходятъ тѣже службы, совершаемыя въ обыкновенные дни. Такъ во все продолженіе великаго поста отправляется постоянно, за немногими исключеніями, великое повечеріе, тогда какъ въ обыкновенны дни года въ большинствѣ случаевъ отправляется малое повечеріе. Кромѣ того въ началѣ повечерія въ продолженіе первыхъ четырехъ дней первой недѣли поста читается извѣстный покаянный канонъ препод. Андрея Критскаго. Умилительнѣе этого конона и принаровитель-

[1]) См. выше, стр. 33—34.

нѣе ко времени трудно что-нибудь представить. Утренее богослуженіе отличается большимъ количествомъ церковныхъ чтеній. Вмѣсто литургіи св. Златоуста постомъ совершается въ среды и пятницы литургія преждеосвященныхъ даровъ, въ субботы (кромѣ великой)—св. Златоуста, а въ воскресные дни-литургія св. Василія Великаго. Въ остальные дни недѣли отправляется особая для поста положенная служба, извѣстная подъ именемъ *Часовъ*. Всѣ эти службы отличаются своею продолжительностію. Кромѣ того въ этихъ службахъ преобладаетъ чтеніе надъ пѣніемъ (на утрени и часахъ каѳизмы, а на литургіи—пареміи) какъ бы потому, что во дни поста покаянному настроенію постящихся гораздо приличнѣе чтеніе, чѣмъ пѣніе. Самое пѣніе, положенное во дни поста, отличается отъ пѣнія обыкновенныхъ дней своимъ особымъ напѣвомъ, болѣе смиренно покаяннымъ, чѣмъ радостно торжественнымъ. И самое содержаніе великопостныхъ пѣсней церковныхъ отличается отъ содержанія пѣсней, поемыхъ въ другое время года. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе пѣсни, поемыя во время чтенія вечерняго канона, пѣсни положенныя на утрени и литургіи. Наконецъ необходимо упомянуть о томъ, что на всѣхъ службахъ церковныхъ по нѣскольку разъ возглашается въ церкви извѣстная покаянная молитва св. Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего“, сопровождаемая земными поклонами. Такъ совершается церковная служба въ теченіи первой недѣли В. поста. Четвертая недѣля В. поста именуется „крестопоклонною“, такъ какъ въ продолженіе этой недѣли крестъ Христовъ выносится на средину церкви и оставляется здѣсь для поклоненія ему молящихся. Въ службахъ церковныхъ также постоянно напоминается вѣрующимъ о крестѣ Господнемъ, какъ орудіи нашего спасенія и средствѣ распинать свои страсти, что какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ главной мысли и цѣли поста. На пятой недѣлѣ совершается особое церковное „стояніе“, во время котораго читается покаянный канонъ св. Маріи Египетской. Послѣдняя седмица В. поста по-

священается воспоминанію страданій І. Христа и церковное богослуженіе во всѣхъ своихъ частяхъ, кромѣ общаго покаяннаго характера, отличается тогда своею особенною торжественно-печальностію. Въ продолженіе этой недѣли въ церковномъ богослуженіи христіанъ воспоминается вся земная жизнь І. Христа, освятившаго постъ своимъ высокимъ примѣромъ и своими страданіями и смертію даровавшаго нашему покаянію и посту силу спасительности. Тогда прочитывается все Евангеліе и въ особыхъ обрядахъ воспоминаются послѣдніе дни жизни І. Христа, Его страданія, смерть и погребеніе. Съ цѣлію большаго напоминанія вѣрующимъ этихъ столь важныхъ и спасительныхъ событій изъ земной жизни І. Христа въ четвертокъ послѣ литургіи совершается при Архіерейскомъ богослуженіи обрядъ „омовенія ногъ“; вечеромъ того же дня воспоминаются въ Евангельскихъ чтеніяхъ и особыхъ пѣсняхъ страданія І. Христа; въ пятницу вечеромъ повсемѣстно совершается поклоненіе изображенію умершаго Господа; въ субботу на утрени—Его погребеніе. В. постъ заканчивается субботнимъ вечернимъ бдѣніемъ, во время котораго читается книга Дѣяній Апостольскихъ; непосредственно послѣ чтенія начинается уже утреннее богослуженіе свѣтлаго праздника христіанъ. Однимъ словомъ христіанская церковь, соединяя съ постомъ высокое нравственное значеніе, установила на время поста особое, болѣе продолжительное и возбуждающее къ покаянію богослуженіе. И чтенія и пѣсни церковныя въ христіанской церкви во время поста служатъ одной высоко-нравственной цѣли—возбужденію сердечнаго сокрушенія въ постящихся, возвышенію духа и умерщвленію плоти, чему способствуютъ и самыя правила о количествѣ и качествѣ пищи постящихся христіанъ.

Мухаммеданское богослуженіе почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго ежедневнаго богослуженія. Мухаммеданскія молитвословія, совершаемыя, каждодневно по пяти разъ и одинаково обязательныя (хотя и не-

исполняемыя большинствомъ мухаммеданъ, рабочимъ классомъ, по невозможности исполнять ихъ за недостаткомъ свободнаго времени), какъ *подать* [1]), наложенная Мухаммедомъ отъ имени Божія на всѣхъ послѣдователей своихъ,—состоятъ изъ разныхъ молитвенныхъ воззваній къ Богу, изъ чтеній Корана и благословенія Мухаммеду. Всѣ эти молитвы, чтенія изъ Корана и благословенія Мухаммеду, произносимыя и читаемыя въ установленномъ порядкѣ, сопровождаются различными, опредѣленными также, положеніями тѣла: сидѣньемъ, пояснымъ поклономъ, колѣнопреклоненіемъ и сидѣніемъ и составляютъ одинъ отдѣлъ молитвы, извѣстный въ мухаммеданскомъ законовѣдѣніи подъ техническимъ именемъ: *ракіатъ*, *рикаятъ*. Изъ неодинаковаго числа такихъ отдѣловъ (ракіятовъ) т. е. изъ неоднократнаго повторенія однѣхъ и тѣхъ же молитвословій и различныхъ положеній тѣла съ прибавленіемъ частію разныхъ отрывковъ Корана небольшой величины или цѣлыхъ краткихъ главъ состоитъ мухаммеданское богослуженіе. Каждый день мухаммеданинъ обязанъ тридцать четыре раза повторить однѣ и тѣже молитвы и благословенія Мухаммеду, тридцать четыре раза перемѣнить одинаковымъ образомъ положеніе своего тѣла и прочитать нѣкоторыя мѣста изъ Корана [2]). Этотъ составъ мухаммеданскаго богослуженія остается одинаково неизмѣннымъ въ теченіи цѣлаго года. Въ продолженіе мѣсяца Рамазана богослуженіе совершается точно такимъ же образомъ какъ и въ остальные мѣсяцы; составъ и порядокъ ежедневныхъ пятивременныхъ молитвъ и въ теченіе Рамазана не измѣняется. Тѣже самыя стоянія, поклоны и сидѣнія; тѣ-

---

1) Названіе мухаммеданской молитвы „*падатью*“ всего лучше характеризуетъ обязательность этого религіозно-нравственнаго упражненія мухаммеданъ.

2) См. объ этомъ подробно въ XIII вып. Миссіонерскаго сборника. Казань 1877 г.

же самыя возглашенія, молитвы и чтенія изъ Корана. Измѣняется только хутьба (хвалебная рѣчь Богу и Мухаммеду съ краткимъ назиданіемъ, а чаще безъ всякаго назиданія), читаемая обыкновенно во время пятничнаго богослуженія полуденнаго. Мы приведемъ здѣсь переводъ двухъ такихъ образцовъ хутьбы, арабскій текстъ которыхъ изданъ въ Казани въ первый разъ въ 1872 г.

Пятничная хутьба, читаемая въ мѣсяцъ Рамазанъ: „Во имя Бога милостиваго милосердаго. Хвала Богу, который отличаетъ мѣсяцъ Рамазанъ предъ прочими мѣсяцами, который награждаетъ постящихся наградою полною, который награждаетъ постящихся дѣтьми, какъ многодѣннымъ жемчугомъ. Исповѣдуемъ, что нѣтъ Божества, кромѣ Аллаха единаго, у котораго нѣтъ товарища: Ты вывелъ насъ святостію Рамазана изъ мрака къ свѣту. Исповѣдуемъ также, что Мухаммедъ—рабъ и посланникъ его, который приказалъ намъ спѣшить ифтаромъ [1]) и медлить сухуромъ [2]). Да пребудетъ благословеніе Бога Всевышняго надъ нимъ (Мухаммедомъ) и надъ его семействомъ (потомствомъ) и надъ его сподвижниками до дня воскресенія. Въ особенности же надъ главными имамами Абу-Бекромъ правдивымъ, Омаромъ-Различителемъ, Османомъ-Владѣтелемъ двухъ свѣтовъ и Аліемъ Богоугоднымъ—да будетъ благословеніе Бога Всевышняго надъ ними благоволеніемъ обильнымъ. И надъ двумя главными и совершенными имамами и проч.

„О, люди! внушается вамъ страхъ Божій и прежде всего страхъ Божій: подлинно Богъ съ тѣми, которые боятся и которые дѣлаютъ добро. Знайте, что этотъ день вашъ есть первая пятница мѣсяца Рамазана. Этомѣсяцъ благословенный, въ продолженіе котораго былъ ниспосланъ Коранъ въ руководство людямъ и въ объ-

---

[1]) Т. е. вечернимъ разговѣніемъ.

[2]) Т. е. утреннимъ заговѣніемъ.

ясненіе этого руководства и отличія (добра отъ зла). Это—мѣсяцъ, началомъ котораго служитъ милость, срединою-прощеніе, а концемъ-верхъ совершенства двухъ свѣтовъ, какъ объ этомъ сказалъ посланникъ Божій—да благословитъ его Богъ и да помилуетъ: „преимущество пятницы Рамазана такое же, какое преимущество Рамазана предъ прочими мѣсяцами". Подтвердилъ посланникъ Божій, который возвѣстилъ намъ о томъ, что постящіеся въ этотъ мѣсяцъ погружаются въ водахъ Райской рѣки Кяфуру. Прибѣгаю къ Богу отъ шайтана, побитаго камнями: подлинно Онъ знаетъ существо сердецъ. Да благословитъ Богъ насъ и васъ въ Коранѣ и проч. 1)

Но въ подражаніе христіанамъ и мухаммедане удлиняютъ свое богослуженіе во дни своего своеобразнаго, чтобы не сказать безобразнаго, поста. Въ теченіе Рамазана у мухаммеданъ каждодневно, послѣ пятой (послѣдней вечерней въ обыкновенное время) молитвы совершается особое богослуженіе, извѣстное подъ именемъ „*салятъ таравихъ*" т. е. молитвословіе отдыха, состоящее изъ 20-ти рикаятовъ.

Предъ совершеніемъ этой молитвы произносится намѣреніе (*нійятъ*) въ слѣдующей формѣ: „Боже мой! я вознамѣрился совершить два рикаята молитвы таравихъ въ подражаніе пророку, обративши свое лице къ Каабѣ. Боже великій!" Затѣмъ совершаются два первые рикаята, по окончаніи которыхъ произносится салямъ и читается слѣдующая молитва: „Это-благодѣяніе моего Господа. О, благодѣтель щедрый и вѣчный! Исполни насъ твоихъ постоянныхъ милостей; утверди наши сердца въ твоей религіи по твоему милосердію, о милостивый изъ милостивѣйшихъ!" Затѣмъ совершается вторая пара рикаятовъ, по окончаніи которыхъ молящіеся совер-

---

1) Хутьбалыкъ Казань. 1872. Изданіе, первое стр. 60—61.

шаютъ *сидѣніе* (قعود), во время котораго искусные въ пѣніи пѣвцы на хорахъ мечети поютъ томнымъ меланхолическимъ напѣвомъ слѣдующую пѣснь; извѣстную подъ именемъ: „пѣснь отдыха“. Вотъ текстъ этой пѣсни: „хвала владычествующему и царствующему! Хвала державному, верховному, могущественному, величественному, крѣпкому! Хвала царю живому и безсмертному! Славенъ и святъ Господь ангеловъ и духа. Кромѣ Бога нѣтъ другаго достопокланяемаго. Молимъ Тебя, Боже, о прощеніи; просимъ у Тебя рай и въ Тебѣ ищемъ спасенія отъ огня адскаго“ [1]). Послѣ этой пѣсни читается слѣдующая молитва: „Боже, благослови Мухаммеда и племя Мухаммедово и ниспошли имъ миръ! Боже, укрась насъ красотою вѣры; возвысь насъ высотою истины и вѣдѣнія; почти насъ постомъ въ мѣсяцѣ Рамазанѣ; дай намъ получить рай и оставленіе грѣховъ. Прими отъ насъ молитву отдыха, о хвальный! Внемли нашимъ молитвамъ, Милующій, по благости и щедрости твоей, о Благодѣющій по милосердію Твоему, о Милосерднѣйшій изъ милосердствующихъ!“ Такимъ точно порядкомъ совершаются остальныя пары рикаятовъ; послѣ каждаго четвертаго рикаята поется „пѣснь отдыха“ и читается приведенная сейчасъ молитва. Кромѣ того по окончаніи пѣнія читается еще Коранъ. Самый порядокъ этого чтенія неопредѣленъ въ мухаммеданскомъ уставѣ. Отъ чтеца зависитъ то, сколько нужно прочитать въ извѣстное время: если чтецъ читаетъ бойко, то прочитываетъ нѣсколько краткихъ главъ; если же онъ читаетъ медленно, то прочитывается немного. Считается обязанностію сюннятъ прочитать во время молитвословій таравихъ, совершаемыхъ въ продолженіи Рамазана, весь Коранъ, не смотря на лѣность народа. Очевидно, что такое узаконеніе возникло по подражанію христіанскому обычаю

---

[1]) Сличеніе мохам. ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ стр. 89—90. Ср. миссіонерс. сборникъ, вып. XIII, стр. 47—48, 80—81.

прочитывать въ теченіе послѣдней (седьмой) недѣли В. поста всѣ Евангелія, кромѣ чтеній о страданіяхъ І. Христа. Все вообще это молитвословіе своимъ характеромъ, своею продолжительностію напоминаетъ христіанское ночное бдѣніе, мало впрочемъ принаровленное къ жизни мусульманъ. Изъ нашего описанія образа совершенія поста въ мѣсяцъ Рамазанъ видно было, что ночь составляетъ единственное время для постящихся, которымъ они могутъ располагать для удовлетворенія своихъ потребностей. Поэтому при наступленіи конечнаго предѣла дневнаго пощенія каждый спѣшитъ скорѣе утолить свой голодъ и жажду. Трудно человѣку, утомившемуся голоданіемъ въ теченіи цѣлаго дня соблюсти мѣру при вкушеніи пищи, да это и не требуется закономъ. Каждый поэтому такъ же чрезмѣрно можетъ удовлетворить свой голодъ, какъ чрезмѣрно онъ утомленъ имъ въ теченіи дня. Так. обр. приходится выбирать одно изъ двухъ: сытно покушать, или усердно помолиться. Громадное большинство выбираетъ первое. Да и тѣ, которые присутствуютъ на таравихѣ, я думаю, чувствуютъ себя не особенно благоговѣйно. Тѣже, которые предпочтутъ отдыху тѣла молитву отдыха и будутъ въ мечети совершать 20 рикаятовъ таравиха, безъ сомнѣнія, впадутъ въ изнеможеніе, препятствующее благочестивому настроенію души, необходимому для молитвы. Да и вообще, какъ можно приступать къ усиленной молитвѣ тотчасъ послѣ принятія пищи, хотябы и въ умѣренномъ количествѣ?! Но это— фактъ, спорить прорывъ котораго никто не долженъ. Можетъ поэтому каждый заключить, насколько эта молитва достигаетъ своей цѣли.... Послѣ молитвословія Таравихъ должно быть совершено еще молитвословіе, извѣстное подъ именемъ *Витръ*, которое впрочемъ не составляетъ особенной принадлежности мѣсяца Рамазана, потому что обыкновенно совершается каждодневно послѣ пятой молитвы. Къ особенностямъ же Рамазана должны быть отнесены: 1) обычай самыхъ набожныхъ мухаммеданъ пребывать безвыходно въ мечети въ про-

долженіи нѣсколькихъ дней и 2) особая молитва, усвоенная исключительно этому мѣсяцу.

Пребываніе въ мечети во время поста извѣстно у мухаммеданъ подъ именемъ „*Игтикяфъ*“, что буквально значитъ: *постоянное пребываніе* [1]), разумѣется—въ мечети. Для вступленія въ Игтикяфъ постящійся долженъ высказать намѣреніе, что онъ желаетъ безвыходно оставаться въ мечети въ продолженіи извѣстнаго времени и потомъ становится на молитву. Самый меньшій срокъ такого пребыванія ограничивается *однимъ* днемъ. Высказавши намѣреніе выполнить Игтикяфъ, постящійся непремѣнно долженъ осуществить это намѣреніе; въ противномъ случаѣ, или въ случаѣ несоблюденія имъ всѣхъ правилъ игтикяфя, постящійся обязывается выполнить его въ другое время. Правилами игтикяфа требуется, чтобы постящійся не выходилъ изъ мечети въ продолженіе всего срока, какой былъ обозначенъ въ его намѣреніи. Выходъ изъ мечети дозволяется только по естественной нуждѣ человѣка. Кромѣ того въ пятницу совершающій игтикяфъ можетъ оставить свое мѣстопребываніе и отправиться въ мечеть сборную для слушанія пятничнаго богослуженія [2]). Но и тогда онъ можетъ выдти изъ мечети не ранѣе полудня, если сборная мечеть находится вблизи отъ той, въ которой пребываетъ совершающій игтикяфъ. Если же сборная мечеть находится далеко отъ мѣста совершенія игтикяфа, то ему дозволяется выдти изъ своей мечети и ранѣе полудня. Точно также при дальности разстоянія двухъ мечетей совершающему игтикяфъ дозволяется оставаться въ сборной мечети болѣе сутокъ. Если же совершающій игти-

---

[1]) Игтикяфъ (الاعتكاف) считается условіемъ поста у ханифитовъ и маликитовъ, а Шафій и Ахмядъ бенъ Ханбяль не считаютъ игтикяфъ условіемъ поста. Досамигу-р-рюмюзъ, отдѣлъ объ игтикяфѣ.

[2]) Ср. Миссіонер. сборникъ, вып. XIII.

кляфъ выйдетъ изъ мечети до окончанія срока, высказаннаго въ намѣреніи, безъ уважительной причины хотя бы только на одинъ часъ, то итикяфъ его послѣ этого считается нарушеннымъ и подлежащимъ непремѣнному вознагражденію въ другіе дни поста. По этому-то совершающему итикяфъ и предписывается ѣсть, пить, спать, даже продавать и покупать въ мечети во все продолженіе итикяфа. Покупка и продажа должна быть производима только ради нуждъ самаго совершающаго итикяфъ, а не для прибыли и притомъ безъ обнаруженія самыхъ предметовъ купли и продажи. Не совершающіе итикяфа не имѣютъ права на всѣ эти снисхожденія. Соблюдающій итикяфъ не долженъ молчать, потому что мухаммеданское законовѣдѣніе, вопреки христіанскому, считающему обѣтъ молчанія однимъ изъ высокихъ подвиговъ христіанина, однимъ изъ средствъ благоугожденія Богу—учитъ, что *молчаніемъ невозможно угодить Богу*. Законовѣдѣніе мухаммеданское оговаривается однако при этомъ, что произносить устами можно только слова, не считающіяся въ законѣ грѣховными (еще бы!), такъ какъ грѣховность ихъ еще болѣе увеличивается отъ состоянія человѣка въ итикяфѣ. Пребывающему въ итикяфѣ возбраняется сношеніе съ женщиною, хотя бы то было ночью и по забвенію (Sic!), но поцѣлуй съ женщиной и объятія допускаются, т. е. не считаются условіями нарушенія итикяфа. Женщина можетъ совершать итикяфъ только въ домѣ своего мужа, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она выполняетъ ежедневныя пятивременныя молитвы. Въ мечети находиться женщинѣ, какъ для молитвы, такъ и для итикяфа, не дозволяется.

Что сказать объ этомъ способѣ благоугожденія Богу во время Рамазана? Съ одной стороны совершенно добровольное желаніе постоянно пребывать въ зданіи мечети, а съ другой—разныя стѣсненія со стороны закона относительно выходовъ изъ дома молитвы. Съ одной стороны желаніе благоугожденія Богу, постоянное пре-

бываніе въ мечети и какъ бы постоянное богомысліе, а съ другой—допущеніе возможности поцѣлуевъ и объятій женщины.... Съ одной стороны запрещеніе произносить въ это время грѣховныя слова, почитаніе самаго мѣста молитвы-мечети, а съ другой дозволеніе ѣды, питья, спанья и даже торговли.... Вмѣсто своихъ словъ по поводу послѣдняго страннаго правила игтикяфа приведемъ слова Ап. Павла, осуждавшаго Коринѳянъ за недостаточное благоговѣніе на вечеряхъ любви. „Вы собираетесь, говоритъ онъ, такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню. Ибо всякій поспѣшаетъ прежде другихъ ѣсть свою пищу, такъ что иной бываетъ голоденъ, а иной упивается. Развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? Или пренебрегаете церковь Божію и унижаете неимущихъ? Что сказать вамъ? Похвалить-ли васъ за это? Не похвалю.... А если кто голоденъ, пусть ѣстъ дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе“ [1]).

Кромѣ *игтикяфа*, какъ особеннаго подвига постящихся, обязательнаго для желающихъ, у мухаммеданъ извѣстна еще одна молитва (هذا دعاء رمضان), чтеніе которой приноровлено единственно ко времени Рамазана, какъ чисто добровольное дѣло, съ исполненіемъ котораго связываются въ представленіи мухаммеданъ разныя награды отъ Бога. Вотъ текстъ этой молитвы, являющійся въ первый разъ въ русскомъ переводѣ:

„Во имя Бога милостиваго милосерднаго. بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيمِ

1) Тебѣ молимся прекрасными именами Твоими. (١) اَللّٰهُمَّ اِنِّي اَسْئَلُكَ بِاَسْمَائِكَ الْحُسْنٰى ۞

---

[1]) 1 Коринѳ. гл. XI, ст. 20—22 и 34.

(٢) يا الله فاعلم انه لا اله الا الله

2) *О, Боже!* Такъ знай, что нѣтъ божества, кромѣ Аллаха.

(٣) يا رحمن الرحمن علم القرآن ❀

3) *О, Милостивый!* Милостивый научилъ Корану.

(٤) يا رحيم وكان الله غفورا رحيما ❀

4) *О, Милосердый!* А Богъ прощающій и милосердый.

(٥) يا مالك مالك يوم الدين ❀

5) *О, Царь!* Царь дня суда.

(٦) يا قدوس الملك القدوس السلام ❀

6) *О, Святый!* Царь святый, мирный.

(٧) يا متعال فتعالى الله الملك الحق المبين ❀

7) *О, Всевышній!* Всевышній Богъ царь, истинный, явный.

(٨) يا سلام والله يدعوا الى دار السلام ❀

8) *О, Миръ!* Призывайте Бога въ селеніе ислама.

(٩) يا مؤمن المؤمن المهيمن

9) *О, Вѣрный!* Вѣрный, за-

ٱلْعَزِيزُ ٱلْجَبَّارُ ٱلْمُتَكَبِّرُ ۞

ступникъ, высокій, сильный, великій.

(١٠) يَا عَزِيزُ وَكَانَ ٱللَّهُ عَزِيزًا حَكِيمًا ۞

10) *О, Державный!* Богъ державный, мудрый.

(١١) يَا خَالِقُ فَتَبَارَكَ ٱللَّهُ أَحْسَنُ ٱلْخَالِقِينَ ۞

11) *О, Творецъ!* Да благословитъ тебя Богъ, лучшій изъ творцевъ.

(١٢) يَا مُصَوِّرُ هُوَ ٱلَّذِي يُصَوِّرُكُمْ فِي ٱلْأَرْحَامِ ۞

12) *О, Образователь!* Онъ есть тотъ, кто образовалъ васъ въ утробахъ.

(١٣) يَا أَوَّلُ هُوَ ٱلْأَوَّلُ وَٱلْآخِرُ وَٱلظَّاهِرُ وَٱلْبَاطِنُ ۞

13) *О, Первый!* Онъ первый и послѣдній, внѣшній и внутренній.

(١٤) يَا شَكُورُ إِنَّ رَبَّنَا لَغَفُورٌ شَكُورٌ ۞

14) *О, Благотворный!* Подлинно Господь нашъ прощающій, благотворный.

(١٥) يَا غَفُورُ وَٱللَّهُ غَفُورٌ رَحِيمٌ

15) *О, Прощающій!* Богъ прощающій и милосердый.

(١٦) يَا وَدُودُ وَهُوَ الْغَفُورُ الْوَدُودُ

16) *О, Любящій!* Онъ прощающій, любящій.

(٧١) يَا ظَاهِرُ وَالظَّاهِرُ وَالْبَاطِنُ

17) *О, Внѣшній!* Внѣшній и внутренній.

(١٨) يَا قَائِمُ قَائِمًا بِالْقِسْطِ لَآ إِلٰهَ إِلَّا هُوَ ❀

18) *О, Стоящій!* Стоящій въ справедливости; нѣтъ божества, кромѣ Его.

(١٩) يَا حَيُّ اللّٰهُ لَآ إِلٰهَ إِلَّا هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ ❀

19) *О, Живый!* Богъ, нѣтъ божества, кромѣ Его живаго, присносущаго.

(٢٠) يَا سَمِيعُ وَهُوَ السَّمِيعُ الْعَلِيمُ

20) *О, Слышащій!* Онъ слышащій и знающій.

(٢١) يَا بَصِيرُ إِنَّ اللّٰهَ بَصِيرٌ بِالْعِبَادِ ❀

21) *О, Видящій!* Видящій рабовъ.

(٢٢) يَا حَلِيمُ إِنَّ اللّٰهَ عَلِيٌّ حَلِيمٌ

22) *О, Кроткій!* Подлинно Богъ высокій, кроткій.

(٢٣) يَا عَظِيمُ وَهُوَ الْعَلِيُّ الْعَظِيمُ

23) *О, Верховный!* Онъ высокій, верховный.

(٢٤) يَا حَكِيمُ وَكَانَ اللّٰهُ عَزِيزًا حَكِيمًا ❀

24) *О, Мудрый!* Богъ прощающій, мудрый.

(٢٥) يَا كَرِيمُ إِنَّ اللَّهَ لَغَنِيٌّ كَرِيمٌ

25) *О, Щедрый!* Подлинно, Богъ податель щедрый.

(٢٦) يَا قَادِرُ وَهُوَ الْقَادِرُ عَلَى أَنْ يَبْعَثَ عَلَيْكُمْ

26) *О, Мощный!* Онъ мощенъ послать къ вамъ.

(٢٧) يَا مُقْتَدِرُ عِنْدَ مَلِيكٍ مُقْتَدِرٍ

27) *О, Могущественный!* Предъ царемъ могущественнымъ.

(٢٨) يَا بَاعِثُ إِنَّ اللَّهَ يَبْعَثُ مَنْ فِي الْقُبُورِ ۞

28) *О, Воскрешающій!* Подлинно Богъ воскреситъ того, кто въ могилѣ.

(٢٩) يَا رَزَّاقُ وَاللَّهُ خَيْرُ الرَّازِقِينَ

29) *О, Питатель!* Богъ лучшій изъ питателей.

(٣٠) يَا وَارِثُ وَلِلَّهِ مِيرَاثُ السَّمَوَاتِ وَالْأَرْضِ ۞

30) *О, Наслѣдникъ!* Наслѣдство Бога — небеса и земля.

(٣١) يَا قَوِيُّ إِنَّ اللَّهَ قَوِيٌّ عَزِيزٌ

31) *О, Сильный!* Подлинно—Богъ сильный, державный.

(٣٢) يَا شَهِيدُ إِنَّ اللَّهَ عَلَى كُلِّ شَيْءٍ شَهِيدٌ ۞

32) *О, Свидѣтель!* Подлинно—Богъ свидѣтель всякой вещи.

(٣٣) يَامُبْدِئُ يَامُعِيدُ اِنَّهُ هُوَ يُبْدِئُ وَيُعِيدُ ❀

33) *О, вновь Творящій, Воспроизводящій!* Подлинно Онъ творитъ и воспроизводитъ

(٣٤) يَا تَوَّابُ اِنَّهُ كَانَ تَوَّابًا

34) *О, Жалостливый!* Подлинно Онъ жалостливъ.

(٣٥) يَا وَهَّابُ اِنَّكَ اَنْتَ الْوَهَّابُ

35) *О, Дарующій!* Подлинно Ты—Дарующій.

(٣٦) يَا جَلِيلُ ذُوالْجَلَالِ وَالْاِكْرَامِ

36) *О, Славный!* Господинъ славы и величія.

(٣٧) يَا جَمِيلُ فَاصْبِرْ صَبْرًا جَمِيلًا

37) *О, Прекрасный!* И смотри зрѣніемъ прекраснымъ.

(٣٨) يَا وَكِيلُ وَكَفَى بِاللّٰهِ وَكِيلًا

38) *О, Попечитель!* Достаточно—Бога попечителя.

(٣٩) يَا كَافِي وَكَفَى اللّٰهُ الْمُؤْمِنِينَ الْقِتَالَ ❀

39) *О, Достаточный!* Богъ сдѣлалъ достаточною войну вѣрныхъ.

(٤٠) يَا وَلِيُّ وَهُوَ الْوَلِيُّ الْحَمِيدُ

40) *О, Заступникъ!* Онъ заступникъ славный.

(٤١) يَا رَبِّ رَبُّ الْعَالَمِينَ ❀

41) *О, Господь!* Господь міровъ.

(٤٢) يَا غَنِيُّ وَاللّٰهُ الْغَنِيُّ وَاَنْتُمُ

42) О, *Богатый!* Богъ бо-

الْفُقَرَآءُ ۞ гать, а вы бѣдны.

(٤٣) يَاشَاكِرُ اِنَّ اللّٰهَ شَاكِرٌ عَلِيمٌ 43) *О, Благодарный!* Подлинно Богъ благодарный, знающій.

(٤٤) يَاخَلَّاقُ وَهُوَ الْخَلَّاقُ الْعَلِيمُ 44) *О, Творецъ!* Онъ творецъ, знающій.

(٤٥) يَا مُحْسِنُ وَاللّٰهُ يُحِبُّ الْمُحْسِنِينَ ۞ 45) *О, Добродѣтельный!* Богъ любитъ добродѣтельныхъ.

(٤٦) يَاقَادِرُ وَاللّٰهُ عَلٰى كُلِّ شَيْءٍ قَدِيرٌ ۞ 46) *О, Мощный!* Богъ мощенъ на всякую вещь.

(٤٧) يَامُفَضِّلُ وَاللّٰهُ ذُو الْفَضْلِ الْعَظِيمِ ۞ 47) *О, Предпочитающій!* Богъ владѣтель превосходства, великій.

(٤٨) يَامُنْعِمُ وَيُتِمُّ نِعْمَتَهُ عَلَيْكَ وَيَهْدِيكَ صِرَاطًا مُسْتَقِيمًا ۞ 48) *О, Благотворящій и Воспоминающій!* Онъ благодѣтельствовалъ тебѣ и ведетъ тебя по прямому пути.

(٤٩) يَامُعِزُّ تُعِزُّ مَنْ تَشَآءُ ۞ 49) *О, Возвеличивающій!* Онъ возвеличиваетъ, кого хочетъ.

(٥٠) يَا مُذِلُّ وتُذِلُّ مَنْ تَشَآءُ ❀

50) О, *Уничижающій!* Онъ уничижаетъ, кого хочетъ.

(٥١) يَا رَفِيعُ رَفِيعُ الدَّرَجَاتِ ذُو الْعَرْشِ ❀

51) *О, Возвышающій!* Возвышающій степенью Владыки престола.

(٥٢) يَا شَفِيعُ مَنْ ذَا الَّذِي يَشْفَعُ عِنْدَهُ إِلَّا بِإِذْنِهِ ❀

52) *О, Ходатай!* Никто безъ позволенія Его не ходатайствуетъ ни за кого.

(٥٣) يَا كَبِيرُ إِنَّ اللَّهَ كَانَ عَلِيًّا كَبِيرًا ❀

53) *О, Великій!* Подлинно Богъ высокій, великій.

(٥٤) يَا حَقُّ فَتَعَالَى اللَّهُ الْمَلِكُ الْحَقُّ ❀

54) *О, Истинный!* Богъ всевышній-царь истинный.

(٥٥) يَا بَرُّ إِنَّهُ هُوَ الْبَرُّ الرَّحِيمُ

55) *О, Справедливый!* Подлинно Онъ справедливый, милосердый.

(٥٦) يَا وِتْرُ وَالشَّفْعِ وَالْوَتْرِ

56) *О, Нечетъ!* Ходатайства и единства.

(٥٧) يَا غَفَّارُ إِنَّهُ كَانَ غَفَّارًا ❀

57) *О, Прощающій!* Подлинно Онъ прощающій.

(٥٨) يٰاغافِرُ وَاَنْتَ خَيْرُ الْغٰافِرِينَ ۞

58) *О, Прощающій!* Ты-лучшій изъ прощающихъ.

(٥٩) يٰاحَمِيدُ تَنْزِيلٌ مِنْ حَكِيمٍ حَمِيدٍ ۞

59) *О, Хвальный!* Откровеніе мудраго хвальнаго.

(٦٥) يٰامَنَّانُ بَلِ اللّٰهُ يَمُنُّ عَلَيْكُمْ

60) *О, Дарующій!* Но Богъ одарилъ ихъ.

(٦١) يٰاٰبٰاقِيَ وَيَبْقٰى وَجْهُ رَبِّكَ

61) *О, Вѣчный!* Вѣчно лице Господа твоего.

(٦٢) يٰااَحَدُ قُلْ هُوَ اللّٰهُ اَحَدٌ ۞

62) *О, Единый!* Скажи: Богъ единъ.

(٦٣) يٰاصَمَدُ اللّٰهُ الصَّمَدُ ۞

63) *О, Крѣпкій!* Богъ крѣпкій.

(٦٤) يٰامَتِينُ هُوَ الرَّزّٰاقُ ذُو الْقُوَّةِ الْمَتِينُ ۞

64) *О, Непоколебимый!* Онъ питатель, Владыка силы, непоколебимый.

(٦٥) يٰاهٰادِي اِنَّ اللّٰهَ يَهْدِي مَنْ يَشٰاءُ ۞

65) *О, Прямо-ведущій!* Подлинно Богъ прямо ведетъ, кого хочетъ.

(٦٦) يَا بَدِيعُ بَدِيعُ السَّمٰوٰتِ وَالْاَرْضِ ۞

66) *О, Зиждитель!* Зиждитель небесъ и земли.

(٦٧) يَا عَلِيمُ وَهُوَ بِكُلِّ شَيْءٍ عَلِيمٌ

67) *О, Знающій!* Онъ знаетъ всякую вещь.

(٦٨) يَا عَالِمُ عَالِمُ الْغَيْبِ وَالشَّهَادَةِ ۞

68) *О, Знающій!* Онъ знаетъ тайное и явное.

(٦٩) يَا فَتَّاحُ رَبَّنَا افْتَحْ بَيْنَنَا وَبَيْنَ قَوْمِنَا بِالْحَقِّ وَاَنْتَ خَيْرُ الْفَاتِحِينَ ۞

69) *О, Судія* Господь нашъ! разсуди насъ и народъ нашъ по истинѣ; Ты—лучшій изъ судей.

(٧٠) يَا مُبِينُ اِنَّا فَتَحْنَا لَكَ فَتْحًا مُبِينًا ۞

70) *О, Явный!* Подлинно Мы даровали тебѣ явную побѣду.

(٧١) يَا مُحِيطُ وَاللّٰهُ بِمَا تَعْمَلُونَ مُحِيطٌ ۞

71) *О, Окружающій!* Богъ окружаетъ то, что вы знаете.

(٧٢) يَا قَاضِي وَاللّٰهُ يَقْضِي بِالْحَقِّ

72) *О, Судія!* Богъ судитъ по истинѣ.

(٧٣) يَا حَسِيبُ وَكَانَ اللهُ عَلَى كُلِّ شَيْءٍ حَسِيبًا ❀

73) *О, Ведущій счетъ!* Богъ водитъ счетъ всякой вещи.

(٧٤) يَا نَصِيرُ نِعْمَ الْمَوْلَى وَنِعْمَ النَّصِيرُ ❀

74) *О, Помогающій!* О сколь хорошій Онъ заступникъ! О сколь хорошій Онъ помощникъ.

(٧٥) يَا وَاسِعُ وَكَانَ اللهُ وَاسِعًا عَلِيمًا ❀

75) *О, Объемлющій!* Богъ объемлющій, знающій!

(٧٦) يَا قَاهِرُ وَهُوَ الْقَاهِرُ فَوْقَ عِبَادِهِ ❀

76) *О, Карающій!* Онъ караетъ рабовъ своихъ.

(٧٧) يَا غَافِرُ وَاغْفِرْ ذُنُوبَ

77) *О Прощающій!* Прости грѣхи наши.

(٧٨) يَا طَاهِرُ إِنَّ اللهَ يُحِبُّ الْمُتَطَهِّرِينَ

78) Чистый! Подлинно Богъ любитъ очищающихся.

(٧٩) يَا مَنْ لَيْسَ لَهُ مِثْلٌ وَلَا شَبِيهٌ فِي الْأَرْضِ وَلَا فِي السَّمَاءِ وَهُوَ

79 *О, Кто!* Нѣтъ подобнаго Ему; нѣтъ подобнаго Ему на землѣ и на небесахъ. Онъ

السَّمِيعُ الْعَلِيمُ ❀

слышащій и знающій.

وَلَاحَوْلَ وَلَاقُوَّةَ اِلَّا بِاللّٰهِ الْعَلِيِّ
الْعَظِيمِ وَصَلَّى اللّٰهُ عَلٰى سَيِّدِنَا
مُحَمَّدٍ وَاٰلِهِ الطَّيِّبِينَ الطَّاهِرِينَ
وَسَلَّمَ تَسْلِيمًا بِرَحْمَتِكَ يَا اَرْحَمَ
الرَّاحِمِينَ وَالْحَمْدُ لِلّٰهِ رَبِّ الْعَالَمِينَ

Нѣтъ выше, нѣтъ сильнѣе Бога, высокаго и могущественнаго. Да будетъ благословеніе Божіе господину нашему Мухаммеду, семейству его, табіямъ явнымъ. Да будетъ полный миръ по милости твоей, о милостивѣйшій изъ милостивыхъ! хвала Богу, Господу міровъ!!!

Что сказать объ этой молитвѣ? Насколько она походитъ на молитву и насколько соотвѣтствуетъ времени? Это во первыхъ не молитва, а перечисленіе прекрасныхъ именъ Божіихъ съ краткимъ объясненіемъ ихъ, состоящимъ въ искуственномъ подборѣ къ каждому имени выраженій Корана, заключающихъ въ себѣ упомянутое имя. До какой степени господствуетъ здѣсь искуственный подборъ текстовъ Корана видно изъ тѣхъ особенно выраженій, гдѣ упомянутое имя Божіе относится не къ Богу, а къ совершенно другому предмету „*О, Явный!* Подлинно мы даровали тебѣ *явную* побѣду“.—По своей формѣ приведенная молитва походитъ на тѣ *десятки* именъ Божіихъ, на которые распредѣлены у мухаммеданъ 1001 имя Божіе съ тою только разницею, что здѣсь 80 именъ проведены вмѣстѣ съ однимъ предварительнымъ воззваніемъ и однимъ послѣдующимъ обращеніемъ къ Богу. По своей сущности, приведенная молитва не отвѣчаетъ ни мало времени, для котораго она назначена, такъ какъ въ ея текстѣ не только ни разу не упомянуто о свойствахъ поста истиннаго, о его спасительности, но нѣтъ и простаго указанія на постъ; даже мысли о постѣ въ этой молитвѣ нѣтъ. Въ заключительномъ обращеніи къ Богу въ этой молитвѣ испраши-

вается благословеніе Божіе Мухаммеду, а не постящимся. Поэтому достойно полнаго удивленія, какимъ образомъ могла такая молитва быть исключительно усвоена мѣсяцу Рамазану.

Мы знаемъ теперь, что такое мухаммеданскій постъ во всѣхъ его подробностяхъ, знаемъ, какъ онъ установленъ, какимъ главнымъ характеромъ отличается, какъ совершается и какимъ богослуженіемъ сопровождается. Мы знаемъ также, какъ мало мухаммеданскій постъ соотвѣтствуетъ понятію о постѣ и знаемъ, насколько онъ отличается во всѣхъ отношеніяхъ отъ поста христіанскаго. Намъ могутъ быть теперь совершенно понятны и различные взгляды мухаммеданъ и христіанъ на спасительность поста. Начнемъ съ христіанскаго взгляда. По словамъ св. Василія Великаго „постъ раждаетъ пророковъ, укрѣпляетъ сильныхъ; постъ умудряетъ законодателей. Постъ —добрая стража души, надежный сожитель тѣлу, оружіе людей доблественныхъ, училище подвижниковъ. Онъ отражаетъ искушенія, умащаетъ подвизающихся въ благочестіи; онъ сожитель трезвости, дѣлатель цѣломудрія; онъ во браняхъ совершаетъ дѣла доблественныя, во время мира учитъ безмолвію; освящаетъ назорея, совершаетъ священника. Безъ поста невозможно отважиться на священнодѣйствіе, не только въ нынѣшнемъ таинственномъ и истинномъ служеніи, но и въ служеніи, прообразовательномъ и подзаконномъ[1])... Постъ предпосылаетъ молитву на небо, дѣлаясь для нея какъ бы крыльями, при восхожденіи горѣ. Постъ—приращеніе домовъ, матерь здоровья, воспитатель юности, украшеніе старцевъ, добрый спутникъ путешественникомъ, надежный сожитель живущимъ вмѣстѣ. Супругъ не подозрѣваетъ измѣны въ супружеской вѣрности, видя, что супруга свысклась съ постомъ. Супруга не снѣдается ревностію, примѣчая, что супругъ возлюбилъ постъ. Кто истощилъ домъ твой во

---

[1]) Творенія св. Василія Великаго. Часть IV. Москва. 1846 г. стр. 7.

время поста? Сочти, что въ немъ теперь; сочти, что будетъ послѣ; отъ поста ничто не убудетъ въ домѣ. Ни одно животное не жалуется на смерть; нигдѣ нѣтъ крови; нигдѣ неумолимое чрево не изрѣкаетъ приговора на животныхъ; ножъ поваровъ бездѣйствуетъ; столъ довольствуется тѣмъ, что не требуетъ приготовленій [1])... Постъ не знаетъ, что значитъ взятое въ заемъ: отъ трапезы постящагося не пахнетъ ростомъ. Сына постника и въ сиротствѣ не душатъ отцовскіе долги, какъ обвивающіяся змѣи [2])... Постъ—благообразіе города, благоустройство торжища, миръ домовъ, спасеніе имуществъ [3]). Полезенъ постъ во всякое время для подъемлющихъ его, потому что на постящагося не смѣютъ нападать демоны; охранители же жизни нашей—ангелы дѣятельнѣе пребываютъ съ тѣми, которые очистили душу постомъ... По сему никто не исключай себя изъ списка постящихся, въ который вносятся всѣ роды людей, всѣ возрасты, всѣ различія чиновъ. Ангелы въ каждой церкви записываютъ постящихся [4])... Постъ охраняетъ младенцевъ, уцѣломудриваетъ юнаго, дѣлаетъ почтеннымъ старца; ибо сѣдина, украшенная постомъ, достойнѣе уваженія. Постъ—самое приличное убранство женщинъ, узда въ цвѣтѣ лѣтъ, охраненіе супружества, воспитатель дѣвства [5])... Постъ—уподобленіе ангеламъ, сожитель праведнымъ, обученіе цѣломудренной жизни. Постъ Моусея сдѣлалъ законодателемъ. Плодъ поста—Самуилъ... Постомъ воздоенъ Самсонъ.... Постившійся Илія заключилъ небо на три года и на шесть мѣсяцевъ [6])... Такъ польза поста открыта всякому роду жизни, всякому состоянію тѣла: постъ вездѣ одинаково при-

---

[1]) Творенія св. Василія Великаго. Часть IV. Москва 1846 г. стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) Тамъ же, стр. 19.

[5]) Тамъ же, стр. 23.

[6]) Тамъ же, стр. 25.

личенъ-и въ домахъ, и на торжищахъ, и ночью, и днемъ, въ городахъ и въ пустыняхъ [1])... Постъ—начало покаянія“ [2]).

По словамъ св. Ефрема Сирина, „постъ есть дѣло достачестное и богоугодное. Постъ—колесница, возносящая на небо... Постъ раждаетъ пророковъ, умудряетъ законодателей. Постъ-доброе предохраненіе для души, надежный сожитель тѣлу. Постъ—оружіе доблестнымъ, училище подвижниковъ. Постъ отражаетъ искушенія, умащаетъ на подвигъ благочестія, онъ—сожитель трезвенности, виновникъ цѣломудрія. Постъ—доблесть во браняхъ. Постъ угашалъ силу огненную. Постъ заграждалъ уста львовъ. Постъ возводитъ молитву на небо. Постъ матерь здоровья. Постъ—наставникъ юности, украшеніе старцевъ, добрый спутникъ путешественникамъ. У постящихся тѣло честно и душа драгоцѣнна. Постъ упокоилъ Лазаря въ нѣдрахъ Авраама... Постъ—благоустройство города, благочиніе торжища. Постъ—миръ въ домахъ. Постъ—почтитель и предохранитель дѣвства. Постъ—путь къ покаянію. Постъ—виновникъ слезъ. Постъ не любитъ міра, ни того что въ мірѣ... Постъ не допускаетъ злоненавистства“ [3]).

„Основаніе всего добраго, возвращеніе души изъ вражія плѣна, путь, ведущій къ свѣту и жизни,—все это, по словамъ св. Исаака Сиріянина, заключено въ сихъ двухъ способахъ: собрать себя воедино и всегда поститься, т. е. премудро и благоразумно поставить для себя правиломъ воздержаніе чрева, неисходное пребываніе на одномъ мѣстѣ, непрестанное занятіе богомысліемъ. Отсюда покорность чувствъ, отсюда трезвенность ума, отсюда укрощеніе свирѣпыхъ страстей, возбуждающихся въ тѣлѣ; отсюда кротость помысловъ; отсюда свѣтлыя движенія мысли, отсюда

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 27.

[3]) Творенія св. Ефрема Сирина, Русскій переводъ. Часть III. Москва 1849 г. стр. 290—291.

рачительность къ дѣламъ добродѣтели; отсюда высокія и тонкія умопредставленія; отсюда незнающія мѣры слезы, источающіяся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое цѣломудріе, совершенно далекое отъ всякаго мечтанія, искущающаго мысль; отсюда проницательность и дальновидность; отсюда глубокія, таинственныя понятія, какія умъ постигаетъ при пособіи божественныхъ словесъ, и внутреннія движенія, происходящія въ душѣ, раздѣленіе и различеніе духовнаго какъ въ святыхъ силахъ и истинныхъ видѣніяхъ, такъ и въ суетныхъ мечтаніяхъ. Отсюда тотъ страхъ въ путяхъ и стезяхъ, который въ морѣ мысли отсѣкаетъ лѣность и нерадѣніе, тотъ пламень ревности, который попираетъ всякую опасность, и превозмогаетъ всякій страхъ, та горячность, которая пренебрегаетъ всякимъ вожделѣніемъ и изглаждаетъ оное въ умѣ, и вмѣстѣ съ прочимъ приводитъ въ забвеніе всякое памятованіе о преходящемъ, короче сказать-отсюда свобода истиннаго человѣка, душевная радость и воскресеніе со Христомъ во царствіи“ [1]).

Послѣ такихъ взглядовъ на постъ христіанскихъ учителей, подвижниковъ истиннаго благочестія, опытно дознавшихъ пользу и спасительность поста, намъ можетъ быть совершенно понятно, если св. Златоустъ сказалъ, что „не только самый постъ, но и воспоминаніе о немъ можетъ принести намъ великую пользу. Какъ любимые нами, не только когда бываютъ у насъ, но и когда приходятъ намъ на умъ, доставляютъ намъ великое удовольствіе: такъ и дни поста, собранія, общія собесѣдованія и другія блага, какія мы получали отъ него, радуютъ насъ и воспоминаніемъ; а если мы вспомнимъ обо всѣхъ этихъ благахъ въ совокупности, то и въ настоящее время получимъ великую пользу“ [2]).

---

[1]) Творенія св. Исаака Сиріянина, подвижника и отшельника. Русскій переводъ. Слова подвижническія. Москва. 1854 г., стр. 453—454.

[2]) Св. Іоанна Златоустаго Бесѣды къ Антіохійскому народу. Русскій переводъ, томъ 2. С.-П. Б. 1850 г. стр. 4.

Такое высокое и широкое значеніе придаютъ христіанскому посту христіанскіе учители и подвижники благочестія. Силу поста и пользу, происходящую отъ него, они простираютъ нетолько на душу, но и на тѣло постящагося, не только на духовную его жизнь, на борьбу со страстями, но и на житейскія отношенія людей. И нельзя не согласиться, что все высказанное ими о постѣ христіанскомъ, носитъ на себѣ печать глубокаго пониманія человѣческой природы. Всѣ высказанныя ими мысли взяты съ опыта и отличаются поразительною вѣрностію. „Долгое время искушаемый въ десныхъ и шуихъ, говоритъ о себѣ св. Исаакъ Сиріянинъ, неоднократно извѣдавъ себя сими двумя способами, пріявъ на себя безчисленные удары противника, и сподобившись въ тайнѣ великихъ вспоможеній, въ продолженіе многихъ лѣтъ снискалъ я опытность, и по благодати Божіей, опытно дозналъ слѣдующее“ [1])... Читая святоотеческія разсужденія о постѣ, читаешь не одни слова, но описаніе жизни, исторію. Каждое слово христіанскаго учителя есть выводъ или изъ исторіи новозавѣтной и ветхозавѣтной церкви, или же изъ жизни самаго подвижника-постника.— Послушаемъ же теперь, что говорятъ о спасительности своего поста мухаммедане. Пророкъ нашъ, Мухаммедъ Мустафа,-да благословитъ его Богъ и да помилуетъ, говорится въ одномъ мухаммеданскомъ изданіи,-сказалъ: „Преблагословенный и Всевышній Богъ заповѣдалъ вамъ соблюдать постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ и учредилъ обычай ночнаго бодрствованія и совершенія намаза Таравихъ и другихъ дѣлъ благочестія и богопочитанія. Кто съ надеждою на полученіе, по благоволенію Божію, награды будетъ соблюдать постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ и ночью будетъ бодрствовать, совершая дѣла благочестія и богопочтенія, тому человѣку Преблагословенный и Всевышній Богъ проститъ всѣ грѣхи его и онъ сдѣлается какъ бы сно-

---

[1]) Творенія св. Исаака Сиріянина, стр. 453.

ва родившимся отъ матери и избавится огня адскаго; кто будетъ радоваться наступленію этого мѣсяца и печалиться о его окончаніи [1]), Всевышній Богъ сдѣлаетъ тѣло того человѣка недоступнымъ огню адскому. Каждому вѣрующему мусульманину приличествуетъ радоваться наступленію этого мѣсяца и совершать дѣла благочестія и богопочтенія, потому что совершеніе въ продолженіе этого мѣсяца одного намаза фарзъ [2]) и прочихъ дѣлъ богопочтенія будетъ равно 70-ти подобныхъ дѣлъ, совершаемыхъ въ прочіе мѣсяцы; потому что совершеніе одного добровольнаго (няфль) дѣла богопочтенія впродолженіе этого мѣсяца будетъ равно обязательному (фарзъ) такому же дѣлу, совершенному въ другіе мѣсяцы [3]). Этотъ мѣсяцъ столь священенъ, что впродолженіе его отверзаются двери восьми раевъ, такъ что если кто умретъ впродолженіе этого мѣсяца, то будетъ въ раю. Ибнъ Масгудъ,—да будетъ имъ доволенъ Богъ,—сказалъ: „чья смерть случится впродолженіе священнаго Рамазана, тотъ войдетъ въ рай". А также пророкъ нашъ Мухаммедъ Мустафа,-да благословитъ его Богъ и да помилуетъ,-сказалъ: „кто во время поста отдастъ свою душу (умретъ), тотъ будетъ въ раю". Впродолженіе этого мѣсяца двери семи адовъ запираются и сдерживается сила дѣлаемыхъ шайтаномъ злыхъ козней по отношенію къ человѣку. Если у кого будетъ пропущенный и подлежащій вознагражденію намазъ, то онъ долженъ вознаградить его, бодрствуя, каясь и прося прощенія у Бога впродолженіе ночей этого мѣсяца, хотя Богъ можетъ, если захочетъ, и не наказывать человѣка за пропущенный и невознагражденный намазъ. Богъ дѣлаетъ обильнымъ пропитаніе раба въ продолженіе этого мѣсяца и если кто накормитъ впродолженіе этого мѣсяца одного

---

[1]) Ср. вышеприведенное прощаніе съ Рамазаномъ въ Персіи.

[2]) Т. е. одной изъ пяти ежедневныхъ общественныхъ молитвъ.

[3]) Дѣла фарзъ и няфль различаются неодинаковою степенью своей обязательности и спасительности предъ Богомъ.

постящагося, Богъ Всевышній проститъ ему всѣ грѣхи его и напоитъ его изъ водоема Кяусяръ, находящагося въ раю нашего пророка и этотъ человѣкъ рѣшительно не будетъ чувствовать жажды въ день воскресенія, когда люди будутъ жаждать. У кого не будетъ возможности накормить постящагося, по бѣдности, и онъ даетъ разговѣться постящемуся сладкимъ молокомъ, или фруктомъ, или водою, то и ему будетъ такая же награда и т. д. [1]).

О спасительности „ночи опредѣленій", т. е. ночи на 27-е число Рамазана, разсказываетъ Ибнъ Аббасъ, что въ эту ночь Гавріилъ со множествомъ другихъ ангеловъ сходитъ на землю съ божественными опредѣленіями и возвѣщаютъ каждому молящемуся въ эту ночь особою присвоенною этой ночи молитвою [2]), что молитва его принята. Такимъ образомъ они пребываютъ на землѣ до появленія зари. Послѣ появленія зари, Гавріилъ говоритъ ангеламъ: *„ангелы, вознесемся на небо!"* Ангелы скажутъ: „Гавріилъ! сколько милостей и сколько радостей обѣщалъ Богъ преблагословенный и превознесенный послѣдователямъ Мухаммеда Мустафы,-да благословитъ его Богъ и да помилуетъ? Гавріилъ скажетъ въ отвѣтъ ангеламъ: „ангелы! знайте, что Богъ Всевышній оказалъ милости послѣдователямъ пророка Мухаммеда и простилъ имъ согрѣшенія ихъ; Онъ не простилъ только четыре рода согрѣшенія: первое изъ этихъ согрѣшеній есть пьянство; второе-непочитаніе отца и матери; третіе-оставленіе родныхъ; четвертое-памятозлобіе [3])... Въ эту ночь душа Мухаммеда Мустафы-да благословитъ его Богъ и да помилуетъ!-испрашиваетъ у Бога всевышняго позволенія спуститься на землю. Богъ всевышній дастъ ей позвеленіе и душа Мухаммеда Мустафы ни-

---

[1]) Фазаилю-ш-шугуръ (1861 г.) стр. 37 и слѣд.

[2]) Молитва эта слѣдующая: „Боже мой! подлинно Ты прощающій, Ты любишь прощать; прости же насъ!" Этой молитвѣ научилъ Айшу Мухаммедъ.

[3]) Фазаилю-ш-шугуръ, стр. 43.

сходитъ на землю и привѣтствуетъ салямомъ (миромъ) каждому вѣрующему мусульманину. Пророкъ нашъ сказалъ: кто въ ночь опредѣленій совершитъ два рикаята молитвы и въ каждомъ рикаятѣ прочитаетъ одинъ разъ Аль-хамду [1]) и семь разъ-куль гуваллагу ахадунъ [2]), тому Богъ Преблагословенный и Всевышній проститъ всѣ грѣхи. а также и грѣхи его родителей и пошлетъ къ нему ангеловъ, которые пребудутъ около него дослѣдующаго года и будутъ записывать добрыя дѣла его. Такой человѣкъ не умретъ, не увидя приготовленнаго ему мѣста въ раю. Признаки этой ночи слѣдующіе: она бываетъ ясная, не очень теплая и не очень холодная, не облачная и не вѣтряная; въ эту ночь не падаютъ съ неба звѣды [3]), не идетъ дождь и воды дѣлаются сладкими [4])....

Богослуженію *Таравихъ*, не отличающемуся особенно-удачнымъ принаровленіемъ его ко времени поста мухаммедане придаютъ необыкновенно великое, или лучше сказать спасительное значеніе. Однажды, разсказывается въ мухаммеданскомъ преданіи, Алій спросилъ Мухаммеда о наградѣ за совершеніе Таравихъ и Мухаммедъ отвѣчалъ ему: кто въ первый вечеръ Рамазана совершитъ 20 рикаятовъ этого богослуженія, тотъ получитъ прощеніе отъ всѣхъ грѣховъ и будетъ подобенъ только что рожденному отъ матери [5])... Кто въ четвертый вечеръ совершитъ Таравихъ, тому будетъ награда, опредѣленная за прочтеніе закона Моисея, Псалмовъ Давида, Евангелія Іисуса [6]) и Корана.... Кто въ десятый вечеръ со-

---

[1]) Т. е. первую главу Корана.

[2]) Т. е. 112 главу Корана.

[3]) Падающія звѣзды, по ученію Корана, суть раскаленные камни, какими ангелы, стрегущіе небо и Божій престолъ, бросаютъ въ діаволовъ (джинновъ), подкрадывающихся къ Божію престолу съ цѣлію узнать небесныя тайны.

[4]) Фазаилю-ш-шугуръ, стр. 45.

[5]) Тоже самое въ другомъ преданіи обѣщается за весь постъ Рамазанъ.

[6]) Въ этомъ указаніи на св. книги, христіанъ и іудеевъ разумѣются несуществующія теперь книги, которыя будто бы были сходны съ Кораномъ.

вершитъ Таравихъ, тому будетъ награда, положенная за 76 хаджей и 70 гумра [1]) и т. д. на каждый вечеръ особая награда [2]). Другія опредѣляютъ особую награду за каждый отдѣльный рикаятъ Таравиха [3]).

О спасительности приведенной выше молитвы (رمضان دعاسی) разсказывается слѣдующее: „Однажды господинъ посланникъ Божій [4])—да благословитъ его Богъ и да помилуетъ!—сидѣлъ, обративши свою спину къ михрабу [5]). Гавріилъ—миръ ему!—вошелъ, передалъ „салямъ“ сказалъ: „Мухаммедъ! Богъ сказалъ тебѣ салямъ, прислалъ тебѣ и твоему народу подарокъ эту молитву и сказалъ: „*Я, Высокостепенный написалъ эту молитву на правой сторонѣ великаго престола* (عرش اعظم) *за пять сотъ лѣтъ до сотворенія міра*“.— По этому о всякомъ,—кто съ намѣреніемъ будетъ читать эту молитву вечеромъ на пятницу въ началѣ, въ серединѣ, или въ концѣ Рамазана,—Богъ Всевышній скажетъ: „*Это-настоящій рабъ мой, какія бы ни были у него нужды, Я исполню ихъ*“.... Въ „Ночь опредѣленій“ такой человѣкъ воспользуется благостью этой молитвы и кромѣ того Всевышній Богъ на небѣ сотворитъ 70,000 ангеловъ и на землѣ сотворитъ 70,000 ангеловъ: у каждаго ангела будетъ 70 головъ, въ каждой головѣ—20 ртовъ, въ каждомъ рту—20 языковъ, каждый языкъ будетъ говорить много-различныя славословія и величанія Богу,—и награда за нихъ будетъ дарована тому человѣку, кто или самъ прочитаетъ эту молитву, или попроситъ прочитать другаго, или написать и будетъ но-

---

[1]) Т. е. посѣщеніе мухаммед. святыхъ мѣстъ въ Меккѣ. Ср. Коранъ гл. 2, ст. 192—199.

[2]) См. Ахмядія, стр. 264—269.

[3]) См. Ахмядія, стр. 266—267.

[4]) Т. е. Мухаммедъ.

[5]) Михрабъ (محراب) углубленіе въ передней стѣнѣ мечети, показывающее направленіе къ Каабѣ.

сить ее при себѣ. Также: о всякомъ, кто самъ будетъ прочитывать, или будетъ просить прочитывать другаго, или будетъ носить при себѣ, или будетъ слушать эту молитву по вечерамъ на пятницы Рамазана, или въ самыя пятницы—Богъ Всевышній сказалъ: *„какія бы ни были у этого раба моего нужды, Я исполню ихъ“*... Мухаммедъ! всѣ люди во время воскресенія изъ своихъ могилъ будутъ нагими, но тому, кто изъ почтенія къ священному Рамазану читалъ (при своей жизни) эту молитву, ангелы принесутъ изъ рая одежды и одѣнутъ его. Въ рукахъ этихъ 70,000 ангеловъ будутъ также жемчужныя чаши, внутри которыхъ будутъ находиться различные напитки, а снаружи вырѣзаны слова: لا اله الا الله محمد رسول الله [1]) и они воскликнутъ: „этотъ подарокъ сыну такого-то, такому-то, который изъ почтенія къ священному Рамазану каждый день, или только по пятницамъ и на канунѣ пятницъ читалъ, или заставлялъ читать, или слушалъ, или носилъ при себѣ эту молитву,—вотъ какія благодѣянія Богъ Всевышній обѣщалъ тому человѣку.—Господинъ пророкъ-миръ ему! сказалъ: „кто изъ моихъ послѣдователей прочитаетъ въ мѣсяцъ Рамазанъ десять разъ эту молитву. тотъ необходимо войдетъ въ рай, ничего не будетъ ему, если онъ только одинъ разъ въ жизни прочитаетъ ее. Также: Богъ Всевышній обѣщалъ тому, кто будетъ изъ уваженія (къ Рамазану) читать эту молитву, всю награду, какая слѣдуетъ всѣмъ 70,000 находящимся на землѣ ангеламъ, произносящимъ славословія и величанія Богу; всѣ читавшіе эту молитву войдутъ въ рай безпрепятственно“.—Очень много благодѣяній доставляетъ эта молитва и очень много преимуществъ у нея; мы говорится въ подлинникѣ, представили это вкратцѣ, и *Богъ лучше знаетъ награды*“ [2])

---

[1]) Т. е. „нѣтъ божества, кромѣ Аллаха; Мухаммедъ—посланникъ Аллаха“—самыя дорогія и спасительныя слова для каждаго мухаммеданина.

[2]) См. شرح رمضان دعاسنی Казань, 1872, стр. 2—3.

Всѣ эти награды, постоянно повторяясь при представленіи спасительности того или другаго благочестиваго подвига въ мѣсяцъ Рамазанъ и часто противорѣча прямымъ представленіямъ Корана [1]) могутъ удовлетворять только умъ и сердце мухаммеданъ, не смѣющихъ разсуждать и обязанныхъ исполнять безпрекословно предписанія своей религіи. Законовѣдѣніе мухаммеданское какъ бы такъ говоритъ мухаммеданину: разсуждать ты не можешь, потому что вѣра твоя есть *исламъ*-покорность; а чтобы тебѣ не казались уставы ислама тяжкими, такъ вотъ многочисленныя награды; помни объ этихъ наградахъ и строго выполняй каждый поклонъ, каждое сидѣнье, каждое стояніе и проч.

---

[1]) Приведемъ одинъ примѣръ: совершать хаджъ для мухаммеданъ обязательно, а служеніе Таравиха, также обязательнаго, даетъ награду, положенную за 70 хаджей, между тѣмъ какъ то и другое—несоизмѣримыя величины: Таравиха не можетъ замѣнить или отмѣнить хаджъ.

V. Недостатки мухаммеданскаго поста сравнительно съ достоинствами поста христіанскаго.

Таковъ мухаммеданскій постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ! Очевидные недостатки мухаммеданскихъ узаконеній относительно этого поста и недостатки, обнаруживающіеся въ самомъ совершеніи его, не замѣчаются мухаммеданами и потому нисколько не препятствуютъ имъ чрезмѣрно хвалить свой постъ и даже предпочитать его посту христіанскому. Но мы уже видѣли всѣ эти недостатки, которые тѣмъ болѣе бросались намъ въ глаза, что рядомъ съ ними мы выставляли достоинства христіанскаго поста. Здѣсь мы вкратцѣ напомнимъ читателю о томъ, о чемъ до сихъ поръ говорили подробно, присоединяя къ этому общему обзору, гдѣ будетъ нужно, и новыя соображенія.

Прежде всего отличіе мухаммеданскаго поста отъ христіанскаго состоитъ въ одностороннемъ пониманіи воздержанія постящагося. Христіанскій постъ состоитъ въ количественномъ и качественномъ воздержаніи отъ пищи и питія, въ постоянной умѣренности и въ воздержаніи не тѣлесномъ только, но и духовномъ. Мухаммеданскій постъ состоитъ только во временномъ дневномъ воздержаніи, смѣняющемся ночью полною свободою въ употребленіи всего запрещеннаго постящемуся днемъ и при-

томъ въ воздержаніи только тѣлесномъ. О душевномъ воздержаніи ни Коранъ, ни мухаммеданское законовѣдѣніе не говорятъ почти ничего. Каждый между тѣмъ долженъ согласиться, что въ дѣлѣ религіи душа гораздо важнѣе тѣла, потому что религія есть по преимуществу потребность души, а не тѣла. Тѣло, какъ неизбѣжный спутникъ души человѣка на землѣ, невольно подчиняется требованіямъ религіи, имѣющимъ прямое и непосредственное отношеніе къ душѣ, а не къ тѣлу.

Такое различіе мухаммеданскаго воздержанія во время поста отъ христіанскаго воздержанія произошло отъ непониманія мухаммеданами истинной цѣли поста, или вѣрнѣе отъ совершеннаго отсутствія этой цѣли при пощеніи мухаммеданъ. Христіанскій постъ имѣетъ своею цѣлію посредствомъ воздержанія тѣлеснаго и душевнаго укротить человѣческія страсти тѣлесныя и душевныя и возбудить въ человѣкѣ молитвенное и покаянное настроеніе. А такъ какъ христіанину заповѣдано постоянно удерживаться отъ всего грѣховнаго, то и воздержаніе предлагается ему въ постоянное упражненіе; христіанинъ долженъ всегда *поститься*, всегда долженъ соблюдать умѣренность въ удовлетвореніи своихъ естественныхъ потребностей; излишество никогда не одобряется христіанскою церковію и во дни поста эта постоянная умѣренность только усиливается количественно и качественно ради особаго приготовленія себя къ покаянію и причащенію св. Таинъ [1]). Какую цѣль имѣетъ мухаммеданскій постъ,—сказать весьма трудно. Мухаммеданинъ, высказывая намѣреніе поститься, говоритъ, что онъ рѣшается приступить къ посту *ради приближенія къ Богу*, ради благоугожденія Ему [2]). Но достигается-ли эта цѣль на самомъ дѣлѣ? Нимало. Неужели мухаммедане, представляющіе Бога Духомъ и отдающіе предпочтеніе ду-

---

[1]) См. выше гл. IV, стр. 35—36.

[2]) См. выше, гл. III, стр. 45.

шѣ человѣка предъ тѣломъ его, думаютъ угодить Богу временнымъ тѣлеснымъ воздержаніемъ, смѣняемымъ также временною тѣлесною и душевною распущенностію? На дѣлѣ выходитъ, что мухаммедане во время поста потребляютъ *всего* гораздо болѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Это ли воздержаніе? Это-ли постъ? Кому и для чего нужно изнуреніе плоти днемъ и полный разгулъ страстей ночью? Богъ вообще въ нашемъ воздержаніи нужды не имѣетъ. а если заповѣдалъ намъ постъ, то для насъ же самихъ, для пользы нашей души, желая чрезъ воздержаніе приблизить ее къ ея богоподобному первообразу, къ невинному состоянію души непадшаго человѣка, словомъ къ безгрѣшному ангельскому состоянію. Неужели же хотя одинъ здравомыслящій скажетъ, что, не вкушая пищи и пр. днемъ въ продолженіе мѣсяца и позволяя себѣ *все* ночью въ продолженіе того же мѣсяца, можно очистить и возвысить свою душу до степени ангельскаго состоянія? Не думаемъ и увѣрены, что на практикѣ многіе мухаммедане проводятъ дни поста скорѣе похристіански, чѣмъ по мухаммедански. Хотя мухаммеданская богословская наука и утверждаетъ, что *душа человѣческая по природѣ мусульманка* [1]), но природа человѣческая доказываетъ намъ на каждомъ шагу, что *душа человѣка по природѣ христіанка*. какъ утверждалъ еще Тертуліанъ. Мухаммедане заимствовали у христіанъ выраженіе, но не доказываютъ его своею жизнію. Мы видѣли выше, съ какимъ усердіемъ мухаммедане готовятся къ посту, какъ бы къ нѣкоему празднику и какъ этотъ постъ подъ конецъ имъ надоѣдаетъ. Иначе и быть не можетъ: всякому излишеству есть предѣлъ. Но христіанство знаетъ многихъ подвижниковъ, вѣчныхъ постниковъ, никогда не роптавшихъ на свое добровольное воздержаніе, находя его сроднымъ съ человѣческою природою. Мухаммеданскій постъ отъ того

---

[1]) Китабъ Пиргили Казань. 1855.

представляется такимъ неестественнымъ, страннымъ, что ни Мухаммедъ, ни позднѣйшіе мухаммеданскіе законовѣды не удержали въ своемъ представленіи о постѣ характера не только христіанскаго поста, но и поста іудеевъ. Съ постомъ іудеевъ мухаммеданнскій постъ еще имѣетъ нѣкоторое, формальное сходство; но съ христіанскимъ постомъ постъ мухаммеданъ трудно и сравнивать: эти два поста можно противополагать одинъ другому. Съ христіанской точки зрѣнія, мухаммеданскій постъ нельзя даже и называть постомъ, потому что онъ не отвѣчаетъ нисколько истинному понятію о постѣ. Съ одной стороны въ мухаммеданскомъ постѣ замѣчается крайнее, иногда не по силамъ чѣловѣка, воздержаніе (днемъ), а съ другой стороны тотъ же постъ допускаетъ (ночью) крайнее послабленіе чувственности. Мухаммедъ, желая подражать изъ-за личныхъ выгодъ христіанамъ при установленіи своего поста, наблюдалъ только внѣшнюю сторону поста, а характера христіанскаго поста и значенія его въ нравственной жизни онъ нисколько не понималъ. Еще менѣе Мухаммеда духъ и значеніе христіанскаго поста были извѣстны мухаммеданскимъ толковникамъ Корана и законовѣдамъ. Первые неправильно толкуютъ исторію своего поста и христіанскаго, а вторые, желая увѣрить мухаммеданъ, что христіанамъ былъ предписанъ когда-то постъ Рамазанъ, составили для своего мнимо-истиннаго поста такія странныя правила. Любопытно также обратить вниманіе на то, что Мухаммедъ не придавалъ посту вообще большаго значенія въ нравственно-религіозной жизни своихъ послѣдователей. Тѣмъ, у кого доставало терпѣнія прочитать Коранъ съ начала до конца, извѣстно, что о постѣ говорится тамъ только въ одномъ мѣстѣ, именно во 2 гл., ст. 179—183 [1]) И въ этихъ стихахъ ни слова не говорится о нравственномъ значеніи поста; между тѣмъ о молитвѣ и милостынѣ Коранъ упоминаетъ

[1]) Русскій переводъ этого мѣста помѣщенъ у насъ на стр. 16, 28 и 36—37

весьма, весьма часто. Замѣчательно также, что послѣднія двѣ нравственныя обязанности человѣка предписываются или одобряются почти всегда нераздѣльно одна отъ другой. Не чувствовалъ-ли самъ Мухаммедъ что, установляя постъ, онъ предписывалъ своимъ послѣдователямъ не совсѣмъ пріятную обязанность и потому много не настаивалъ на ней. Да, можетъ быть, и самому законодателю мухаммеданства въ періодъ его мединской жизни, когда онъ совершенно измѣнился въ своемъ нравственомъ характерѣ [1]), постъ казался не особенно удобоисполнимымъ дѣломъ. Обыкновенно говорятъ, что Мухаммедъ далъ арабамъ такую религію, лучше которой не можетъ и быть по мѣстнымъ условіямъ. Но едвали предписаніе Мухамеда о постѣ можно считать такимъ предписаніемъ, которое было бы приноровлено къ знойному климату Аравіи. Что на конецъ Мухаммедъ не чувствовалъ самъ въ постѣ большой надобности, или по крайней мѣрѣ не замѣчалъ недостатка въ свой вѣрѣ безъ поста, это видно изъ того, что онъ вспомнилъ о постѣ только въ Мединѣ, столкнувшись тутъ съ іудеями, а потомъ съ христіанами. О милостынѣ же и молитвѣ Мухаммедъ говорилъ еще въ Меккѣ. Мы удивляемся по этому, какимъ образомъ Вейль могъ сказать въ своемъ „Историко-критическомъ введеніи въ Коранъ“ что между обрядовыми законами ислама есть одинъ такой, который освобождаетъ по крайней мѣрѣ Мухаммеда отъ упрека, будто онъ благопріятствовалъ своими предписаніями чувственности арабовъ. Разумѣемъ постъ Рамазанъ. Представьте себѣ палимыя солнцемъ пустыни Аравіи при запрещеніи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца отъ восхода до захода солнечнаго не только не подкрѣплять себя пищею, но и даже одною каплею воды,—и вы найдете, что исполненіе Мухаммедовыхъ предписаній не такъ-то легко [2]). Стран-

---

[1]) Ср. Миссіонер. противомусул. сборникъ, вып. VI стр. 10—14.

[2]) См. рус. перев. въ Миссіонерск. противомусул. сбор. вып. VI стр 89—90.

но, почему же именно Вейль подъ чувственностію разумѣетъ только вкушеніе пищи и утоленіе жажды. Еще болѣе странно, что, защищая Мухаммеда, онъ не упомянулъ даже о дозволеніи Корана чувственныхъ удовольствій арабамъ во дни поста. Вѣроятно, потому умолчалъ Вейль о неприличномъ посту послабленіи Кораномъ чувственности арабовъ, что только въ *постѣ* одномъ надѣялся найти точку опоры для своей совсѣмъ неоригинальной адвокатуры. Всякій можетъ видѣть, насколько удалось Вейлю оправдать своего кліента отъ дѣлаемыхъ ему справедливо упрековъ въ поблажкѣ его чувственности своей прежде всего, а потому уже и чувственности своихъ послѣдователей—арабовъ. Странная защита Вейля можетъ быть объяснена только умышленнымъ желаніемъ оправдать Мухаммеда и его религіозный законъ о постѣ предъ судомъ европейскихъ читателей и науки. Желаніе—недостойное ученаго и оріенталиста! Почему и для чего нѣмецкій ученый хотѣлъ непремѣнно оправдать Мухаммеда? Не слѣдовало бы забывать почтенному труженику орьентальной европейской науки изрѣченія древнихъ: „amicus Plato, magis amica veritas". Если же онъ презрѣлъ это мудрое изрѣченіе, то спрашивается, для кого назначалась такая апологія: для мухаммеданъ? Но мухаммедане и безъ нашихъ разъясненій чтятъ Мухаммеда. Для христіанъ? Безцѣльно и странно.... Вообще нужно замѣтить, что западнымъ оріенталистамъ рѣдко удается высказывать вѣрныя сужденія о религіозной сторонѣ ислама, потому что большинство такихъ ученыхъ не имѣютъ богословскаго образованія и часто совершенно индеферентно относятся къ религіознымъ вопросамъ. По этому нечего удивляться, если въ русскихъ изданіяхъ повторяются подобныя же невѣрныя сужденія. Такъ, напр., въ одной русской газетѣ было напечатано по поводу прошлогодняго Рамазана между прочимъ слѣдующее: „Если прилежно наблюдать образъ жизни мусульманъ, напр. Турокъ во время Рамазана, то можно придти къ

нѣкоторому уясненію той идеи и цѣли, съ которыми (съ какими?) установленъ (постъ) Рамазанъ: это для того, чтобы пріучить мусульманъ къ умѣренности, лишеніямъ, закалить ихъ волю для всѣхъ возможныхъ опасностей (sic!). Но странно, что въ тоже время допущенъ необузданный ночной разгулъ. Затѣмъ нужно замѣтить еще и то, что большая часть дня, въ теченіе Рамазана, проводится мусульманами во снѣ“ [1]). Гдѣ же, спросимъ мы этого автора, „*это нѣкоторое уясненіе*“, о какомъ была рѣчь? Напрасно кто сталъ бы искать, этого уясненія идеи и цѣли мусульманскаго поста, потому что ни исторія установленія этого поста, ни законодательство объ исполненіи этой религіозно-нравственной обязанности не выясняютъ намъ ни той, ни другой. Скажемъ поэтому словами г. Березина: „въ мусульманскомъ мірѣ не мало странностей, но между ними едвали не первое мѣсто занимаетъ мусульманскій постъ. Вы удивляетесь, что постъ поставленъ въ числѣ странностей и притомъ перваго разряда, но какъ же мнѣ выразиться иначе о Рамазанѣ, о томъ Рамазанѣ, который я наблюдалъ, въ полномъ его развитіи и блескѣ, въ столицѣ мусульманства — въ Константинополѣ? Всѣ мы привыкли соединять съ идеей о постѣ нѣчто суровое, полное непрерывныхъ лишеній и умерщвленія страстей: нѣтъ ничего подобнаго въ мусульманскомъ постѣ, который въ добавокъ еще и не прообразуетъ никакой тайны, никакого событія, исполняется неизвѣстно за чѣмъ и ни къ чему почти не ведетъ. Это пустая форма безъ идеи, и притомъ какая форма!... Заботясь о нѣкоторой оригинальности въ своей религіи, Мухаммедъ далъ мухаммеданскому посту необыкновенное

---

1) Русскій Міръ, 1876 г. № 242; ст. „Мусульманскій Рамазанъ“. Здѣсь кстати замѣтимъ, что авторъ не понимаетъ и самаго названія „Рамазанъ“. „Рамазанъ, говорится въ газетѣ, въ переводѣ значитъ *постъ, говѣнье*“,... тогда какъ “Рамазанъ“ есть названіе мѣсяца поста. Ср. выше, стр. 31—32.

условіе: человѣкъ подвергаетъ себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питія въ теченіе дня, но за то онъ можетъ вознаградить себя въ теченіи ночи любымъ угощеніемъ и наслажденіями всякаго рода, за исключеніемъ вина, вообще запрещеннаго въ исламѣ. Усердный мусульманинъ и не оставляетъ пользоваться размашисто дозволеніемъ своего наставника, такъ что Рамазанъ превращается изъ поста въ самый веселый мѣсяцъ въ году: вмѣсто тишины, самоуглубленія и покаянія, вы видите грубое, неистовое подражаніе аѳинскимъ ночамъ“ 1).

Мухаммедане, а за ними и крещеные инородцы, склонные къ мухаммеданству, хвалятся постомъ въ мѣсяцъ Рамазанъ, какъ самымъ строгимъ постомъ и потому предпочитаютъ его даже посту христіанскому. Но, во первыхъ, не всякое строгое установленіе слѣдуетъ хвалить, особенно когда это установленіе не имѣетъ разумнаго основанія и не достигаетъ ни какой цѣли; во вторыхъ, при всей видимой строгости мухаммеданскаго поста, распространенное мнѣніе о его суровости не можетъ быть принято за несомнѣнное. Постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ можетъ представлять дѣйствительную трудность только тогда, когда онъ случается въ лѣтніе мѣсяцы, когда дни бываютъ продолжительнѣе ночей и когда солнечный зной бываетъ не выносимъ, особенно для людей, занятыхъ полевыми работами и вообще работами трудными и исполняющимися на открытомъ воздухѣ. Въ зимнее же время мухаммеданскій постъ далеко не такъ труденъ, какъ о немъ говорятъ люди, мало его знающіе. Христіанскій постъ, при всей своей видимой свободѣ, гораздо труднѣе мухаммеданскаго поста. Христіане въ продолженіе своего поста обращаютъ свое вниманіе не только на количество, но и на качество пищи, употребляютъ пищу постную и то въ маломъ количествѣ. У мухаммеданъ же нѣтъ такихъ ограниче-

1) Рамазанъ въ Стамбулѣ, Русскій Вѣстникъ 1856 г. Т. I. Февраль, книга вторая, стр. 682.

ній, вполнѣ согласныхъ съ цѣлію поста. Пропостившись день, мухаммеданинъ въ продолженіе ночи (особенно зимней) можетъ съ избыткомъ вознаградить себя за свое воздержаніе, потому что до утренней зари можетъ не только ѣсть и пить все, что у него найдется и сколько ему угодно, но и имѣть даже сношеніе съ женами своими. Все это дало поводъ Марракчію слѣлать рѣзкое, но тѣмъ не менѣе правдивое возраженіе Мухаммеду въ такихъ выраженіяхъ: „мудрѣйшій (иронія) законодатель предписалъ своимъ послѣдователямъ не только воздерживаться въ теченіе дня отъ пищи и питія и сношенія съ женами, но и оставаться въ мечети на молитвѣ [1]), какъ будто бы возможно, чтобы кто-нибуть, проведя цѣлую ночь въ ѣдѣ, питьѣ и чувственныхъ удовольствіяхъ, былъ способенъ заниматься молитвою. По этому добрые (иронія) мухаммедане, если они богаты, знатны и ведутъ роскошную жизнь, цѣлый день спятъ и, обременные сномъ, ловко избѣгаютъ дневнаго голода“ [2]). Казанскіе татары, именно не принадлежащіе къ рабочему классу, имѣютъ обыкновеніе во время Рамазана проводить свободное отъ законной молитвы время въ прогулкахъ по городу, чтобы такимъ образомъ развлечь свое вниманіе уличными впечатлѣніями и отвлекать свое сознаніе, опутанное правилами мухаммеданской обрядовой казуистики, отъ ощущеній желудка [3]).—Кромѣ сказаннаго, нужно обратить вниманіе крещеныхъ татаръ и на продолжительность мухаммеданскаго поста сравнительно съ христіанскимъ постомъ. Мѣсяцъ Рамазанъ (или 30 дней) есть единственное время въ году, когда мухаммедане *обязаны* поститься. Христіане же обязаны поститься

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 183.

[2]) **Prodromus ad Refutat. Alcorani, cap. IV, p. 71** и проч.

[3]) Пишущему эти строки извѣстенъ случай, какъ однажды постящійся мухаммеданинъ досталъ себѣ на время поста игорныя карты, которыя и возвратилъ ихъ хозяину немедленно по окончаніи Рамазана, прибавивши при этомъ, что карты ему болѣе не нужны.

болѣе полугода, если сложить вмѣстѣ всѣ постные дни въ году, въ продолженіе которыхъ христіане обязаны соблюдать постъ. Мухаммедане, кромѣ Рамазана, знаютъ еще постъ добровольный, постъ по обѣту и пр. Всѣ эти роды поста знаютъ и христіане и дѣйствительно постятся многіе изъ нихъ большую часть года. Мы не говоримъ уже объ обѣтѣ постояннаго поста, извѣстнаго христіанскимъ инокамъ и многимъ изъ мірянъ.

Въ отношеніи богослуженія, совершаемаго у мухаммеданъ во дни поста, мухаммеданскій постъ не можетъ идти въ сравненіе съ христіанскимъ постомъ. Изъ предыдущей главы мы уже видѣли всѣ недостатки мухаммеданскаго постоваго богослуженія. Теперь мы укажемъ на странный у стамбульскихъ мухаммеданъ, обрядъ цѣлованія плаща Мухаммеда и освященія воды посредствомъ этого плаща, а также на обычай выставлять во дни поста зубы Мухаммеда, выбитые у него во время Оходской битвы. Мы уже замѣчали, что этотъ обычай противорѣчитъ основному духу ислама, отрицающаго всякое поклоненіе вещественнымъ предметамъ и съ особенною силою возстающаго противъ чествованія христіанами св. иконъ. Нужно къ этому прибавить, что христіанскія иконы и другіе священные предметы, чествуемые христіанами, дѣйствительно заслуживаютъ такаго чествованія. Возмемъ, напр., священный крестъ, всегда чествуемый христіанами и выносимый для возбужденія въ душѣ христіанина благоговѣйныхъ чувствъ на средину церкви въ продолженіе четвертой недѣли Великаго поста, называемой по этому *„крестопоклонной недѣлей“*. Какая исторія этого священнаго предмета и что онъ напоминаетъ христіанамъ? Вольное страданіе и вольную смерть Іисуса Христа за грѣхи всего міра, и чрезъ это полную побѣду Господа Іисуса надъ силами ада. Что можетъ быть возвышеннѣе и священнѣе такого событія? И можно-ли усумниться въ мудрой заботливости Православной христіанской церкви, установившей обычай цѣловать

такое священное изображеніе (св. Крестъ), вызывающее въ душѣ вѣрующаго столь высоко-священныя чувства, какъ чувство своего смиренія, недостоинства предъ любвеобильнымъ Отцемъ Богомъ, соизволившимъ на смерть Сына своего Единороднаго за грѣхи и благодарности къ Отцу и Сыну и св. Духу. Эти именно чувства вполнѣ своевременны во дни св. Четыредесятницы, назначенной для покаянія, очищенія нашей грѣховной совѣсти и пріобщенія посредствомъ принятія св. таинъ съ Самимъ Господомъ, пострадавшимъ для нашего спасенія. Есть ли что подобное въ стамбульскомъ обычаѣ цѣлованія Мухаммедова плаща? Какія священныя мысли и чувства можетъ возбуждать эта одежда основателя ислама? Не станемъ говорить отъ себя ничего по этому поводу, а ограничимся представленіемъ исторіи этой мнимо священной одежды; предоставимъ исторіи отвѣчать на поставленный нами вполнѣ умѣстно вопросъ. Вотъ эта исторія, какъ передаетъ ее Придо. Въ 624 г. по Р. Хр. Мухаммедъ воевалъ съ сосѣдними Арабскими колѣнами, исповѣдывавшими іудейскій законъ. Онъ взялъ ихъ замки и, плѣнивъ ихъ, продалъ всѣхъ въ рабство, а имѣнія ихъ раздѣлилъ между своими послѣдователями. Войну эту онъ началъ больше всего для того, чтобы поймать и умертвить *Кааба Ибнъ Загира* одного *раввина*, къ которому онъ чувствовалъ сильную ненависть; не могши найти его ни въ одномъ изъ завоеванныхъ имъ городовъ, Мухамедъ разослалъ для поисковъ раввина множество отрядовъ съ повелѣніемъ убить отыскиваемаго, гдѣ бы не встрѣтили его. Вотъ причина такой чрезвычайной ненависти: *Каабъ* былъ замѣчательнымъ поэтомъ среди Арабовъ; когда его братъ, по имени *Бежаиръ*, вступилъ въ общество (послѣдователей) Мухаммеда, то онъ написалъ по этому поводу весьма ѣдкую сотирическую поэму, чѣмъ раздражилъ Мухаммеда до такой степени, что онъ, не могши владѣть своими чувствами, вознамѣрился отмстить за это безчестіе винов-

нику его, если только этотъ когда нибудь попадется къ нему въ руки. Каабъ нѣсколько времени избѣгалъ всѣ сѣти, которыя ему были разставляемы; но какъ скоро власть Мухаммеда усилилась до такой степени, что наибольшая часть Аравіи покорилась ему, Каабъ, видя, что не можетъ быть въ безопасности, если не помирится съ Мухаммедомъ, и дабы получить прощеніе отъ него, явился къ Мухаммеду и сдѣлался его послѣдователемъ. Мухаммедъ приказалъ ему тотчасъ написать опроверженіе на поэму, такъ много его обесчестившую, что онъ и сдѣлалъ, поставивъ имя *Абу-бекра* во всѣхъ стихахъ, въ которыхъ онъ прежде этого упоминалъ имя *Мухаммеда;* однако этого не достаточно было, и Мухаммедъ не хотѣлъ его простить, равно какъ не желалъ пользоваться и тою выгодою къ своему отмщенію, что имѣлъ его въ своихъ рукахъ. Каабъ, видя худой успѣхъ этого перваго своего труда, употребилъ другой способъ, чтобы войти къ нему въ милость. Узнавши, что Мухаммедъ взялъ недавно къ себѣ новую любовницу, которую страстно любилъ и съ которою во время военныхъ предпріятій разставался съ великою печалію, хитрый еврей и употребилъ эту страсть, чтобы тронуть Мухаммеда, и написалъ прекрасную поэму въ похвалу этой женщины, чѣмъ склонилъ къ себѣ сердце страстнаго старика до такой степени, что онъ не только простилъ его, но и принялъ его въ число своихъ первыхъ любимцевъ, и Каабъ впослѣдствіи былъ всегда однимъ изъ ближайшихъ его наперстниковъ. Въ знакъ своей милости, Мухаммедъ подарилъ ему (въ 630 г.) *мантію*, которую на себѣ имѣлъ, и которая, будучи сохраняема Каабомъ, изъ притворнаго почтенія къ обманщику, была потомъ какъ святыня, куплена *Моавіемъ*, какъ только онъ воцарился, у дѣтей Кааба за тридцать тысячъ червонныхъ. Это и есть та самая одежда, которую Моавія и его наслѣдники изъ дому Оммайяда надѣвали при всякомъ тор-

жественномъ случаѣ“ [1]). Отъ халифа Моавіи этотъ плащъ перешелъ потомъ къ аббасидскимъ калифамъ, далѣе въ Каиръ, а отсюда наконецъ въ Стамбулъ вмѣстѣ съ знаменемъ Мухаммеда. У Османовъ плащъ этотъ и сохранился до сего дня [2]).—Своихъ заключеній изъ этой исторіи мы не дѣлаемъ. Не будемъ также сами говорить и о зубахъ Мухаммеда, а предоставимъ разсказать ихъ судьбу исторіи. Вотъ эта исторія, какъ ее кратко представляетъ даже защитникъ Мухаммеда, цитованный уже нами Вейль. По его словамъ, Мухаммедъ послѣ Бедрской битвы, бывшей во второмъ году Гиджры (т. е. въ 624 г. по Р. Хр.), въ продолженіи тринадцати мѣсяцевъ могъ безнаказанно *грабить* караваны курейшитовъ и воевать противъ нѣкоторыхъ союзныхъ имъ племенъ, пока наконецъ они не отправили до 3,000 сильныхъ мужей въ Медину уничтожить силу Мухаммеда и отмстить ему за нанесенную имъ при Бедерѣ потерю. Мухаммедъ хотѣлъ дожидаться враговъ въ городѣ, но былъ вынужденъ мединцами, или нѣкоторыми изъ своихъ солдатъ, жаждущихъ брани, дать мекканцамъ сраженіе внѣ города, вблизи горы Оходской. Мухаммедъ потерялъ въ этомъ стражении 70 лучшихъ своихъ воиновъ, и между ними своего дядю Гамзу. Самъ онъ былъ раненъ и даже долгое время считался убитымъ. По этому, вѣроятно, курейшиты и не преслѣдовали своихъ побѣжденныхъ. Только на возвратномъ пути узнали они, что Мухаммедъ еще живъ, но не отважились возвращаться въ Медину, получивши ложное извѣстіе отъ одного изъ его приверженцевъ, что къ нему присоединились новыя вспомогательныя войска [3]).

Кантемиръ упоминаетъ только объ одномъ зубѣ

---

1) *Придо.* Житіе Магомедово. Стр. 75—77; ср. Полная картина Оттоманскія Имперіи Д'Оссона. Рус. пер. Т. I, стр. 349.

2) Рамазанъ въ султан. дворцѣ и Байрамъ. Рус. Вѣст. 1856 г. т. 2. Мартъ, кн. первая, стр. 138.

3) Миссіонер. противомус. сборникъ, вып. VI. Стр. 162—163.

Мухаммеда, хранящемся въ Стамбульскомъ дворцѣ и, на основаніи разсказовъ объ этомъ зубѣ, переданныхъ Кантеміру придворными чинами и духовными людьми, говоритъ, что зубъ этотъ бѣлъ какъ маргаритъ, но вдвое шире и длиннѣе обыкновенныхъ человѣческихъ зубовъ [1]). Хотя достовѣрно извѣстно, что у Мухаммеда были зубы бѣлые и широкіе, но Кантемиръ, на основаніи описанія хранящагося въ Стамбулѣ зуба, сомнѣвается въ его подлинности [2]), но Вамбери признаетъ подлинность этихъ зубовъ и утверждаетъ, что ихъ два. Вотъ его слова: „на восточномъ концѣ (Медины) возвышается чернымъ призракомъ базальтовая гора Оходъ. При взглядѣ на эту гору истинный мусульманинъ долженъ почувствовать зубную боль, по тому что у подошвы ея происходила та знаменитая битва, во время которой у Мухаммеда были выбиты два передніе зуба, тѣ самые, которые и въ настоящее время хранятся въ Константинополѣ, въ футлярѣ, роскошно украшенномъ изумрудными каменьями [3]).

Въ предыдущей главѣ мы показали, какую невѣроятную пользу для души доставляетъ постъ мухаммеданамъ. Но мухаммедане напрасно забываютъ при этомъ тотъ громадный вредъ, который происходитъ отъ ихъ поста въ обыкновенной жизни человѣка. Постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ, не соотвѣтствуя идеѣ поста и сопровождаясь излишествами, можетъ сопровождаться болѣзнями; ненормальный образъ жизни въ теченіе цѣлаго мѣсяца особенно лѣтняго, можетъ, по отзывамъ знатоковъ, способствовать даже увеличенію смертности между мухаммеданами: „изнуряемое въ теченіе дня тѣло съ избыткомъ подкрѣпляется ночью, и мусульманинъ одинъ

---

[1]) Кніга Сустіма, стр. 30.

[2]) Тамъ же.

[3]) Очерки, стр. 177.

мѣсяцъ въ году живетъ извращенною жизнію.... И конечно мусульманскій постъ нигдѣ не остается безъ послѣдствій для здоровья постящагося: то что было не труднымъ и даже обычнымъ дѣломъ для бедуина, природой и климатомъ осужденнаго на самый умѣренный образъ жизни, въ другихъ странахъ является безобразнымъ и вреднымъ уставомъ, тѣмъ болѣе, что жертва безцѣльна и безплодна“ [1]). Это—вредъ гигіеническій. Кромѣ того мухаммеданскій постъ влечетъ за собою большой вредъ экономическій, особенно у турокъ, которые въ продолженіе Рамазана прекращаютъ дневныя занятія, ремесла и торговыя сношенія. Такимъ образомъ значительно уменьшается количество рабочаго времени: въ двѣнадцать лѣтъ общая сумма нерабочихъ рамазанныхъ дней составитъ цѣлый годъ; поэтому естественно мухаммеданскія государства послѣдовательно годъ за годомъ отстаютъ отъ европейскихъ государствъ въ экономическомъ отношеніи. При такомъ разсчетѣ мухаммеданскія государства потеряли въ продолженіе всего существованія ислама 1282 мѣсяца, что составляетъ 107 лѣтъ [2]). Россійскіе подданные мухаммедане гораздо трудолюбивѣе турокъ, но и у нихъ, безъ сомнѣнія, ненормальное дневное воздержаніе значительно ослабляетъ энергію, столь необходимую въ житейскомъ отношеніи.

Наконецъ мухаммеданскій постъ можетъ сопровождаться въ мухаммеданскихъ государствахъ политическимъ вредомъ, такъ какъ ненормальное воздержаніе днемъ и разгулъ ночью, совершаемый во имя религіи, вліяетъ на возбужденіе и усиленіе фонатизма въ настоящихъ мухаммеданахъ. „Дневной постъ и ночныя излишества, писали прошлый годъ въ одной русской газетѣ, разстраиваютъ турка какъ въ физическомъ, такъ и въ нрав-

---

[1]) Рамазанъ въ Стамбулѣ. Рус. Вѣст. 1856 г. т. 1. Февраль, кн. вторая. стр. 683.

[2]) Ср. Русскій Міръ 1876 г. № 242, ст. Мусульманскій Рамазанъ. При лунномъ счисленіи мухаммеданъ Рамазанъ случается въ каждые 33 года 34 раза; слѣд. еще прибавляется одинъ нерабочій мѣсяцъ въ каждые 33 года.

ственномъ отношеніи: онъ становится желчнымъ, раздражительнымъ и готовымъ на кровавыя дѣянія. Государственные перевороты не рѣдко совершались именно въ этотъ періодъ времени, когда опытные агитаторы спѣшили воспользоваться возбужденнымъ состояніемъ населенія для осуществленія своихъ цѣлей“ [1]). Съ другой стороны никогда, по словамъ католическаго миссіонера, справедливость такъ часто и грубо не нарушается у мухаммеданъ, какъ во время Рамазана: постъ обезпечиваетъ виновнымъ родъ безнаказанности. Когда обиженный человѣкъ вызываетъ другаго на судъ, когда онъ выдастъ его и обвиняетъ предъ кадіемъ, то послѣдній отвѣчаетъ обвинителю: „правда, онъ обидѣлъ тебя; но бѣдный человѣкъ постится.... Я вижу лице его,—оно жалко, онъ такъ слабъ, что умретъ отъ перваго удара палкой... Постъ разслабляетъ у насъ тѣло и духъ; я почти самъ не знаю, гдѣ я: обморокъ производитъ головокруженіе... Виновный былъ, вѣроятно, полусумасшедшимъ, когда такъ дурно обошелся съ тобой. Чего хочешь ты, чтобы я сдѣлалъ ему? Я предоставляю въ этомъ судъ тебѣ самому: вотъ онъ безъ силъ и почти готовъ упасть отъ слабости. Хочешь ли ты, чтобы я умертвилъ его подъ ударами? Это было бы жестоко!... Если обвинителемъ бываетъ христіанинъ, то онъ показываетъ видъ, что убѣждается этими доводами; если же онъ не удовлетворяется, то по крайней мѣрѣ утѣшаетъ себя, что ходилъ жаловаться. Если же обвинителемъ былъ мусульманинъ, то онъ болѣе чѣмъ убѣжденъ въ основательности разсужденій кадія, потому что самъ разыгрываетъ въ комедіи лице постящееся. Такъ обыкновенно оканчиваются процессы въ это время покаянія, особенно если обвиняемый находитъ средство передать

---

1) Рускій Міръ 1876 г. № 237. Весьма интересно сравнить двѣ корреспонденціи изъ Казани, помѣщенныя въ той же газетѣ въ №№ 287 и 299. Въ корреспонденціяхъ сообщается о волненіи, происходившемъ во время Рамазана въ средѣ мухаммеданскаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Казанской губерніи.

секретно какую-нибудь сумму денегъ въ руки своего судьи; эта сумма возбуждаетъ неминуемо состраданіе въ судьѣ къ изнуренію и мнимой слабости виновнаго. Встрѣчаются однакожь иногда люди худаго нрава, которые не довольствуются этими доводами и которые непремѣнно желаютъ пропорціональго удовлетворенія; но иногда и имъ бываетъ худо,—и это случилось въ прошломъ постѣ [1]). Одинъ турокъ привелъ въ общественное судилище другаго турка, отъ котораго онъ получилъ кровавую обиду. Подкупленный судья былъ расположенъ къ милости и, чтобы уполномочить себя къ пощадѣ виновнаго, которому онъ покровительствовалъ и котораго хотѣлъ спасти,—выставилъ главною причиною постъ. Обвинителю эта причина показалась недостаточною и онъ упорно настаивалъ, что виновный въ состояніи былъ вынести заслуженное наказаніе; онъ возвышалъ голосъ и говорилъ съ большимъ жаромъ и живостью. Кадій, не будучи въ состояніи противопоставить представленіямъ обвинителя ничего дѣльнаго, отвѣчалъ на это единственнымъ, но рѣшительнымъ тономъ. „Ахъ! Ахъ! сказалъ онъ ему: у тебя грудь очень крѣпкая; вѣроятно, ты не постишься какъ мы, потому что ты столько говоришь и не чуствуешь слабости, какую ощущаемъ мы“.... Немедленно послѣ этого Кадій назначилъ виновному палочныя удары, какъ нарушителю закона Мухаммеда, о постѣ Рамазанъ, котораго онъ не соблюдалъ. Доказательство было неправильно, но рѣшительно и несчастный могъ отвѣчать только своими криками [2]).

---

[1]) Въ какомъ году писано это письмо, неизвѣстно. Издано оно въ 1829—30 г.

[2]) **Bibliotheque des amis de la religion. Lettres edifiantes et curieuses ecrites par des missionaires de la compagnie de Iesus. Tome troisieme. Paris. 1829. p. 75—77.** См. рус. переводъ въ приложеніи.

Намъ могутъ возразить по поводу нашего изслѣдованія, что мы указывая на недостатки правилъ мухаммеданскаго поста и на недостатки постящихся мухаммеданъ, ни слова не сказали о недостаткахъ постящихся христіанъ. Мухаммедане вообще, а за ними и крещенные татары, любятъ укорять христіанъ въ несоблюденіи правилъ своей вѣры. На эти недостатки могутъ обратить вниманіе и тѣ крещенные татары, съ которыми священникамъ или учителямъ крещено-татарскихъ школъ приведется бесѣдовать о мухаммеданскомъ постѣ. Отвѣтъ на такое замѣчаніе самъ собою очевиденъ Во первыхъ, мы имѣемъ въ виду *законъ* мухаммеданскій и христіанскій о томъ, а не исполненіе его; правила закона, а не людей, обязанныхъ исполнять эти правила. Если же мы выше указали и на самыхъ людей, то только для того, чтобы показать то вліяніе, какое производитъ мухаммеданскій законъ о постѣ на своихъ послѣдователей. Мы готовы удивляться тому терпѣнію, съ какимъ многіе, преимущественно пожилыя мухаммедане, переносятъ въ лѣтнее время, во дни поста, мучительную пытку жажды. По словамъ Абдулъ-Гаффара, ревностные мухаммедане, совершавшіе хаджъ въ то именно время, когда Рамазанъ случился въ знойный лѣтній мѣсяцъ, не рѣшались нарушить правилъ поста употребленіемъ даже одной капли воды, хотя арабское небо палило невыносимо [1]). Но это вопервыхъ не примѣръ,

[1]) Справ. Лист. г. Казани. 1867 г. № 13. Да и вообще на востокѣ постъ мухаммеданъ въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ тяжелъ для послѣдователей Корана. „Въ такой жаркой странѣ, какъ Египетъ, напр, жажда мучительнѣе голода. Не менѣе также тягостно для восточныхъ жителей и запрещеніе курить, такъ какъ они привыкли въ каждую свободную минуту, каких у нихъ довольно, не выпускать чубука изо рта. Изъ этого слѣдуетъ что постъ здѣсь очень тягостенъ. Бѣдные капрцы не могутъ дождаться когда прогремитъ пушка, возвѣщающая разрѣшеніе отъ поста. Въ туже минуту всѣ оживаютъ; закуриваются трубки, около кофеенъ начинается суетливое движеніе. Особенно на базарахъ, гдѣ продаютъ съѣстные припасы, народъ толпится далеко за полночь и только въ Рамазанъ базаръ этотъ ярко освѣщенъ, такъ какъ невозможно продавать въ потемкахъ.“ (Очерки современнаго Египта. С.-П. 1874 г. стр. 115). И Каптеміръ, вообще очень

потому что мы несомнѣнно знаемъ, что мухаммедане не рѣдко нарушаютъ свой постъ. Относительно турокъ Вамбери замѣчаетъ, что они нарушаютъ свой постъ въ теченіе дня и въ этомъ случаѣ гаремъ представляетъ имъ удобство, не нарушая приличія и не представляясь невѣрующимъ въ глазахъ мужской прислуги, вкушать пищи наперекоръ закона [1]). Имѣвшій возможность въ продолженіе многихъ лѣтъ близко наблюдать за внутреннею жизнію Казанскихъ татаръ, докторъ Фуксъ говоритъ: „во время Рамазана татары днемъ не являются въ трактирѣ, но въ сумерки идутъ туда толпами. Многіе молодые люди посѣщали во время Рамазана трактиры и днемъ, если бы не боялись, по ихъ самолюбію, подвергнуться насмѣшкамъ отъ своей братіи. У нихъ есть старинный обычай, во время Рамазана, въ случаѣ невоздержности какого либо татарина днемъ въ пищѣ или питьѣ, тотчасъ схватить его и представить муллѣ. Мулла въ ту же минуру мараетъ ему лице сажею и въ такомъ видѣ выгоняетъ на улицу, гдѣ другіе татары, по религіозному побужденію, бьютъ его палками, или брыжжутъ въ него грязью до тѣхъ поръ, пока онъ куда нибудь отъ нихъ не скроется. Недавно случилось [2]), что одинъ татаринъ во время поста днемъ вышелъ изъ кабака; татары бросились на него, что бы схватить его, но ему удалось убѣжать въ другой кабакъ, гдѣ онъ нашелъ себѣ убѣжище до вечера“. Въ 1875 г. Рама-

---

строго относящійся къ мухаммеданскому посту и къ постящимся туркамъ, замѣчаетъ однако, что между ними есть и истинно постящіеся, которые удерживаются отъ дурныхъ и излишнихъ бесѣдъ, прощаютъ согрѣшенія другимъ и себѣ покорно просятъ прощенія, подаютъ щедрыя и обильныя и притомъ тайныя милостыни убогимъ и заключеннымъ въ темницахъ и являютъ своимъ братьямъ и сосѣдямъ многія другія благодѣянія и образы добродѣтели (книга Сустіма, стр. 181). Но подобныя проявленія религіознаго чувства постящихся мухаммеданъ еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ, что „всякая душа по природѣ христіанка“, что и мухаммедане могутъ иногда являть дѣла благочестія въ такой формѣ, какой требуетъ христіанская религія.

[1]) Очерки, стр. 8.

[2]) Книжка Фукса издана въ 1844 году.

занъ начался 20 сентября, которое тогда случилось въ субботу. 1 октября, которое было въ среду, я проходилъ по малой проломной улицѣ, по направленію къ толчку,— и только что повернулъ за уголъ толчковскаго переулка по направленію къ Воскресенской, какъ замѣтилъ большую толпу рабочаго люда, стѣснившагося около новыхъ лавокъ. Сначала я не могъ ничего подумать особеннаго объ этой шумной толпѣ, но, замѣтивъ, то всѣ, стоящіе на толчкѣ, поденьщики съ любопытствомъ смотрятъ по направленію къ толпѣ, и я остановился. Вдругъ около меня кто-то вскрикнулъ злорадостно и указалъ на толпу.... Я посмотрѣлъ въ сторону толпы и увидѣлъ черное лицо татарина, надъ которымъ издѣвались и русскіе и татары. Это былъ именно нарушитель поста. Говорили, что онъ напился пьянъ... Татары говорили мнѣ тогда, что такъ и надо его... не ломай поста.... „На сѣнной-де такимъ канальямъ бываетъ еще хуже. Тамъ-де имъ лице-то вымажутъ, да еще привяжутъ къ фонарному столбу, и каждый, проходящій мухаммеданинъ, можетъ и по совѣсти укорять его, да и въ глаза плюетъ“... Это было въ половинѣ 3-го часа по полудни. Тоже самое мнѣ приходилось наблюдать и въ 1876 году [1]).

Приведенные факты доказываютъ, что мухаммедан-

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ высказать здѣсь свое предположеніе о томъ, что этотъ обычай появился у мусульманъ по подражанію древнихъ арабовъ. Древніе арабы обвиненныхъ въ прелюбодѣяніи сѣкли ремнями, намазанными смолой, а затѣмъ „красили имъ лице“ и возили на ослахъ, обративши виновныхъ къ хвостамъ ословъ лицемъ. Наказаніе это было извѣстно подъ именемъ „*таджжигъ*“. **Sirat-er-rasul** (перев. Вейля), **B. 1, s. 291.** У Фрейтага читаемъ: „*таджбигъ*“ (تجبيه) состоялъ въ томъ, что виновнымъ въ прелюбодѣяніи красили лице красною краской, сажали на осла или верблюда, обративши ихъ лицемъ другъ къ другу и возили въ такомъ положеніи. **Lexicon Arabicolatinum. Tomus primus, p. 242, 2.**

скій постъ, какимъ столь громко гордятся мухаммедане, далеко не отвѣчаетъ человѣческой природѣ и потому противъ воли часто нарушается. Палеологосъ, описавшій современные ему турецкіе нравы въ разговорахъ дервиша, мустафы и имама, разговоръ ихъ о Рамазанѣ передаетъ въ такой формѣ: *Мустафа.* Когда наступитъ Байрамъ?—*Имамъ.* Чрезъ восемь дней; уже двадцать дней, какъ мѣсяцъ народился.—*Муст.* Признаюсь, что этотъ Рамазанъ [1]) мнѣ уже становится не подъ силу: дни черезчуръ кажутся длинными, когда ничего не позволяется ѣсть и пить. За то ужъ и ожидаю я каждый день солнечнаго заката съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ пришествія великаго пророка. Какъ только увижу я, что послѣдніе лучи солнца исчезнутъ за горою, то сажусь за столъ и не покидаю его до утренней зари.—*Дервишъ.* И ты ѣшь во все это время?—*Мустафа.* Нѣтъ, я не ѣмъ безпрестанно, но вознаграждаю себя за весь дневной постъ, не отворачивая глазъ отъ блюдъ, съ которыми я вскорѣ опять долженъ буду разстаться на цѣлыя пятнадцать часовъ [2]).—*Имамъ.* Правда, не можко утомительно ничего не ѣсть отъ утра до вечера, однакожъ...—*Мустафа.* Хотя бы по крайней мѣрѣ позволенно было пить! Если бы въ продолженіе сильнаго зноя нынѣшняго времени года можно было хоть каплей воды освѣжить губы, все бы это было маленькимъ облегченіемъ.—*Имамъ.* Это воспрещаютъ правила нашей вѣры; должно повиноваться безъ ропота.—*Мустафа.* Въ особенности же и отъ трубки я долженъ почти отказаться,—это меня совершенно убиваетъ.—*Дервишъ.* Тѣмъ лучше; истинный мусульманинъ долженъ въ эти священные дни отказываться отъ всего, что только можетъ доставить ему

---

[1]) Время поста; оно продолжается цѣлый мѣсяцъ. Въ этотъ мѣсяцъ, по увѣренію Мухаммеда, Коранъ принесенъ былъ съ неба.

[2]) Рамазанъ случается иногда во время самыхъ долгихъ дней, и само собою понятно, что постъ, предписанный закономъ отъ восхода и до захода солнца, тогда несравненно тяжелѣе для выполненія.

удовольствіе.—*Мустафа.* Не смѣть ни курить, ни сморкаться,—это ужасно.—*Дервишъ.* Кто вѣруетъ въ пророка, тотъ во весь этотъ мѣсяцъ долженъ не только воспрещать себѣ все то, что можетъ льстить его чувствамъ, но и воздерживаться отъ смѣха, шутокъ и даже говорить не болѣе, какъ сколько требуетъ необходимое отправленіе его обязанностей.—*Мустафа.* Легко только говорить это, дервишъ! Но кто въ состояніи соблюсти всѣ эти правила во всей строгости? Ни одинъ человѣкъ изъ тысячи не можетъ выдержать такого поста.—*Дервишъ.* Тѣмъ хуже Мустафъ-Ага, тѣмъ хуже, дитя мое!—*Мустафа.* Я очень хорошо знаю, что вы, дервиши, и самъ имамъ въ состояніи соблюсти всѣ эти строгіе законы во всей ихъ точности; но это весьма естественно, потому что вамъ нѣтъ другаго дѣла никакого. Вы можете цѣлый день лежать въ постелѣ; а когда лежишь, то не придетъ въ голову ни ѣда, ни куреніе, ни шутки. Но для насъ—это совершенно другое дѣло: мы имѣемъ занятія, и случается, что цѣлый день приходится пробѣгать. Мы не только не можемъ сохранить въ точности всей строгости поста, но въ остальное время года есть не мало обычаевъ, выполнить которыхъ мы не имѣемъ никакой возможности“ [1]).

Итакъ, какой же постъ болѣе соотвѣтствуетъ истинному понятію о постѣ и производитъ болѣе благотворное вліяніе на душу человѣка: христіанскій-ли постъ, располагающій человѣка къ покаянію и молитвѣ, или мухаммеданскій постъ, дозволяющій даже совершающему игтикяфъ (пребывающему постоянно) въ мечети заниматься житейскими дѣлами купли и продажи, хотя бы то и для своихъ только нуждъ. Объ отношеніи того и другаго поста къ чувственнымъ пожеланіямъ постящагося мы уже умалчиваемъ. Даже, если принять во вниманіе только воздержаніе отъ пищи и питія въ теченіи дня,

---

[1]) Новѣйшія свѣд. о Турецкой Имперіи. Москва. 1828 г. ч. 1., стр. 202—204.

то неужели мухаммеданскіе путешественники на богомолье, терпѣливо выносящіе сильнѣйшую жажду, не имѣютъ равныхъ себѣ въ средѣ христіанъ. Безъ всякаго преувеличенія скажемъ, что мухаммеданство не имѣетъ въ своей исторіи и тѣни такихъ примѣровъ воздержанія, какіе извѣстны христіанскому міру въ лицѣ его великихъ подвижниковъ-постниковъ. О современныхъ христіанахъ не смѣемъ говорить ничего, потому что, по заповѣди Евангелія [1]), христіане не заявляютъ предъ другими о своемъ христіанскомъ подвигѣ. Намѣреваясь поститься, не будь, говоритъ св. Василій Великій, унылъ по іудейски, но покажи себя веселымъ по-евангельски (Матѳ. гл, 6. ст. 16), не оплакивая скудость желудка [2]), но радуясь душею о духовныхъ наслажденіяхъ. Ибо знаешь, что *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть* (Гал. гл. 5, ст. 17). Поелику же сія другъ другу противятся, отнимемъ у плоти ея наслажденіе, пріумножимъ же душевную силу, чтобъ съ помощію поста, одержавъ побѣду надъ страстями, увѣнчаться намъ вѣнцами воздержанія". [3]).

конецъ.

---

[1]) Матѳ. гл. 6, ст. 16—18.

[2]) Какъ дѣлаютъ это постящіеся мухаммедане во время дня. Кантемиръ говоритъ о константинопольскихъ туркахъ, что они во дни поста, начиная за полтора часа до разсвѣта и до захожденія солнца „лицемъ и всего тѣла поставкою страшное поста на себѣ носятъ лицемѣрство". Кто умѣетъ читать, тотъ каждый день прочитываетъ по нѣсколько главъ Корана; есть и такіе, которые весь Коранъ прочитываютъ въ 24 часа. Иные же, сидя, работая, ходя и среди разговора произносятъ имена Божіи и непрестанно повторяютъ образъ покаянія. Книга Систіма, стр. 181.

[3]) Творенія св. Василія Великаго. Часть четвертая. Москва. 1846 г. стр. 21—22.

ПИСЬМО АЛЕППСКАГО

МИССІОНЕРА.

ПИСЬМО АЛЕППСКАГО МИССІОНЕРА

О Рамазанѣ Турокъ, о Пасхѣ Христіанской и о главныхъ обстоятельствахъ его путешествія [1]).

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ МОЙ,

П. С.

Я обѣщался сообщить вамъ о томъ, что найду болѣе любопытнаго и болѣе замѣчательнаго въ различныхъ странахъ, которыя я обязанъ былъ проѣхать. Для исполненія своихъ обязанностей, вотъ какой системѣ я предположилъ слѣдовать. Въ путешествіяхъ я довольствуюсь тѣмъ, что изслѣдую внимательно мѣстоположенія, состояніе городовъ, различіе климатовъ; но когда я разъ поселился на какомъ нибуть мѣстѣ, обычаи страны и

---

[1]) Приложеніе къ сочиненію Н. П. Остроумова „Мухаммеданскій постъ въ мѣсяцъ Рамазанъ". Переводъ съ французскаго *Священника А. Н. Тригинатова* изъ книги: „Bibliotheque des Amis de la Religion. Lettres edifiantes et curieuses". t. 3.

народовъ, особенно отнотительно религіи, составляютъ для меня особенное изученіе: изученіе, которое наполняло минуты свободнаго времени, какое позволяли мнѣ мои существенныя занятія; изученіе, которое я не считаю недостойнымъ миссіонера. Вы Французъ, вы Езуитъ; я увѣренъ, что то, что я хочу разсказать вамъ, доставитъ вамъ удовольствіе. Чужеземные нравы, сближенные съ нравами французскими, должны благопріятствовать нашему народу, и наша святая религія можетъ выигрывать очень много только тогда, когда сравниваютъ ее съ другими религіями; всегда она получаетъ новый блескъ отъ этой параллели, или, если хотите, отъ этого контраста, каторый для нея столько славенъ. Вы можете полагаться на вѣрность моего разсказа; я не буду говорить вамъ ничего такого, свидѣтелемъ чего не былъ бы я, и чего я не видѣлъ бы своими собственными глазами. Я не буду ни изобрѣтать, ни преувеличивать, ни даже осмѣливаться на это. Вы позволите мнѣ окончить это письмо нѣкоторыми приключеніями моего путешествія; онѣ покажутъ вамъ, до какой степени невѣрные преданы суеверію и сколько миссіонеры должны имѣть терпѣнія; по крайней мѣрѣ онѣ смягчатъ вамъ жалкое состояніе, въ какомъ находится христіанство на Востокѣ, и злополучную судьбу столькихъ несчастныхъ душъ, которые, стараясь о лучшемъ приготовленіи людей ко спасенію, гибнутъ за недостаткомъ помощи. Я начну сравненіемъ поста Турокъ съ постомъ христіанскимъ и пасхи христіанской съ пасхою турецкою.

Большой рамазанъ, или постъ Турокъ, есть торжественное исполненіе религіи, предписанной алкораномъ; онъ продолжается весь мѣсяцъ, или, говоря языкомъ страны, весь лунный мѣсяцъ. При поверхностномъ знаніи Магометомъ религіи христіанской неудивительно, что онъ подчинилъ своихъ учениковъ этому закону. Ложныя религіи считаютъ часто за честь для себя подражать по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ истин-

ной религіи. Для этого поста обыкновенно избираютъ зимнее время [1]); вы увидите впослѣдствіи причину этого, и на сколько краткость дней и продолжительность ночей облегчаютъ эту практику. Въ этомъ году посвящали на постъ въ этомъ городѣ лунный мѣсяцъ Январь. Лишь только лунный мѣсяцъ Декабрь переставалъ показываться, дѣлали изъ крѣпостцы четыре пушечныхъ выстрѣла, чтобы извѣстить мусульманъ, что мѣсяцъ рамазанъ начинался въ слѣдующій день. Вотъ какъ исполняется постъ. Утромъ лишь только нельзя отличить бѣлую нитку отъ черной, не позволялось уже ни пить, ни ѣсть, ни брать трубки до захожденія солнца. Это отличіе бѣлой отъчерной нитки, взятое буквально, даетъ преимущество предъ другими тѣмъ, которые не имѣютъ хорошаго зрѣнія, и они пользуются этимъ безсовѣстно. Лишь только зашло солнце, тѣ которые обязаны звать народъ на молитву, и голосъ которыхъ служитъ вмѣсто колоколовъ во всей Турціи, испускаютъ ужасные крики съ вершины или минаретовъ всѣхъ мечетей. По этому сигналу принимаются за трубку и начинаютъ ѣсть. Эта первая закуска обыкновенно бываетъ довольно легкая; она сопровождается прогулками, собраніями и всякаго рода развлеченіями. Спѣшатъ на улицы, вездѣ виднѣются зажженныя лампы, даже ворота городскіе отворяются, считаютъ себѣ все позволеннымъ, потому что постятся, и это покаяніе, кажется, допускаетъ величайшіе безпорядки. Такъ христіане говорятъ, что Турки бываютъ тогда полу-сумасшедшими, и они болѣе, чѣмъ когда нибудь, остерегаются, чтобы не заводить никакого спора съ мусульманами, вполнѣ убѣжденные, что послѣдніе не имѣли бы никакой справедливости къ нимъ, если бы они были обижены.

Послѣ этихъ ночныхъ поприщъ каждый входитъ

---

1) Миссіонеръ неправильно утверждаетъ о времени поста; постъ случается не во время только зимы; онъ можетъ и долженъ переходить съ мѣсяца на мѣсяцъ.

въ себя, и за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, какъ могутъ отличить бѣлую нитку отъ черной, совершаютъ большой ужинъ. Тамъ встрѣчаются изобиліе и пріятность мясъ, и сберегается на это время большаго Рамазана все то, что есть болѣе питательнаго и болѣе пріятнаго. Вы согласитесь, что это есть забавный образъ препровожденія поста. Когда вы спросите у мусульманина, зачѣмъ они употребляютъ столько яствъ вкусныхъ и изысканныхъ: это значитъ, что я пощусь, говоритъ онъ; еслибы я не постился, то мой вечерній ужинъ былъ бы умѣреннѣе, но нужно поддержать себя. Послѣ этого большаго вечерняго ужина, лишь только показалось солнце, большая часть ложатся, но не въ домахъ своихъ, а на диванахъ. которые поставляются предъ ихъ домами, чтобы всѣ были свидѣтелями ихъ покаянія, и они являлись въ обществѣ только послѣ полудня, если только необходимыя дѣла не нарушали ихъ покоя: т. е. вся суровость поста состоитъ въ приготовленіи лучшаго стола и въ измѣненіи ночи въ день....

Наши постники очень заботятся обезображивать себя ужасною маскою суровости и меланхоліи; они ходятъ медленно, показываются только съ видомъ изнуреннымъ и лицемъ истощеннымъ, которому они придаютъ выраженіе, какое они желаютъ. И съ такого рода гримасами, самыми неловкими, находятся довольно искусные, чтобы успѣть съ перваго раза. Поздравлять ихъ тогда съ свѣжестію ихъ лица, съ ихъ полнотою, съ ихъ хорошимъ здоровьемъ, это былъ бы для нихъ очень дурной комплиментъ; они хотятъ во что бы то ни стало казаться кающимися.

Никогда справедливость не бываетъ административнымъ зломъ, какъ во время этого большаго рамазана; постъ обезпечиваетъ виновнымъ родъ безнаказанности. Когда обиженный человѣкъ вызываетъ другаго на судъ, когда онъ выдаетъ его и обвиняетъ предъ кадіемъ, то этотъ справедливый судья отвѣчаетъ обвинителю: „правда, онъ обидѣлъ тебя, но бѣдный человѣкъ постится. Я

вижу лице его, оно жалко; онъ такъ слабъ, что умретъ отъ перваго удара палкой. Постъ разслабляетъ у насъ тѣло и духъ: я почти самъ не знаю, гдѣ я; обморокъ производитъ въ насъ головокруженіе; онъ былъ вѣроятно полусумасшедшій, когда такъ дурно обошелся съ тобой. Чего хочешь ты, чтобы я сдѣлалъ ему? Я предоставляю въ этомъ судъ тебѣ самому: вотъ онъ безъ силъ и почти готовъ упасть отъ слабости. Хочешь ли ты, чтобы я умертвилъ его подъ ударами? Это было бы жестоко". Обвинитель, если онъ христіанинъ, показываетъ видъ, что убѣждается этими доводами, если же онъ не удовлетворяется этимъ методомъ, то по крайней мѣрѣ онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что жаловался. Если это мусульманинъ, то онъ болѣе чѣмъ убѣжденъ въ основательности разсужденій кадія, потому что онъ самъ разыгрываетъ въ комедіи лицо постящееся. Такъ обыкновенно оканчиваются процессы въ это время покаянія, особенно если обвиняемый находитъ средство передать секретно какую нибудь сумму денегъ въ руки своего судьи: эта сумма возбуждаетъ неминуемо состраданіе къ его изнуренію и къ его мнимой слабости. Встрѣчаются однакожъ иногда люди худаго нрава, которые не довольствуются этими доводами, и которые желаютъ непремѣнно пропорціональнаго удовлетворенія, но иногда и имъ худо бываетъ, и это случилось въ прошломъ постѣ.

Одинъ турокъ привелъ въ общественное судилище другаго турка, отъ котораго онъ получилъ кровавую обиду. Подкупленный судья былъ расположенъ къ милости, и чтобы уполномочить себя къ пощадѣ виновнаго, которому онъ покровительствовалъ и котораго онъ хотѣлъ спасти, онъ главною причиною выставилъ постъ. Обвинителю эта причина показалась недостаточною, онъ упорно настаивалъ, что виновный въ состояніи былъ вынести заслуженное наказаніе, онъ возвышалъ голосъ и говорилъ съ большимъ жаромъ и живостью. Кадій, который не могъ противопоставить его представленіямъ

ничего дѣльнаго, отвѣчалъ на это единственымъ, но рѣшительнымъ тономъ. Ахъ, ахъ, сказалъ онъ ему, у тебя грудь очень крѣпкая; вѣроятно ты не постишься, какъ мы, потому что ты столько говоришь, и ты не чувствуешь слабости, какую ощущаемъ мы; и немедленно онъ назначилъ ему палочные удары, какъ измѣннику закона Магомета, большой Рамазанъ котораго онъ не соблюдалъ. Доказательство было несправедливое, но оно было рѣшительное, и несчастный бѣднякъ могъ отвѣчать на это только своими криками.

За этими тридцатью днями покаянія слѣдуютъ три дня празднества, которые возвѣщаются народу также четырьмя пушечными выстрѣлами. Съ кануна начинаютъ разставлять на всѣхъ базарахъ и во всѣхъ мѣстахъ диваны, покрытые коврами и подушками. Тамъ ѣдятъ публично; тамъ принимаютъ визиты, тамъ помѣщаются, чтобы смотрѣть къ своему удовольствію на тѣхъ, которые балансируютъ на веревкахъ, привязанныхъ къ окнамъ дома и спускающихся до земли: это зрѣлище самое модное и замѣняетъ всѣ другія игры. Удобно то, что ничего не стоитъ быть актеромъ и что за деньги можно быть въ свою очередь актеромъ, если желаешь.

Два турка ставятъ актера на треугольную доску, каждый уголъ которой поддерживается веревками. Лишь только дали ей движеніе, играютъ въ трубы и другіе варварскіе инструменты, звукъ которыхъ смѣшивается съ звукомъ барабановъ, которые въ музыкѣ замѣняютъ басъ. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ человѣкъ бываетъ поднятъ на высоту, равную высотѣ нашихъ самыхъ возвышенныхъ церквей Франціи. Въ этомъ положеніи самые смѣлые и самые искусные зацѣпляются ногами за поперечныя веревки; тогда они оставляютъ свое сѣдалище, вертятся нѣсколько времени на этихъ веревкахъ, потомъ, съ помощію другихъ веревокъ, спускаются до земли; музыка перестаетъ играть и уступаетъ мѣсто рукоплесканіямъ и аплодисментамъ зрителей. Есть качанья

менѣе высокія для тѣхъ, у которыхъ менѣе силы и храбрости. Ага предсѣдательствуетъ на этихъ играхъ и получаетъ деньги. Вотъ развлеченіе лицъ извѣстнаго возраста, молодые люди не исключаются изъ этаго, они также имѣютъ ихъ. Ставятъ колеса огромной величины, нижняя часть которыхъ только на футъ отъ земли, а верхняя равняется весьма значительной высотѣ; онѣ наполнены множествомъ стульевъ, на которыхъ сидятъ мальчики и дѣвочки отъ десяти до шестнадцати лѣтъ. Колесо вертится съ большою скоростію, и стулья, которые, сообразно его движенію, стоятъ всегда прямо и не наклоняясь, показываютъ этихъ дѣтей поперемѣнно подъ ногами и надъ головою другъ противъ друга [1]). Есть сверхъ того маленькіе круги, сдѣланные изъ досокъ въ горизонтальную линію и вертящіеся на шпилѣ. Въ этихъ маленькихъ кругахъ, какъ бы въ маленькихъ нишахъ, помѣщаются дѣти моложе десяти лѣтъ, и онѣ вертятся скоро въ виду всего собранія. Вотъ какое главное занятіе мусульманъ въ эти три дня, съ восьми часовъ утра до десяти часовъ вечера, и вотъ что я назвалъ пасхой турецкой. Я увѣряю васъ, что эти качанья, эти колеса, эти веревки, эти круги, ужасный шумъ машинъ, смѣсь столькихъ нестройныхъ голосовъ, составляютъ зрѣлище болѣе отвратительное, чѣмъ пріятное. Ахъ, какъ эта пасха различна отъ пасхи христіанской! Начнемъ съ поста, который предшествуетъ ей.

Мы здѣсь почти при вратахъ знаменитой Антіохіи, гдѣ святый Апостолъ Петръ учредилъ сначала и истинную каѳедру и апостольскій престолъ. Вы знаете, что этотъ городъ первый изъ всѣхъ городовъ вселенной имѣлъ счастіе и славу произвести изъ своихъ нѣдръ вѣрныхъ служителей и заключать народъ христіанскій въ оградѣ своихъ стѣнъ. Послушный голосу апостоловъ, передавшихъ ему свое ученіе, онъ слѣдовалъ ихъ пра-

---

[1]) Это родъ нашихъ качелей.

виламъ; отъ нихъ онъ научился, какъ проводить праздники и всѣ другія религіозныя обязанности. Вскорѣ всѣ окрестные города сообразовались съ нимъ, и такъ какъ Алеппо (нѣкогда *Іераполь*, а потомъ *Береэ* [1]) всѣхъ ближе къ нему, то онъ, весьма точно и весьма строго сообразовался съ его преданіями и съ его обычаями. Онъ имѣетъ даже то преимущество предъ всѣми прочими, что въ немъ ни когда не прерывалось исполненіе религіи; это дѣлаетъ его преданія болѣе вѣрными и его обряды болѣе почтенными. Какъ бы то ни было, тамъ наблюдаютъ постъ очень строго, и онъ бываетъ очень суровый

Мароните слѣдуютъ обычаю церкви римской; но Греки, Армяне, Сиріяне начинаютъ ѣсть или пить только въ три часа по полудни; они не вкушаютъ ни рыбы, ни сыра, ни коровьяго масла, ни молока, ни постнаго масла, и къ воздержанію отъ этихъ яствъ Армяне присовокупляютъ еще воздержаніе отъ вина. Впрочемъ никогда не говорятъ объ освобожденіи отъ поста: дѣти отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, старцы отъ семидесяти до восьмедесяти лѣтъ, постятся какъ и прочіе; кормилицы и даже беременныя женщины считаютъ себя подчиненными тѣмъ же законамъ, и не видно, чтобы случилось что нибудь прискорбное. Наконецъ они убѣждены, что никакое неудобство не можетъ освободить отъ этой обязанности. Больные до крайности, если они принуждены употреблять какую нибудь пищу, чтобы поддержать себя въ своей слабости, нарушая постъ, никогда не нарушаютъ воздержанія. Если нечаянно, во время своей болѣзни, они съѣли яйцо, то это, по ихъ мнѣнію, грѣхъ почти непростительный, въ которомъ они не осмѣливаются признаться, и весьма затрудняются дать имъ разрѣшеніе отъ онаго. Врачъ, который вначалѣ поста запрещалъ имъ поститься, или приказывалъ

---

[1]) *Береа.*

имъ ѣсть скоромное для сбереженія своего драгоцѣннаго здоровья, не имѣлъ успѣха; на него смотрѣли, я не говорю только какъ на вѣроломца, но какъ на чудовище, или какъ на орудіе демона: его ужасались, его избѣгали. Вотъ до какой степени восточные жители простираютъ строгость въ чувствахъ и на практикѣ.

Вы спросите меня теперь, какъ поступаютъ Англичане и Голландцы. Здѣсь, равно какъ въ Голландіи и въ Англіи, они не соблюдаютъ ни поста, ни воздержанія, но негодуютъ на это: жители страны говорятъ, что они не христіане, и самые турки смотрятъ на нихъ, какъ на людей нечестивыхъ. Они бываютъ иногда чувствительны къ этимъ упрекамъ, и будучи не въ состояніи выносить ихъ, многіе изъ нихъ во время поста ѣдятъ мясо только секретно. Имѣющіе добрую совѣсть признаютъ, что они очень удивляются при видѣ того, что религія всѣхъ христіанъ Востока почти ни въ чемъ не сходствуетъ съ религіей, которую они исповѣдуютъ. Это означенное различіе даетъ намъ большую надежду на нихъ. То, чего вы желаете, чтобы оправдать преданія, говоримъ мы имъ, восходить къ счастливымъ временамъ раждающагося христіанства; то, на что вы ссылаетесь, восходитъ къ четыремъ первымъ вѣкамъ церкви; спросите у всѣхъ тѣхъ народовъ, которые окружаютъ васъ, они отвѣтятъ вамъ, что во всѣхъ ихъ обрядахъ, каковы и наши, они слѣдуютъ только преданіямъ апостольскимъ; преданіямъ, которыя они приняли отъ знаменитой Антіохіи, которую они почитаютъ, какъ свою мать. Это возраженіе приводитъ протестантовъ въ недоумѣніе; они не осмѣливаются утверждать, что исповѣдь, говѣнье, постъ, воздержаніе, дѣйствительное присутствіе Іисуса Христа въ Евхаристіи, чистилище, поклоненіе кресту, призываніе святыхъ и проч. суть изобрѣтенія папистовъ и выдумка сатаны. Ихъ глаза, ихъ собственные глаза даютъ имъ видѣть противное. Нѣтъ здѣсь рѣчи ни о папистахъ, ни о Вавилонѣ, ни объ антихристѣ: эти громкія слова, произнесенныя тѣмъ смѣлымъ тономъ,

который воодушевляетъ ересь, могутъ обморочивать въ Европѣ, но здѣсь онѣ не значатъ ничего. Нужно противостать тысячи народамъ христіанскимъ, нужно отказаться отъ древности, нужно осудить Антіохію и оставить апостоловъ. Шагъ трудный къ исполненію; такъ и эти господа избѣгаютъ, сколько могутъ, входить съ нами въ споръ, въ которомъ они потерпѣли бы пораженіе; и болѣе мудрые, чѣмъ во Франціи, они о всѣхъ спорныхъ пунктахъ, о всѣхъ обрядахъ религіи сохраняютъ почтенное и глубокое молчаніе, хорошо убѣжденные, что они не имѣли бы за себя голоса греческой церкви. Это сходство мнѣній между греческою и латинскою церквами производитъ иногда въ сердцахъ правыхъ спасительныя впечатлѣнія. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ я былъ знакомъ съ посланникомъ голландскаго народа; это былъ весьма умный человѣкъ: я часто бесѣдовалъ съ нимъ, потому что онъ очень свободно говорилъ по латынѣ. Онъ сѣлъ на судно и предъ своимъ отъѣздомъ сказалъ мнѣ по секрету, что онъ ѣдетъ въ Италію, чтобы подумать тамъ серьезно объ одномъ важномъ дѣлѣ, о которомъ онъ долженъ сдѣлать серьезныя размышленія, заставившія его измѣниться.

Господа ложной реформатской религіи не смѣли здѣсь лжеумствовать; по крайней мѣрѣ они не дѣлали этаго безнаказанно. Нѣсколько времени тому назадъ, одинъ ревностный къ своей сектѣ, велѣлъ напечатать съ большими издержками катихизисъ своего образца: онъ домогался пролить въ умъ и сердце всѣхъ христіанъ ядъ, которымъ онъ былъ исполненъ; но его попрали ногами, злословили, сожгли; иначе миссіонеры принуждены были бы усердно хлопотать объ этомъ. Христіане всѣхъ народовъ востока не знаютъ того, чтобы сомнѣваться въ дѣйствительности Тѣла Іисуса Христа въ евхаристіи; у нихъ столь великая привязанность къ своимъ говѣньямъ и постамъ, что они скорѣе умерли бы, чѣмъ опустили бы ихъ. Они также получили отъ Антіохіи, своей учительницы по вѣрѣ, обычай молиться

за умершихъ. Призываніе святыхъ, и въ особенности святаго Георгія, столь для нихъ любезно и столь драгоцѣнно, что они скорѣе позволили бы изрубить себя на куски, чѣмъ отказаться отъ этого. Нельзя не присовокупить о глубокомъ почитаніи, какое даже турки имѣютъ къ Маріи: они называютъ ее матерью великаго пророка Іисуса, и по этому праву, они почитаютъ ее до того, что сажаютъ на колъ Іудеевъ, которые осмѣливаются похулить ее. Какой странный контрастъ! Люди, рожденные въ нѣдрѣ христіанства отказываютъ Маріи въ почестяхъ, которыя воздаютъ ей самые непримиримые враги имени христіанскаго.

Впрочемъ почтеніе мусульманъ не ограничивается почтеніемъ матери Іисуса Христа; гробъ Мессіи служитъ однимъ изъ мѣстъ ихъ путешествій для богомолья: на тѣхъ, которые посѣтили гробницы двухъ пророковъ, смотрятъ, какъ на людей необыкновеннаго благочестія; этому двоякому путешествію присвоены знаки отличія: это святой, говорятъ, онъ былъ въ Іерусалимѣ и въ Меккѣ. Одинъ изъ нашихъ купцовъ, который жилъ долгое время въ святомъ городѣ, и который видѣлъ много разъ этихъ турецкихъ пилигримовъ, разсказывалъ мнѣ, что они шли на своихъ колѣнахъ, и влачились по землѣ отъ воротъ до святой могилы; что прежде чѣмъ войти туда, они безпрестанно снимали свою чалму (знакъ безчестія у нихъ, когда дѣлаютъ это по принужденію, и знакъ почтенія, когда дѣлаютъ это свободно); что потомъ они повергались; дѣлали низкіе поклоны и били своими головами о мостовую. Это зрѣлище, присовокуплялъ онъ, всегда было для меня назидательно и иногда трогало меня до слезъ. Самъ турецкій султанъ, за всѣми пышными и великолѣпными знаками отличія во время приказаній, исходящихъ отъ трона, ставитъ себѣ всегда за честь носить титулъ покровителя и охранителя святаго города Іерусалима. Видѣть своихъ надмѣнныхъ властителей оказывающими столько почести Богу, которому они покланяются, составляетъ весьма ощути-

тельное утѣшеніе для бѣдныхъ плѣнныхъ христіанъ: они также твердо вѣрятъ во всѣ члены вѣры, между тѣмъ какъ христіане Европы принимаютъ себѣ иногда за несчастное удовольствіе терзаться вѣчными и натянутыми сомнѣніями. Я уклоняюсь немного отъ моего предмета, преподобный отецъ мой; но простите моей ревности это небольшое отступленіе. Я возвращаюсь къ тому, какъ наши христіане празднуютъ пасху.

Они называютъ ее днемъ Воскресенія, днемъ великаго праздника, или просто великимъ праздникомъ. Греки, Сирійцы, Армяне, Мароните, всѣ наконецъ, какъ еретики и схизматики, такъ и католики, всѣ соблюдаютъ одни и тѣже обряды; всѣ празднуютъ три дня сряду, какъ и въ Европѣ, и, какъ въ Европѣ, торжество начинается съ святой субботы; они не постятся наканунѣ Пасхи, потому что они не постятся въ субботу. Армяне также начинаютъ ѣсть мясо съ того же дня, послѣ захода солнечнаго [1]). Былъ одинъ, который, исповѣдавшись у нашего настоятеля, по отреченіи отъ своей схизмы, обѣщалъ ему, что не будетъ ѣсть до завтрашняго дня, и онъ присовокупилъ, что это все то, что онъ могъ обѣщать ему, потому что онъ не считалъ еще возможнымъ склонить свое семейство дѣлать также.

Когда бываетъ день великаго праздника, лишь только они встрѣчаются другъ съ другомъ, первый говорящій произноситъ слѣдующія слова: Радуйтесь, ибо Іисусъ Мессія воскресъ. Да, отвѣчаютъ ему, воистину воскресъ; итакъ, да радуемся, присовокупляетъ онъ. Въ этотъ прекрасный день украшаютъ дома, одѣваются въ свои наилучшія платья, и нѣтъ никого, кто бы не имѣлъ на себѣ чего нибудь новаго. Выходятъ изъ церкви въ десять часовъ, и до вечера дѣлаютъ свои визиты. Все происходитъ здѣсь съ пристойностію и прелестнымъ

---

[1]) Не надобно забывать, что все это говоритъ миссіонеръ римской церкви. Ред.

радушіемъ. Вездѣ, какъ видно, царствуетъ невинная радость, и весьма замѣтно, что ее внушаетъ религія.

Въ великую субботу весь народъ французскій и нѣкоторые другіе пришли поздравить насъ съ праздникомъ: господа Голландцы и Англичане оказали намъ туже честь. Не удивляйтесь этому взаимному обмѣну и этимъ обоюднымъ учтивостямъ: Французы, Англичане, Италіанцы, Голландцы, мы считаемся всѣ здѣсь, какъ соотечественники. по отношенію къ націямъ, среди которыхъ мы живемъ; и эти націи называютъ также Франками безразлично всѣхъ Европейцевъ, къ какой бы странѣ они не принадлежали.

Мы назначили понедѣльникъ для своихъ визитовъ; мы проѣхали чрезъ Юдаиду, или новый городъ: тутъ живутъ христіане. Всѣ улицы были наполнены людьми всѣхъ націй, и даже турокъ, которые носили корзины, наполненные цвѣтами, для всѣхъ, желавшихъ купить ихъ. Здѣсь выставлено было много маленькихъ бездѣлушекъ для дѣтей. Встрѣчавшіеся говорили другъ другу наперерывъ: Радуйтесь, ибо Іисусъ Мессія воскресъ. Въ эти три дня только и слышались эти слова, которыя религія влагаетъ въ уста всѣхъ христіанъ, и всѣ языки, казалось, посвящены были на то, чтобы возвѣщать о великомъ таинствѣ Воскресенія.

Нашъ первый визитъ былъ къ архіепископу Маронитовъ. Приходскій священникъ встрѣтилъ насъ у дверей, и ввелъ насъ въ большую залу прелата: это была почетная зала, и слѣдовательно великолѣпнѣйшая часть дома. Повѣрите ли вы, преподобный отецъ мой, что эта почетная зала была не болѣе комнаты іезуита въ Европѣ. Я говорю безъ преувеличенія; это оскорбляетъ ваши французскія идеи; но тѣмъ не менѣе это правда, и признаюсь вамъ, я самъ былъ удивленъ этимъ. Мы ступили сначала на старый коверъ, на которомъ его величество сидѣло, поджавши ноги по обычаю Восточныхъ, прислонивъ спину къ подушкѣ, которая, сколько я могъ судить, была по крайней мѣрѣ одинаковой

величины съ ковромъ. Возлѣ него находился его старшій викарій, а за старшимъ викаріемъ двое или трое приходскихъ священниковъ, всѣ въ томъ же положеніи. Лишь только мы явились, архіепископъ тотчасъ всталъ; мы взяли его руку, чтобы поцѣловать, но онъ ее удержалъ. Таковъ обычай въ этой странѣ: Священники и люди религіозные цѣлуютъ руку у епископовъ, а міряне у Священниковъ, когда они встрѣчаются имъ на улицахъ, и въ присутствіи турокъ.

Оттуда мы пошли къ патріарху греческому, котораго мы нашли сидящимъ на диванѣ, въ залѣ также прекрасной и великолѣпной, какія могутъ быть въ нашихъ церквахъ Европы. Не соблазнитесь этою перемѣною декораціи, и не приписывайте ее его роскоши, но его благочестію. Добродѣтельный прелатъ имѣетъ свои виды; устроя эту пышную квартиру, онъ намѣревался сдѣлать изъ нея нѣкогда церковь: это своего рода маневръ, коимъ пользуются здѣсь христіане. Такъ какъ имъ запрещено алкораномъ воздвигать новыя зданія, то чтобы не оказаться идущими напрямикъ противъ этаго пункта закона, они строятъ большія залы со сводами, въ которыхъ они живутъ нѣсколько лѣтъ; они испрашиваютъ потомъ у высокой Порты позволеніе обратить ихъ въ церкви и легко получаютъ его, потому что они даютъ великому визирю извѣстную сумму денегъ по условію. Этаго маленькаго объясненія достаточно, чтобы извинить роскошь прелата и даже воздать ему похвалу. Онъ очень добрый католикъ. По своемъ обращеніи, Греки схизматики, которые не хотѣли принадлежать къ его вѣроисповѣданію, и главная часть которыхъ были въ городѣ Дамаскѣ, гдѣ онъ жительствовалъ, избрали себѣ другаго патріарха; и это раздѣленіе заставило его утвердить свой престолъ въ Алеппо. Этотъ человѣкъ поступаетъ очень честно; обладаетъ большимъ умомъ и манерами учтивыми и изящными. Онъ желалъ, чтобы мы имѣли честь сѣсть на томъ же коврѣ возлѣ него. Я не говорю вамъ, что у

двухъ прелатовъ нужно было пить кофе. Восточные считаютъ для себя безчестіемъ не предложить его своимъ гостямъ, и презрѣніемъ, если ихъ гости отказывались.

Исполнивъ свои обязанности ко властямъ церкви, мы отправились къ главнымъ жителямъ сирійскимъ, армянскимъ, греческимъ и маронитскимъ; вездѣ насъ принимали въ квартирѣ хорошо убранной, гдѣ въ теченіи трехъ дней столъ всегда накрытъ для угощенія посѣтителей. Были вездѣ крутыя яйца, финики, виноградъ, винныя ягоды, фисташки и всякаго рода варенья. Каждый выбиралъ изъ этихъ различныхъ яствъ, чего хотѣлъ; и лишь только вы вкусили чего нибудь изъ этихъ яствъ, вамъ предлагаютъ рюмку вина и воды. Вамъ представляютъ свободу только пить и ѣсть, какъ бы мало вы ни хотѣли; но при каждомъ приходѣ нужно было ѣсть и пить, и пользоваться этимъ иначе было бы неучтиво. Эта свобода дѣлаетъ эти визиты сносными, и какъ бы многочисленны они ни были, мы не видимъ, чтобы случались отъ этаго затрудненія и чтобы отъ этого былъ нездоровый.

Довольно этаго, преподобный отецъ мой, чтобы дать почувствовать разность между нашимъ постомъ и мусульманскимъ рамазаномъ, между празднествами турецкими и празднествами христіанскими. Судя о двухъ религіяхъ по этой внѣшности, наша религія овладѣваетъ болѣе умомъ всякаго человѣка умнаго и разсудительнаго. Невинность, благочестіе, скромность, все говоритъ въ ея пользу. Я не боюсь, что эти маленькія обстоятельныя подробности утомятъ васъ, или нагонятъ на васъ скуку. Во Франціи такъ много любопытныхъ знать о малѣйшихъ бездѣлицахъ, которыя происходятъ отъ иностранца; ужели обычаи, религія, нравы менѣе будутъ занимать наше любопытство?

Наши отцы въ Алеппо всегда имѣютъ одинъ и тотъ же успѣхъ въ своихъ миссіяхъ; половина націи сирійской уже католическая, и мы льстимъ себя надеж-

дою, что въ немногіе годы всѣ Сирійцы Алеппо будутъ присоединены къ нѣдру церкви. Армяне и Греки также ежедневно отрекаются отъ своихъ заблужденій. Мы не пренебрегаемъ этими пріобрѣтеніями, преподобный отецъ мой; онѣ бываютъ иногда рѣдки только потому, что чрезвычайно трудны, и если кто нибудь покушался презирать ими, то пусть онъ вспомнитъ, я заклинаю васъ въ этомъ, о томъ, что говоритъ св. учитель, что легче просвѣтить тысячи идолопоклонниковъ, и привести къ раскаянію тысячи грѣшниковъ, чѣмъ убѣдить еретика, и что искренное раскаяніе еретика есть родъ чуда.

Это чудо возобновляется однакожъ ежедневно предъ нашими глазами, и мы имѣемъ утѣшеніе видѣть вновь обратившихся, твердыхъ и непоколебимыхъ въ вѣрѣ, исповѣдующихъ ее публично и великодушно.

Нѣсколько дней спустя одинъ Сиріянинъ, который хотѣлъ отречься, былъ спрошенъ о его религіи патріархомъ раскольничьимъ. Не Франкъ ли ты, сказалъ ему прелатъ? Вопросъ могъ заключать въ себѣ двусмысленность и подозрительность: подъ именемъ Франка разумѣютъ здѣсь Европейцевъ и римскихъ католиковъ. Новообращенный думалъ, что вопросъ былъ не довольно ясенъ, чтобы быть обязаннымъ объявить себя открыто. Нѣтъ, сказалъ онъ, я не Франкъ. Но, продолжалъ прелатъ, не принялъ ли ты религію Франковъ? О какихъ Франкахъ говоришь ты мнѣ, отвѣчалъ Сиріецъ? Чтобы лучше понять этотъ отвѣтъ, нужно знать, что христіане этой страны гнушаются религіей Англичанъ и Голландцевъ, которыхъ они не считаютъ добрыми Франками. Чтобы пресѣчь всякую увертку въ самомъ корнѣ, я спрашиваю тебя, сказалъ патріархъ, не принадлежишь ли къ догматамъ Папы и Церкви римской? Вопросъ былъ слишкомъ настоятельный, чтобы не объясниться: скрыть, значило измѣнить своей вѣрѣ. Ахъ! да, отвѣчалъ Сиріецъ, и я это вмѣняю себѣ въ честь. О чемъ ты думаешь, невѣрный? возразилъ схизматикъ. О чемъ

я думаю? а не знаешь, что почти вся наша нація думаетъ уже, какъ я; и что вскорѣ мы всѣ будемъ присоединены къ Церкви св. Петра въ Римѣ? Вы хвалитесь, что лучше наставлены, чѣмъ мы, что вы наши учители и наши отцы въ Іисусѣ Христѣ, не обязаны ли вы намъ тѣмъ, чтобы убѣдить въ этомъ васъ самихъ, и не стыдно ли, что мы принуждены предупредить васъ? Обиженный этими справедливыми упреками, прелатъ отвѣчалъ на это только слѣдующими словами Евангелія: *во грѣхахъ ты весь родился,* и проч. (Іоан. IX, 34); и съ досады онъ далъ ему шесть піастровъ, которые онъ принялъ бы отъ него въ видѣ десятины. Новый католикъ, который никакъ не ожидалъ себѣ этого подарка, принялъ ихъ охотно; это было сколько пріобрѣтеніемъ для него, столько же потерею для патріарха, который спустя нѣсколько дней отмстилъ ему также смѣшно, какъ и безсильно. Проходя мимо воротъ этаго Сирійца, онъ предалъ анаѳемѣ его домъ и отлучилъ отъ церкви самаго Сирійца.

Я обѣщалъ вамъ, преподобный отецъ мой, окончить это письмо разсказомъ о нѣкоторыхъ приключеніяхъ моего путешествія. Нѣкоторыя изъ нихъ обрадуютъ васъ; но онѣ не дали мнѣ порадоваться во время.

При выѣздѣ изъ Триполи, меня довѣрили одному шефу погоньщиковъ лошаковъ, по имени Солиману; и между тѣмъ какъ я приготовлялъ мой маленькій багажъ, ему велѣли завтракать. Онъ не былъ застѣнчивъ, особенно къ вину, и такъ какъ онъ не видалъ ни одного турка, который могъ подавать его, онъ пилъ его въ свое удовольствіе. Едва достигли мы равнины, какъ онъ велѣлъ мнѣ сѣсть на моего мула, на которомъ не было ни ремня, ни стремянъ. Онъ погналъ своего, мой хотѣлъ идти вмѣстѣ, и при первомъ движеніи я упалъ навзничъ на дорогу, усыпанную голышами. мой багажъ слѣдовалъ въ тоже время за мной и упалъ на меня. Я всталъ однакожъ безъ ушиба, и такъ какъ я потерялъ моего вожака изъ виду, то звалъ къ себѣ на помощь.

Одинъ турокъ сошелъ съ сосѣдняго холма, онъ помогъ мнѣ вѣжливо положить ношу на мула, и спросивъ меня, не получилъ ли я вреда, взялъ меня въ свои руки и посадилъ меня на мое животное. Этотъ маленькій случай сдѣлалъ меня мудрымъ въ моихъ издержкахъ, и я поѣхалъ уже шагомъ. Я пріѣхалъ въ полдень къ старому разрушенному замку, гдѣ долженъ былъ собираться караванъ. Едва успѣлъ я слѣзть съ мула, какъ въ пятидесяти или шестидесяти шагахъ отъ этаго замка я тотчасъ сѣлъ на берегу рѣки, чтобы пообѣдать. Мой обѣдъ состоялъ изъ двухъ крутыхъ яицъ и малаго количества сыру; но я разсчитывалъ по крайней мѣрѣ поѣсть одному и спокойно, какъ вдругъ я вижу двухъ Арабовъ возлѣ меня, которые просили у меня пищи на ихъ долю; я не знаю, откуда они пришли. Я увѣрялъ ихъ, что у меня всей провизіи на двѣнадцать дней пути только двѣнадцать крутыхъ яицъ, нѣсколько сухарей и половина сыру; они не обращали вниманія на мои представленія, и угрожали мнѣ своими ружьями. Я предпочелъ лучше немного долѣе попоститься во время пути, чѣмъ быть убитымъ; я далъ имъ нѣчто, и они удовольствовались немногимъ.

Когда нужно было ложиться, я избралъ своею постелью закраину стѣны, на которой я положилъ худой соломенный тюфякъ, или скорѣе одну изъ тѣхъ рогожъ, которыя кладутъ подъ ношу муламъ, изъ опасенія, чтобы не ранить ихъ. Мѣсто было не слишкомъ хорошее, оно было для меня однакожъ желательно и незамѣнимо. Одинъ турокъ пришелъ сюда положить свое оружіе и сказалъ мнѣ, что онъ занималъ это мѣсто, потому что оно было самое удобное и самое пріятное. Единственное удобство, какое я находилъ то, что отсюда видны были: море, луна и звѣзды. Я съ трудомъ уступалъ ему, и, какъ я защищалъ мѣсто, Солиманъ, мой вожакъ, прибѣжалъ по звуку моего голоса; обласкавъ меня и сдѣлавъ тысячу извиненій, онъ обратился къ этому турку, принялъ тонъ господина, и сказалъ ему, что онъ

знаетъ меня, что это мѣсто мое, что я учитель моего закона, и учитель Франковъ. Вы видите, преподобный отецъ мой, что это почетное достоинство, которое извѣстные люди столь мало уважаютъ, не всегда безполезно.

На другой день къ вечеру была опять новая сцена. Мы остановились на лугу, который отдѣлялся отъ погоста турокъ только большой дорогой. Я думалъ, что я встрѣтилъ на этомъ погостѣ мѣсто приличное для ночлега. При наступленіи ночи я надѣлъ свой капотъ; это родъ сюртука, который употребляютъ путешественники на морѣ и на сушѣ, подобно какъ употребляютъ нынѣ во Франціи сюртукъ, и который ничѣмъ не отличается отъ платья капущина, развѣ только тѣмъ, что разстегивается спереди, и подкладывается внутри толстымъ бѣлымъ сукномъ. Итакъ я взялъ капотъ, и намѣренъ былъ улечься на могилѣ турка, который былъ похороненъ спустя нѣсколько дней: камень, лежавшій на ней, казалось мнѣ, былъ положенъ по моему вкусу, чтобы удобнѣе лежать, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Эта маленькая утонченность стоила мнѣ дорого. Едва я уснулъ глубокимъ и спокойнымъ сномъ въ продолженіи четверти часа, какъ множество турокъ нашего каравана начали кричать, что я осквернилъ и могилу и погостъ, и всѣ заключили, что для нихъ это было очень худымъ предзнаменованіемъ, что невѣрная собака лежала на тѣлѣ одного изъ ихъ вѣрныхъ, которому великій пророкъ Мухаммедъ открылъ врата къ небу. Мой любезный Солиманъ не былъ набожный, онъ называлъ эту преувеличенную ревность суевѣріемъ: но онъ чувствовалъ хорошо, что мы не были сильны, и боялся за меня. Онъ успокоилъ ихъ, совѣтуя мнѣ, весьма честнымъ образомъ, какъ онъ могъ, удалиться съ мѣста, гдѣ я былъ, и велѣлъ мнѣ лечь на одѣялѣ, которое онъ разослалъ на землѣ между мулами и товарнымъ багажемъ. Я спалъ тамъ, такъ что мулы, которые прикасались ко

мнѣ, то своими ногами, то своими головами, не причинили мнѣ никакого вреда. Ничего нѣтъ смирнѣе этихъ животныхъ, и во всей этой странѣ есть пословица довольно общая между Франками, что животныя имѣютъ здѣсь кротость и человѣколюбіе къ людямъ, а люди—жестокость и грубость къ животнымъ.

Мы не ждали разсвѣта дня для отъѣзда, и среди темной и черной ночи мы находились на узкой, неровной и окруженной пропастями дорогѣ. Такъ какъ можно было ѣхать только одному, то каждый старался слѣдовать другъ за другомъ. Къ счастію впереди меня былъ турокъ, котораго я примѣчалъ легче, потому что его чалма была бѣлая; это отличаетъ турокъ отъ христіанъ. Моя была синяя, потому что такая у всѣхъ священниковъ Греческихъ или Маронитскихъ; не священники могутъ носить чалмы красныя или фіолетовыя, а чалма у Іудеевъ обыкновенно полосатая. Повязка зеленаго шолка есть удѣлъ однихъ потомковъ Магомета.

Не очень давно посланникъ турецкаго султана у Шаха Персидскаго жаловался этому принцу, отъ лица султана, своего господина, на то, что онъ позволялъ слугамъ и лицамъ низшаго сословія носить тотъ цвѣтъ, который принадлежалъ великому пророку. Шахъ Персидскій отвѣчалъ, смѣясь, этому посланнику, что изъ всѣхъ цвѣтовъ зеленый есть самый обыкновенный и самый презрительный, потому что люди и скоты топчутъ его всякій день ногами, тогда какъ синій цвѣтъ есть цвѣтъ небесный, который находится надъ нашими головами. Такой отвѣтъ привелъ въ замѣшательство посланника, и онъ не настаивалъ болѣе на этомъ пунктѣ своихъ инструкцій.

Утомившись отъ столь труднаго пути, я увидѣлъ много деревьевъ въ маленькой долинѣ; я хотѣлъ отдохнуть, я замѣтилъ, что самые отличные между турками уже ставили здѣсь свои шатры: я удалился, и шелъ палимый солнечнымъ жаромъ, который былъ нестерпимъ, хотя это было въ ноябрѣ. Одинъ турокъ изъ моей пар-

тій предложилъ мнѣ чашку кофе безъ сахару; это не составляло для меня большаго угощенія. Наученный обычаямъ страны, я принялъ его однакожъ, и помирился съ этимъ, потому что я былъ весь въ поту; въ воздаяніе за это я далъ ему шесть орѣховъ: я говорю шесть, ибо для меня было важно сосчитать ихъ; онъ, какъ мнѣ показалось, былъ доволенъ, и въ остальное время путешествія мы дѣлали взаимно другъ другу этотъ маленькій подарокъ.

Въ слѣдующій день мы остановились на берегу рѣки, подъ прохладной и прелестной тѣнью. Но тутъ было другое препятствіе; моя провизія очень истощилась, и у меня почти ничего не оставалось на ужинъ. Солиманъ, мой безподобный Солиманъ, единственный вѣрный другъ въ моихъ нуждахъ и въ моей скудости, принесъ мнѣ двухъ маленькихъ птицъ, изжаренныхъ на угляхъ; ему дали ихъ охотники нашего каравана. Я взялъ изъ нихъ одну, и оставилъ ему другую; онъ присоединилъ къ этому чашку, наполненную рисомъ, столь твердымъ, что ложка едва могла входить туда, и къ несчастію нашему она у насъ была только одна. Не было тутъ рѣчи о брезготнѣ, я сдѣлался привычнымъ къ странѣ; мы служили другъ другу попеременно; онъ начиналъ ѣсть первый, говоря мнѣ: ѣшь, это хорошо, не бойся. Мы пили воду изъ одного и тогоже кувшина безъ мѣры и безъ скандала; я говорю изъ одного и того же кувшина; во Франціи было бы неучтиво дѣлать такъ, а между ними дѣлать это иначе значило не быть человѣкомъ: они наблюдаютъ совершенное равенство. На нашемъ пути я видѣлъ рабовъ маврскихъ, которые ѣли со стола своихъ господъ, и выбирали то, что имъ было по вкусу. Все это противъ вѣжливости французской; но они утверждаютъ, что это по законамъ природы и человѣчества. Вотъ ихъ принципъ: всѣ мы люди, говорятъ они, и слѣдовательно всѣ равны по нашему происхожденію: человѣкъ не долженъ имѣть никако-

го отвращенія къ другому человѣку. Можно бы имъ отвѣтить, что это по законамъ природы, но не природы цивилизованной и усовершенствованной по поведенію: они не понимаютъ всѣхъ этихъ разсужденій, и смѣются надъ строгими и стѣснительными правилами нашей вѣжливости.

Оттуда мы прибыли къ воротамъ города, но не вошли въ нихъ. Всѣ жители вышли толпою, одни изъ любопытства, чтобы посмотрѣть на новыхъ лицъ, другіе въ надеждѣ встрѣтить знакомыхъ людей. Турки искали турокъ, греки—грековъ, католики—католиковъ. Такъ какъ я не былъ извѣстенъ никому, то я былъ спокойнымъ зрителемъ этихъ усердій и могъ составлять только безгласную личность. Я не имѣлъ надобности въ обѣдѣ, и въ моемъ мѣшкѣ оставалось еще нѣсколько сухарей. Я думалъ только, какъ бы отдохнуть, и разсуждалъ о положеніи мѣстъ, какъ люди приблизились ко мнѣ, привѣтствовали меня почтительно и цѣловали мнѣ руку; это были христіане—мароніты, которые узнали вѣроятно по моей одеждѣ, что я священникъ. Я позволилъ имъ, и когда они увидѣли, что я не противился, они шли толпою для той же церемоніи, и воздавали мнѣ въ присутствіи турокъ этотъ знакъ своего почтенія. Пришелъ самъ приходскій священникъ; но такъ какъ онъ былъ мой сослуживецъ по священству, то онъ не цѣловалъ мнѣ руки. Онъ просилъ меня слѣдовать за нимъ, повелъ меня въ свой домъ и предложилъ мнѣ обѣдъ. Поданы были взболтанныя яйца, и это было все; но и этаго было много для меня. Послѣ обѣда онъ показалъ мнѣ свою церковь. Лишь только я вошелъ въ нее, всѣ сосѣдніе Мароніты послѣдовали за мной; они желали видѣть священника-Франка. Я воспѣлъ вслухъ вечерню и павечерню Всемогущему, утреню и часы на слѣдующій день. Мнѣ всегда подпѣвали; если оставляли меня одного, то я переставалъ пѣть. Пѣніе римской церкви, котораго они никогда не слыхали, составляло для нихъ

безъ сомнѣнія удовольствіе; оно составляло по крайней мѣрѣ новость.

Если я вамъ сдѣлаю описаніе этой церкви, преподобный отецъ мой, то ваша ревность къ украшенію дома Господня заставитъ васъ пролить много слезъ. Это было стойло; нѣтъ, это было не стойло, это было что-то еще болѣе неприличное. Все зданіе состояло изъ маленькаго четыреугольника, который образовали четыре стѣны, поддерживаемыя четырьмя балками, на которыхъ были наложены прутья изъ дерева или кустарникъ. Сдѣлана была на верху терраса, на которой прогуливались. Добрый приходскій священникъ выставилъ мнѣ всѣ ея украшенія; они состояли изъ одной бѣдной ризы, стихаря и пелены чрезвычайно черныхъ. Не было пелены предъ алтаремъ, и камень весь былъ голый. Онъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ украсить его для великаго праздника. Онъ открылъ сокровищницу и вынулъ оттуда четыре красныхъ изображенія довольно большихъ, которыя онъ прикололъ къ стѣнѣ булавками: это былъ подарокъ, который сдѣлалъ ему проѣзжавшій іезуитскій миссіонеръ. Подарокъ былъ не замѣчательный; это были изъ тѣхъ изображеній, которыя продаютъ во Франціи за шесть лиардовъ, или за два су. Онъ посмотрѣлъ потомъ на меня, и я далъ ему знать, что я доволенъ этимъ новымъ украшеніемъ. Еслибы я могъ развязать мой узелъ, я далъ бы ему необходимое; какая нибудь добрая душа во Франціи вознаградила бы меня за это. Не было лампы въ этой церкви, а между тѣмъ здѣсь было святое таинство. Здѣсь вы ждете описанія дарохранительницы; я не сдѣлаю вамъ этаго, потому что ее нѣтъ здѣсь. Святое таинство было въ маленькой красной коробочкѣ, и эта деревянная выкрашенная дароносица находилась на одной изъ полокъ алтаря съ шандаломъ: это еще былъ подарокъ одного миссіонера. Я представилъ ему ящикъ немного болѣе годный; онъ вынулъ изъ него маленькія beatilles и положилъ его въ свою сокровищницу. Какъ подобное зрѣлище трогательно для

сердца истинно христіанскаго! какъ нашъ Господь великъ, преподобный отецъ мой, но какъ Онъ добръ, Онъ смиряется во всемъ, чтобы освятить насъ!

Какъ скоро я собралъ свою партію, мой признательный приходскій священникъ прислалъ мнѣ двѣ изжаренныхъ курицы и тыкву, наполненную виномъ. Съ этимъ прибавленіемъ, или скорѣе съ этимъ пополненіемъ провизіи, я считалъ себя богатымъ, и на другой день я расчитывалъ принять участіе въ моемъ любезномъ Солиманѣ. Я ѣлъ его птицъ, и онъ былъ очень справедливъ, что ѣлъ моихъ курицъ. За часъ до обѣда я вылилъ вино въ свою чашку, и чтобы положить туда воды, я взялъ кувшинъ у моего сосѣда турка изъ подъ кофе; онъ позволилъ, и пошелъ вымыть его въ фонтанѣ; онъ считалъ его нечистымъ, потому что изъ него была вылита вода въ вино. Я сначала не разсуждалъ о его суевѣріи, и лишь только онъ принесъ его, я снова началъ брать воды; онъ всталъ и началъ туже церемонію; наконецъ я открылъ тайну, и не хотѣлъ болѣе утруждать его. Солиманъ пришелъ, и я разсказалъ ему мою маленькую неловкость, и просилъ его вести меня въ какое нибудь отдѣльное мѣсто, гдѣ мы могли бы обѣдать вмѣстѣ. Онъ не требовалъ лучшаго, онъ увелъ меня въ маленькую рощицу, гдѣ онъ пилъ порядкомъ мое вино, потому что листья укрывали его; сверхъ того онъ былъ изъ страны Друзовъ, а Друзы мусульманами считаются за еретиковъ.

Все шло хорошо до сихъ поръ, но вскорѣ мой суевѣрный турокъ ввернулъ мнѣ еще крючекъ, которымъ думалъ возбудить меня къ худому дѣлу. Къ вечеру у меня была жажда, и я захотѣлъ пить холодной воды. Я пошелъ къ фонтану, онъ пришелъ сюда наполнить свой кувшинъ; лишь только онъ увидѣлъ меня, что я черпаю своей чашкой, онъ началъ кричать изо всѣхъ силъ ja alla! (о Боже!). При его смущеніи, его жестахъ, его крикахъ и жалобахъ, я чувствовалъ, что я преступилъ какой нибудь законъ: но я оставилъ его кричать,

и поторопился напиться, потому что у меня была жажда. Между тѣмъ пришли другіе турки. Остерегайтесь, пожалуйста, говоритъ имъ мой святоша, брать эту воду; этотъ христіанинъ черпалъ ее своею чашкой, изъ которой онъ имѣетъ обыкновеніе пить вино; фонтанъ нечистъ. Они смѣялись надъ нимъ, говоря: **álá nafsa!** (на его душѣ, на его совѣсти); а я отвѣчалъ, **naám álá nafsi**, да, на моей душѣ, на моей совѣсти, я беру на себя охотно этотъ поступокъ, я беру его на себя. Я вѣрилъ предпочтительно ему; однакожъ извѣстно, что по ихъ понятіямъ фонтанъ нечистъ, и я не знаю, какую воду они употребляютъ, чтобы очистить его.

Мы сошли въ долину, гдѣ я увидѣлъ множество хижинъ, разбросанныхъ въ полѣ. Когда есть иностранецъ, то все приходитъ въ удивленіе. Изъ этихъ хижинъ вышли лица, одѣтыя ужаснымъ образомъ: ихъ одежды были покрыты раковинами, перломутами, драгоцѣнными каменьями и золотыми венеціанскими монетами; у женщинъ были серьги не только въ ушахъ, но и въ носу. Явленіе новое; но оно справедливо. У нихъ были перлы въ обѣихъ ноздряхъ; и у самыхъ богатыхъ носъ былъ такъ увѣшанъ ими, что я удивляюсь, какъ онъ могъ держать ихъ, чтобы они не упали.

Мы приблизились къ жилищу Арабовъ. Мы встали въ боевой строй и прошли гордо. Эти разбойники боятся очень огнестрѣльныхъ оружій, и еще болѣе невооруженныхъ Французовъ, чѣмъ вооруженныхъ турокъ. Мнѣ говорили въ караванѣ: одинъ Французъ противъ пяти Арабовъ, и одинъ Арабъ противъ пяти турокъ. Это очень славно для нашей націи, и можно судить изъ этаго, до какой степени распространился ужасъ имени французскаго.

Наконецъ мы прибыли въ Кафетанъ; это родина моего вѣрнаго Солимана; я поселился у него, и чтобы провести время, онъ пригласилъ моего ханжу турка, вѣчнаго товарища въ моемъ путешествіи. Я ѣлъ во время пути въ обществѣ, но это было въ первый разъ,

что я ѣлъ въ семействѣ. Такъ какъ все то, что мнѣ подали, внушало мнѣ отвращеніе, то я имѣлъ время изслѣдовать всѣ ихъ обычаи. Турки ѣдятъ очень скоро, и ужинъ не продолжался болѣе четверти часа. Они не пьютъ во время трапезы, но только по выходѣ изъ за стола. Послѣ этаго они умываютъ себѣ руки водою и мыломъ: нечистота производитъ эту маленькую предосторожность.

Друзья моего гостя пришли видѣть меня, болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ вѣжливости. Когда они осмотрѣли меня на свободѣ, то удалились, и я былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ, что всѣ дочери и жены, составлявшія семейство, усаживались вокругъ меня и составили мнѣ общество. Въ этой странѣ никогда онѣ не показывались, когда есть люди: вѣроятно Солиманъ сказалъ имъ, что я религіозный Франкъ, и что для нихъ не составляло безчестія оставаться всѣмъ вмѣстѣ со мною. Я еще болѣе удивился, когда увидѣлъ, что они были съ открытыми покрывалами. Правда, я не смотрѣлъ имъ никогда въ лицо; это было бы величайшею невѣжливостью, и лишь только онѣ замѣтили бы это, то спустили бы свое покрывало. Такъ строги законы; это внушаетъ имъ и поведеніе и стыдливость. Благій Боже, какъ эти нравы отличны отъ нашихъ! во всѣхъ моихъ миссіяхъ Европы никогда я не встрѣчалъ столько замѣчаній доброты и благосклонности, какъ я встрѣтилъ это въ этомъ невѣрномъ семействѣ. Эти добрые люди говорили со мной постоянно, и я не понималъ ихъ; они имѣли терпѣніе передѣлывать фразу на столько манеровъ, что я наконецъ понималъ кое-что. Наши французы, какъ они ни образованы, не имѣютъ обыкновенно этой снисходительности къ иностранцамъ. Они понимали меня совершенно, потому что я говорилъ имъ только то, что зналъ. Правда, мои погрѣшности относительно языка, мои выраженія, мой выговоръ, заставляли ихъ иногда улыбаться, но это было скорѣе любезностью, чѣмъ оскорбленіемъ, и болѣе способно было ободрить

меня, чѣмъ смутить. Знаете ли вы арабскій языкъ, говорили они мнѣ? Нѣтъ, я начинаю только учиться ему. Знаете ли вы турецкій языкъ? Нѣтъ. Что же вы знаете? Я знаю французскій, греческій, италіанскій и латинскій языки. Я знаю всѣ религіи, я знаю, что только та истинная, которую я исповѣдую, и вы, къ несчастію, не знаете ея. Но поелику вы оказываете мнѣ столько дружбы, то, если бы я хорошо зналъ вашъ языкъ, я явился бы опять сюда научить васъ ей, наставить васъ, и постарался бы спасти васъ. Эти обѣщанія были приняты съ признательностью. Увы! преподобный отецъ мой, не достаетъ здѣсь[ии]только миссіонеровъ; жатва была бы обильна. Друзы имѣютъ отвращеніе къ полигаміи, и хотя, чтобы не навлечь на себя оскорбленій и дурныхъ обращеній, они не принимаютъ никакихъ таинствъ на практикѣ, въ теоріи они не отвергаютъ ни одного изъ нихъ. Вотъ два большихъ пути къ ихъ обращенію.

Обрадованный такимъ вниманіемъ, я хотѣлъ отблагодарить застоль благосклонное гостепріимство, я могъ бы предложить имъ нѣсколько маленькихъ подарковъ, но я былъ очень бѣденъ. Я нашелъ еще однакожъ на днѣ моего мѣшка нѣсколько маленькихъ европейскихъ бездѣлушекъ, которыя я роздалъ имъ: у меня было еще нѣсколько четокъ краснаго дерева, но я не осмѣлился имъ подарить ихъ, боясь, чтобы крестъ не причинилъ имъ затрудненія и чтобы они въ моемъ присутствіи не сдѣлали какого нибудь оскорбленія этому священному знаку нашего спасенія. Я осмѣлился однакожъ дать одну изъ нихъ маленькой дѣвочкѣ, которая была еще грудная. Но каково было мое удивленіе, какова была моя радость, когда я увидѣлъ, что мать отняла четку у этаго дитяти и поцѣловала крестъ на ней и носила ее на своей головѣ въ знакъ своего уваженія! четка обошла все собраніе; ею любовались, ее разсматривали, ее цѣловали. Вотъ, изъ невѣрныхъ много христіанъ, го-

ворю я самъ себѣ. Увы! не достаетъ имъ только миссіонеровъ, чтобы наставить ихъ. Но если мы не наставимъ ихъ, это не наша погрѣшность; позвольте мнѣ сказать вамъ, преподобный отецъ мой, это ваша. Пришлите намъ помощь.

Между тѣмъ какъ воздавали кресту должныя почести, маленькій сосѣдъ десятилѣтняго возраста прокрался въ комнату, чтобы видѣть меня ближе, это былъ сынъ турка. Онъ хотѣлъ въ свою очередь видѣть эту четку, которая составляла предметъ любопытства, но лишь только онъ увидалъ на ней крестъ. онъ побѣжалъ, какъ бѣшеный за палкой, которая находилась близко отъ него, и намѣревался разбить ее. Хозяйка дома остановила его; она вырвала у него палку, и прогнала его изъ дому.

Послѣ тысячи благодарностей, налили масла въ лампадку въ моей комнатѣ; здѣсь обычай оставлять на всю ночь зажженныя лампы, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, въ комнатѣ, гдѣ лежатъ. Меня оставили одного; я совершилъ свою молитву и немного успокоился. На слѣдующій день мы наконецъ отправились къ концу нашего путешествія.

Я далъ вамъ слово, преподобный отецъ мой; я признаю, что такъ какъ есть охотники до новостей, что новости производятъ впечатлѣніе только тогда, когда онѣ передаютъ имъ необыкновенныя происшествія о взятіи городовъ, и выигранныхъ сраженіяхъ, то есть христіане, которые находятъ удовольствіе только тогда, когда имъ говорятъ о блистательныхъ фактахъ, о націяхъ, обращенныхъ къ Іисусу Христу, объ обращенныхъ имперіяхъ и королевствахъ. Это чтеніе будетъ не по вкусу лицамъ такого сорта; но они позволятъ мнѣ сказать имъ, что эти мелкія подробности, хотя менѣе интересныя, имѣютъ однакожъ свою полезность. Онѣ знакомятъ насъ съ характеромъ народовъ, съ обрядами ихъ религіи, съ трудностями, неразлучными съ жизнію миссіонера. Вотъ пред-

меты, которые я предположилъ себѣ наблюдать, и я надѣюсь исполнилъ свою задачу. И такъ имѣю честь быть, и проч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предварительныя понятія о мухаммеданскомъ постѣ.	3— 14.
I.	Мнимая древность и дѣйствительная исторія мухаммеданскаго поста въ мѣсяцъ Рамазанъ	15— 32.
II.	Общія замѣчанія о характерѣ мухаммеданскаго поста сравнительно съ христіанскимъ постомъ	33— 42.
III.	Образъ совершенія поста въ мѣсяцъ Рамазанъ современными мухаммеданами.	43— 84.
IV.	Христіанское и мухаммеданское богослуженіе во время поста. Христіанскій и мухаммеданскій взглядъ на спасительность поста	85—117.
V.	Недостатки мухаммеданскаго поста сравнительно съ достоинствами поста христіанскаго.	118—140.

Стр.

Приложеніе. Письмо Алеппскаго миссіонера о Рамазанѣ Турокъ, о Пасхѣ Христіанской и о главныхъ обстоятельствахъ его путешествія . . . . . 143—171.